

lovedways

ПОЗВОЛЬ МНЕ
РАСКАЯТЬСЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

lovedvays lovedvays

Позволь мне раскаяться

Серия «Диалогия: Раскаяние», книга 2

<https://litres.ru/74063229>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она ушла.

Будучи верной себе и своей слабости, она снова сбежала из нашего городка, разбив мне сердце. Я знал, что это случится, с того самого дня, как впустил её в свою жизнь. Такие люди не остаются навсегда. Они появляются внезапно, переворачивают твой мир, заставляют поверить в невозможное, а потом исчезают, оставляя после себя лишь пустоту.

Всю жизнь я верил в Бога, добро и всепобеждающую любовь. Но после её ухода всё, что казалось незыблемым, превратилось в руины. Теперь мне предстоит заново учиться жить без веры в Бога и в то, что однажды эта боль действительно отпустит.

Но что делать, если сердце всё ещё принадлежит той, которая его разбила? Смогу ли я собрать себя по кусочкам и впустить в свою жизнь кого-то другого? Позволю ли себе снова любить? И хватит ли мне сил остаться верным своему выбору, когда я узнаю, что девушка, которую я так отчаянно пытался забыть, возвращается в родной город?

Некоторые истории заканчиваются словом «прощай», а для некоторых — это только начало.

Содержание

Плейлист	5
Часть 1	6
Тэйт	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	65
Глава 6	82
Глава 7	94
Глава 8	108
Глава 9	121
Глава 10	138
Глава 11	156
Глава 12	171
Глава 13	185
Глава 14	200
Глава 15	210
Глава 16	230
Глава 17	252
Глава 18	268
Конец ознакомительного фрагмента.	292

lovedvays

Позволь мне раскаяться

Плейлист

Highasakite — Lover, Where Do You Live?

The Neighbourhood — A little death

The Blue Stones — One By One

Lord Huron — The Night We Met

Hurts — Wonderful Life

Reamonn — Supergirl

Billie Eilish — I love you

Gigi Perez — When She Smiles

Enigma — Silence Must Be Heard

Birdy — Wings

Часть 1

Тэйт

Я притворялся: всё пройдёт,
Что время лечит — боль уйдёт.
В спине моей всё глубже нож —
Обман себя — святая ложь.

Пролог

Лиловая шёлковая простыня под моей ладонью отдавала холодом. Я сидел на краю кровати и медленно вёл по ней рукой, ощущая приятную прохладу. А когда та завершила свой путь у самого края, я вцепился в тёмное деревянное основание, с силой сжимая его. Мыслей в голове было очень много — так много, что своей назойливостью они доводили меня до боли. На мгновение я зажмурился, надеясь, что так избавлюсь от них, но это не помогло. Так что, открыв глаза, я просто уставился на узорчатый ковёр. Он, к слову, тоже был лиловым. Этот факт заставил меня улыбнуться и снова окинуть взглядом комнату. В ней я был не в первый раз, но сегодня она выглядела по-другому.

Деревянный старый шкаф, под стать маленькому столику в углу, напечатанные черно-белые фотографии неизвестных мне людей на стенах, зеркало в пол и огромная, занимавшая большую часть комнаты кровать — вот и всё, что было здесь, если не считать запаха лака и краски, витавшего в воздухе после недавнего ремонта. Дом стал выглядеть лучше и ухоженнее, несмотря на слишком яркие, розовые тона, которые теперь в нём преобладали.

Пока я вспоминал о том, как выглядел он раньше, кровать тихо заскрипела.

— Доброе утро, — прозвучал сонный, мягкий девичий

ГОЛОС.

— Доброе утро, — автоматически ответил я.

Одеяло, отброшенное в ненадобности, скатилось на пол, и через секунду я почувствовал шевеление и лёгкое щекотание волнистых волос на своей обнаженной спине. Нежные женские руки обвили меня за плечи, притянув к себе ближе, а губы нежно коснулись щеки.

— Снова о чём-то задумался? — спросила она нежно, с заботой, продолжая дорожку поцелуев от лица к шее.

Я поднял голову, глядя на плотные розовые шторы, которые скрывали мир за окном и погружали комнату в полумрак. Здесь не хватало света, и было очень душно. И то ли от этого, то ли по какой-то иной причине, но мне стало тяжело дышать.

— О чём? — снова прозвучал голос с ноткой любопытства у самого уха.

Словно сбрасывая с плеч невидимый груз, я медленно и на пол-оборота повернул голову, чтобы встретиться с ней взглядом. Уголки моих губ дрогнули, сложив почти неуловимую улыбку, адресованную ей, и произнёс то, в чём смог себя убедить:

— Ни о чём. Это не имеет значения.

Глава 1

Семнадцать месяцев назад

Все в мире меняется, улучшается, растет или умирает. Но обычные бытовые вещи остаются просто вещами: настольная лампа, листы с учебными записями в папках, карта звёздного неба, приклеенная к стене, коробки с таблетками, сутана, висящая на вешалке, книги, стеклянный подсвечник и многое другое.

Для кого-то эти ничем не примечательные вещи наполняются смыслом, становясь частью личной вселенной. Для меня же это просто ничего не значащие предметы, которые в любой момент можно заменить. Все, кроме одной, конечно же. Той единственной, которая помогала мне по сей день, имела огромное для меня значение и оказала важное влияние на меня. Она всегда находилась очень близко ко мне и в данный момент лежала на кровати под подушкой.

Тяжело дыша и едва удерживаясь на ногах, я тянулся рукой, желая достать из-под нее Библию, но резко распахнувшаяся дверь и громкий, сорвавшийся голос заставили меня замереть.

— Тэйт!

Я резко обернулся. Лицо матери в дверном проеме расплывалось в моих глазах, черты смешивались, становясь размытыми, но шокированное выражение читалось безошибоч-

но. Ноги вдруг подкосились от бессилия, и я начал медленно сползать на пол, цепляясь за край стола у кровати.

— О Боже! Тэйт!

Она бросилась ко мне, не обращая внимания на хруст осколков подсвечника под подошвами домашних тапочек. Ключки разорванной бумаги взметнулись в воздух от её порывистых шагов, и уже через секунду она оказалась около меня.

Я был еще в сознании, когда её тёплые, шершавые руки осторожно обхватили мою голову и мягко уложили к себе на колени. Пока я пытался отдышаться, она осматривала разгромленную комнату огромными, полными ужаса и непонимания глазами. Я чувствовал себя ужасно, а она молчала, словно это не мне было тяжело говорить и дышать из-за болезни, а ей.

Но её тоже можно было понять. За двадцать один год она никогда не видела меня таким. Обычно так бунтуют подростки в порыве гормонов, но даже в этот период своей жизни я был тихим и спокойным, а моя комната выглядела всегда одинаково и прозаично. У меня никогда не было ни причин, ни желания в ней что-то менять, и, возможно, всё оставалось бы в своём первоначальном виде до того, что случилось сегодня, но увы.

Всюду валялись клочки разорванной карты звёздного неба. Учебные папки были вывернуты, а бумаги разбросаны. Груды книг в порыве злости сметены со стола. На боку лежал

стул, одна ножка которого треснула. Сутана, сдёрнутая с вешалки, была скомкана и брошена в угол. Коробки с таблетками рассыпались по полу, словно конфетти. И завершали картину тотального разрушения осколки настольной лампы и стеклянного подсвечника, разбросанные по всему полу. Я закрыл глаза, не в силах смотреть на хаос, который сам же и сотворил.

Сегодня нашлась причина для глобальных изменений и в моей комнате, и в моей жизни. И у этой причины было красивое, вызывающее дрожь в моём теле, имя.

Алекса.

Я предполагал, что всё так и закончится. И совру, если скажу, что не надеялся на иное. Надеялся. Очень. Особенно в тишине, шепотом читая молитву и прося Его привести её ко мне. А когда она пришла, на мгновение мне показалось, что её чувства сильнее страха, что она всё же осмелится остаться со мной.

Но как же я ошибался!

Она ушла, верная себе и своей слабости. Я ожидал такого исхода. Но ожидать — это одно, а лежать на полу в руках обеспокоенной матери с дырой в груди — совсем другое. Моё глупое сердце надеялось, что моя вера сможет всё преодолеть.

Каким же наивным оно было!

Дрожащие пальцы коснулись моего лба, отодвинув слипшиеся от пота волосы.

— Ты весь горишь, — с тревогой прошептала мама.

В данный момент я был бы не против сгореть весь разом, потому что внутренний огонь сжигал меня медленно и мучительно, давая понять, что он будет жечь ещё очень и очень долго.

Я не хочу это проживать, не хочу это чувствовать. Лучше бы она вырвала моё сердце и забрала с собой, как трофей, чем разбила его. Она жестока. Она эгоистична. Но я даже злиться на неё не могу, и это просто сводит меня с ума.

— Всё пройдёт, — ласковый голос витал надо мной, пытаясь залечить раны. — Боль со временем утихнет, и всё забудется, — шептала она, будто не утешая, а надеясь, что так оно и будет.

Моя мать была мудрой женщиной, видевшей то, чего я сам порой не замечал. Уверен, она догадывалась о моих чувствах к Алексе ещё в школьные годы, когда я проживал чужое горе так же остро, как своё. Возможно, уже тогда она всё знала, ведь несколько раз осторожно пыталась со мной об этом поговорить. Но с самого детства я был скуп на эмоции, и, видимо, именно поэтому она не противостояла моим чувствам, а наоборот, наблюдала, как они росли во мне и расцветали. Вот только была ли она готова к тому, что ей придётся видеть своего сына в таком состоянии?

Мы просидели так очень долго. Или, может, мне так просто показалось в полусне. Её тихий, убаюкивающий шёпот сливался с биением моего сердца в один укачивающий звук,

унося всё дальше от края, где ещё тлела ярость. Я уже почти отключился, когда снова почувствовал материнское прикосновение.

Её большой палец, шершавый и безмерно нежный, коснулся моей щеки и мягко провёл от виска к подбородку, собирая влагу с кожи.

Мою боль и мою слабость.

Больше сил держаться не было. Я сдался, позволив темноте накрыть себя с головой, и та приняла меня в объятия с осторожной нежностью, забрав всё плохое и оставляя лишь покой. А когда отпустила — подарила свой жестокий и обманчивый дар.

Когда я проснулся, за окном было темно, а в комнате мерцал слабый свет свечи на столе. Я лежал в своей кровати, и меня бил озноб, хотя мокрая подушка свидетельствовала об обратном. В лихорадочном бреду я едва разлепил веки. Свет расплывался. Сколько же я спал?

За дверью слышались твёрдые, неторопливые шаги, которые дали мне понять, что это был отец. Я снова закрыл глаза, притворившись, что сплю, а тот бесшумно зашёл и остановился у кровати. Даже не смотря на него, я чувствовал пристальный взгляд на себе. Уверен, помимо тревоги, в нём читался ещё и укор. Такое поведение отец не поощрял. И будь я для него сейчас в сознании, он обязательно прочитал бы мне лекцию о том, что Бог не приемлет зла, что ярость, застилающая мои глаза, — это дверь, которую открывает дья-

вол. Что гнев не делает сильнее, а лишь отдаляет от света. Поэтому, избегая его наставлений, которые сейчас мне хотелось слушать меньше всего, было проще сделать вид, что я сплю. Но даже это не помешало отцу шёпотом коротко помолиться и попросить для меня выздоровления. После этого он ещё немного постоял в моей комнате, а после вышел.

Как только дверь окончательно за ним закрылась, я снова вернулся в суровую реальность, пытаюсь понять, сколько сейчас времени и какой сегодня вообще день. Приложив усилия, я дотянулся до телефона, лежащего на столе, и дрожащими пальцами разблокировал экран, пытаюсь сопоставить дату. Но это почему-то никак не получалось. Я не мог вспомнить, в какой день я вернулся домой из больницы. Всё было в каком-то бреду. А ещё мне снился странный и неприятный сон. Но не успев прокрутить его в своей памяти, восстановив полностью картину, глаза снова закрылись, и я оказался в полной темноте.

Проснувшись в следующий раз, в комнате уже было светло, даже слишком. Я лежал в постели, накрытый одеялом и пледом, и чувствовал себя немного лучше. В глазах больше ничего не расплывалось, и я мог сфокусировать свой взгляд на комнате и отметить, что пол был чистым, книги и папки с бумагами ровными стопками лежали на столе, у которого стоял стул из родительской комнаты. Я посмотрел на шкаф. Вешалка с сутаной висела на ручке, как ни в чём не бывало, а значит, весь тот ужас был действительно сном при темпе-

ратуре сорок. Алекса не приходила ко мне, не прощалась со мной, не разбивала мне сердце и не покидала наш маленький городок. Всё это мне приснилось.

По телу начало разливаться тёплой волной облегчение, и я даже почти уже улыбнулся, пока не увидел яркий прямоугольник обоев, резко выделяющийся на остальном фоне. Обычно там висела карта звёздного неба, но сейчас там было пусто. Я аккуратно приподнялся на локтях. На письменном столе, где всегда находилась лампа, теперь стояли две толстые восковые свечи, наполовину оплывшие и без подсвечника.

Я вдруг занервничал, ощущая, как паника постепенно накрывает меня, и в этот самый момент скрипнула дверь.

— Доброе утро, сынок.

В комнату, неся перед собой небольшой деревянный поднос, вошла мама. Её лицо было бледным, с мешками под глазами, но улыбка оставалась спокойной и привычно-заботливой. Она направилась прямо к столу и аккуратно поставила на него поднос с тарелкой, от которой исходил густой, горячий пар, пахнувший курицей и овощами. Затем она села на край моей кровати и положила руку поверх моей.

— Как ты себя чувствуешь?

«Как я себя чувствую?»

Потерянным и озадаченным, а из-за болезни ещё и заторможенным. Я сглотнул, пытаясь смочить пересохшее горло.

— Сколько дней я так лежу?

Она погладила мою руку большим пальцем, а её взгляд неторопливо переместился к окну, будто сверяясь с невидимым календарём.

— Сегодня пятый день, Тэйт.

Пять дней. Я пролежал в кровати в беспамятстве пять дней. Я выпал из жизни, потерялся в реальности и сне, которые смешались воедино, и не мог разобраться, где правда, а где выдумка.

— Надо поесть, — всполошившись, мама начала подниматься с кровати, но я удержал её за руку и обеспокоенно на неё посмотрел.

— Алекса? — выдавил я единственное, что меня волновало, охрипшим голосом.

Тишина, что воцарилась после моего вопроса, была красноречивее любых слов. Я смотрел на маму, но видел лишь сменяющиеся быстро кадры того дня: вот её пальцы выскальзывают из моих, вот дверь закрывается за ней, и вот мой мир раскалывается на "до" и "после". Потом оцепенение сменилось новой горячей волной, но это был уже не жар болезни. Это был жгучий, всепоглощающий стыд. Я, который всё всегда держал внутри, который был тихим и спокойным, который следовал наветам отца, разнёс свою комнату после того, как Алекса ушла.

— Значит, мне не приснилось, и я действительно — я не смог договорить. Мой взгляд метнулся к чистому полу, где валялись осколки, и выцветшему куску обоев на стене.

— Тэйт, сынок, ты был в бреду, ты не владел собой — начала мама, успокаивая, глядя меня по руке. Она, как обычно, пыталась утешить меня, говорила, что всё нормально, но в этот раз я ей не верил. Всё не было нормально.

— Пожалуйста, — прохрипел я больным голосом и, отстранившись, выдернул руку из-под её ладони. — Оставь меня одного.

Я не мог смотреть на неё, не мог слушать о том, что всё наладится. Сжимая простыню в руке, я пытался удержаться хоть за какую-то опору в этом рушащемся мире. Мне было невыносимо стыдно, что она видит меня таким — раздавленным и беспомощным.

Она замерла. Я чувствовал, как её глаза полные мучительной жалости, впиваются в мой профиль. Мама хотела что-то сказать, коснуться меня, но, услышав твёрдую непреклонность в моём тоне, остановилась. Она поняла, что сейчас это бесполезно, поэтому вскоре тихо и беззвучно поднялась.

— Я оставлю бульон на столе, — глухо произнесла она уже из-за двери. — Таблетки там же.

И только оставшись наедине с самим собой, я позволил себе быть слабым.

Из моего горла, сквозь невольный кашель, вырвался хриплый звук — что-то между всхлипом и спазмом. Я тут же прикрыл лицо ладонями, пытаюсь удержать ту влагу, что уже спешила вниз по щекам к подушке. Моё тело, измученное болезнью, наконец могло освободиться от той агонии, кото-

рую я так тщательно держал внутри.

Но это не самое страшное. Я знал, что вылечусь, и это пройдёт. Но смогу ли забыть тот звук и выражение лица, когда Алекса стояла на льду? Меня это так удивило. Она не боялась, не кричала и не просила о помощи. Она с таким смирением приняла неизбежность, словно делала это не раз, и от этого становилось жутко. А звук трескающегося льда до сих пор отдавался в висках, провоцируя головную боль. Такая беспечная, не боялась смерти, но боялась остаться со мной. И как я должен при этом себя чувствовать?

Следующие дни проходили одинаково. Утром мама приносила суп, а вечером уносила его нетронутым и холодным, принося что-то другое. На следующий день все повторялось. По вечерам заходил отец, но я каждый раз притворялся спящим, намеренно отгораживаясь и отдаляясь от него.

В тишине я много думал. О ней. О Нём. О своей жизни. Я больше не обращался к Богу, не открывал Библию. Со мной осталась только тишина, которой было слишком много, и которая всё обостряла. Особенно это касалось чувство абсурда.

Все молитвы, всё прощение, моя жертва — всё было вложено в «нас». А «нас» никогда и не было. Так в чём тогда был смысл? Это было чувство глубочайшего предательства — не её, а самой логики мироздания, в которое я свято верил. Я не хотел говорить с отцом, потому что изо всех сил старался не злиться на Него. Я делал всё, как должно, как

предписано. Но в итоге я не счастлив.

Вечер сегодняшнего дня кардинально отличался от привычного мне режима. Из-за того, что температура больше не жарила меня, я не хотел спать, а жаль. Теперь я не мог уйти в беспамятство, я всё думал: как она? Где она? Что сейчас делает? Как себя чувствует? У меня не было её номера, и хорошо, ведь если бы был, то я наверняка уже позвонил бы или отправил сообщение. И не одно. Но соблазн всё равно был велик. Я хотел её услышать, хотел её увидеть, и сейчас меня, несмотря на то, что произошло, тянуло к ней сильнее, чем когда она спала в нашем доме на первом этаже.

Час ночи, второй, третий — я, как заведённый, ходил по комнате, прокручивая каждый её взгляд, каждое прикосновение и каждую реплику. В голове, как заезженная пластинка, играла та самая песня, под которую мы танцевали. Я был самоубийцей, сознательно причиняющим себе боль, но не мог остановиться.

Человеческий организм — интересная штука. Я не ел несколько дней, но не чувствовал голода, зато явственно ощущал её запах. Словно он всё ещё витал во всём доме, словно впитался в каждую его стену. Или, может

Прежде чем мозг успел до конца сформулировать предположение, я уже покидал свою комнату, стараясь не шуметь, ступая по старому деревянному полу. Со скрипучей лестницей было сложнее, но я справился. Заворожённый, я шёл на запах к маленькой комнатке на первом этаже рядом с лест-

ницей.

Остановившись у двери, сердце, как и тогда, когда она спала за этой дверью, забилось чаще. Меня снова бросило в пот, ноги задрожали от слабости. Больной и ослабленный организм всё ещё напоминал о своём состоянии, но я всё же сделал робкий, полный безумной надежды шаг. На что я рассчитывал? Понятия не имею. Ведь знал, что её там нет. И всё же какое разочарование я испытал, когда, опершись о дверной косяк, увидел голую кровать и пустой стол. Картина полного опустошения, такого же, как в моей душе, но всё же я оказался прав. Здесь до сих пор пахло её духами.

Прикрывая за собой дверь, я вошёл внутрь и подошёл к шкафу. Пусто. Ни одной её случайно забытой или специально оставленной вещи. Стоящий у стены небольшой стол навевал воспоминания: как она сидела здесь за ноутбуком, увлечённо что-то переводя, и даже не заметила, как я вошёл с кружкой кофе. Как же она была красива тогда, в простой чёрной толстовке, с небрежным пучком, со своей ангельской и такой недостижимой красотой!

Образ, такой чёткий и явственный, стоял перед глазами, и я не хотел его отпускать, поэтому, коснувшись рукой изголовья кровати, медленно опустился на голый матрас. Никогда ещё я не хотел так отчаянно остаться в этой комнатке, что служила нам подсобкой. Её запах заменил собой здешний воздух. В нём было не только сочетание персика и пиона. В этом воздухе была заключена моя потерянная, невоз-

можная отрада. Он был доказательством того, что она была здесь. По-настоящему.

Уложившись на этой небольшой кровати, я вместо подушки подложил под голову руки и уставился в потолок. В темноте тот был невидим, и это позволяло её образу, тому самому, яркому и неумолимому, занять всё пространство передо мной. Я не боролся с ним. Наоборот, я впустил его, позволил каждому воспоминанию, каждому мигу развернуться передо мной в подробностях.

Я и не заметил, как мысли, образы и её запах увлекали меня всё дальше и дальше, даря облегчение. Я без сожаления променял свою тёплую, мягкую кровать на этот жёсткий матрас в заброшенной комнатке. Потому что здесь, даже во сне, мне казалось, она была чуть ближе. И это была единственная сделка, на которую моё разбитое сердце всё ещё соглашалось.

Глава 2

— Это неправильно!— сквозь сон пробивался жёсткий, громкий голос.

— Он скучает, — ответил ему мягкий и спокойный.

— Как можно скучать по тому, кто чуть не убил тебя?

Голоса, доносившиеся из кухни, становились всё отчётливей и громче.

— Ох, Иллайя, неужели ты и правда ничего не замечал? Сердце не выбирает, кого любить.

— И слышать об этом ничего не хочу! Ему нужно сейчас о другом думать!

Боже, я уже знал, что сейчас начнется. Я медленно поднялся, чувствуя, как затекло и онемело всё тело — особенно рука, на которой я проспал всю ночь. Но как только я со скрипом открыл дверь из нашей маленькой подсобки и вышел, звучащие голоса на кухне мгновенно умолкли.

Тот факт, что я проспал здесь всю ночь, лишь подтверждал все догадки отца. И, судя по всему, они его совсем не радовали. Но в конце концов мне нечего было скрывать, а ему — не о чем было тревожиться. Ведь Алекса уехала и больше никогда не вернётся.

— Доброе утро! — с напускной улыбкой произнесла мама, направляясь ко мне навстречу, в то время как я закрывал дверь.

Мои глаза поймали взгляд отца. Он тоже улыбнулся, но сдержанно, скорее даже натянуто.

— Завтрак на столе, — с заботой продолжила мама, поправляя мятый рукав моей белой домашней футболки.

— Я не хочу, — ответил я, делая шаг по направлению к лестнице.

— Тэйт, — произнёс отец. Его голос прозвучал не громко, но с такой твёрдой, незыблемой интонацией, что я непроизвольно замер и повернул голову. — Сядь за стол, сын мой.

Стоящая рядом мама подбадривающе кивнула. Тяжело вздохнув и стиснув зубы, я направился на кухню.

Домашняя еда, которую мама так вкусно готовила, всегда имела соблазнительные запахи. Но сейчас это был не больше, чем простой омлет, тосты и блинчики, от которых не исходило ничего. И всё же, вопреки этому, при виде завтрака желудок сжался от ноющего голода.

— Сейчас чай налью, — засуетилась мама, пока я усаживался под пристальным взглядом отца. Он смотрел так, будто видел меня впервые — пытаюсь разглядеть что-то за пеленой усталости и безразличия.

— Как ты себя чувствуешь? Тебе лучше? — спросил он, снимая очки.

— Лучше, — коротко ответил я, мысленно уже возвращаясь в свою комнату, в тишину, где не нужно было притворяться.

— Ты долго не посещал церковь. Нужно сходить помо-

литься и поблагодарить Бога, — произнёс он, и я не смог сдержаться и едко усмехнулся.

— Поблагодарить? За что? — спросил я, лениво водя ложкой в кружке с чаем. Горечь в моём голосе звучала откровеннее, чем я планировал.

— За то, что ты жив, — пояснил он, откладывая вилку и вытирая губы салфеткой.

Я ничего не ответил. Не стал шокировать его мыслью, которая сидела в моей голове все эти дни: я бы и не был на грани смерти, если бы Он не привёл её в мою жизнь. В этом-то и был чудовищный парадокс. Я просил веры и любви, а получил испытание и боль. И теперь мне предлагают благодарить за то, что я выжил в буре, которую устроил тот, к кому я всегда обращался.

— Не сегодня, — твёрдо ответил я и, встав из-за стола под абсолютную тишину на кухне, направился прочь.

— Тэйт, — снова прозвучал голос отца, который приобрёл незыблемую твёрдость, с какой он заставлял прихожан внимать каждому его слову.

Я замер, держась рукой за перила лестницы.

— Надеюсь, ты помнишь, что через полгода ты получаешь диплом и тебе нужно готовиться к экзаменам?

Об этом я думал в последнюю очередь, а если быть честным, то не думал вообще.

— Помню, — бросил я, не глядя на него, и быстро поднялся на второй этаж.

Оказавшись в своей комнате, я рухнул на кровать и снова уставился в потолок, чувствуя, как всё внутри разрывается от противоречий. Весь мой прежний уклад, выстроенный с детства, превратился в руины. А я сам, всегда считавший себя сдержанным человеком, едва ли мог совладать с бушующими в груди эмоциями. Я никогда не испытывал ничего подобного и не знал, что делать, чтобы стало легче. Раньше я искал ответы в священной книге, теперь же чувствовал только пустоту и горькое разочарование. Это было похоже на предательство: опора, на которой стояла вся моя жизнь, внезапно ушла из-под ног, и теперь я балансировал на краю, едва удерживаясь от падения.

Охваченный этим порывом, я вытащил Библию из-под подушки и, резко открыв дверцы шкафа, положил её на одну из полок. Больше я не просил. Больше я не верил.

В затянувшейся тишине комнаты её образ снова настиг меня с неумолимой силой. Волосы, губы, руки, ресницы мелькали в моей голове заставляя сердце сжиматься так болезненно, что хотелось кричать от бессилия или снова что-нибудь разбить, хоть я и отдавал себе отчёт, что облегчения это не принесёт.

Вскоре, когда отец ушёл в церковь, в комнату снова вошла мама. Она молча поставила поднос с обедом на стол, затем достала из кармана фартука блистер с таблетками и оставила их рядом со стаканом апельсинового сока.

— Их нужно обязательно выпить, — сказала она мягко.

— Пожалуйста, Тэйт. Ради меня.

Она не стала настаивать на разговоре, не пыталась пробиться сквозь стену. Она просто сделала то, что считала нужным: позаботилась о физической оболочке сына, когда до его души, казалось, не было возможности дотянуться. И в этой её простой, упрямой заботе, в том, как она старалась держать лицо и быть сильной, была такая пронзительная, тихая любовь, что у меня вновь запершило в горле. Это трогало, даже сквозь онемение.

Встав с кровати, я машинально проглотил таблетки, запив их соком, который был таким же безвкусным, как и всё вокруг. Взгляд упал на папки с лекциями на столе. Отец, конечно, был прав: я должен сдать немало экзаменов. Но как думать об учёбе сейчас? Как заставить свой разум сосредоточиться на кейсах по управлению репутацией, психологии массовых коммуникаций или построению PR-стратегий, когда единственный вопрос, который крутился в моей голове, был простым и примитивным: «Почему?»

«Почему всё получилось именно так? Почему она уехала? Почему вообще моё сердце выбрало именно её?»

Эти вопросы я прокручивал в своей голове как одержимый. Дни постепенно выстроились в унылую, однообразную череду. Они складывались в недели, образуя потерянное время, пустоту, заполненную лишь одним — ею. Днём я сидел в своей комнате, в одиночестве, но не готовился к экзаменам. Я либо тешил себя воспоминаниями, намеренно вызывая в

памяти самые яркие, самые болезненные моменты с Алексой, либо просто смотрел в окно на однотипный пейзаж. А вот ночью, когда я не мог находиться в собственной комнате, начиналось самое интересное.

Неведомая, иррациональная сила тянула меня в крошечную комнатку у лестницы. Спать здесь было мучительно, потому что каждую секунду я чувствовал её отсутствие. Но и не спать здесь было невозможно — это было единственное место, где я ещё мог обманывать себя, будто её призрачное присутствие рядом ещё не окончательно угасло.

Через несколько дней моих ночевок на голом матрасе мама, не задавая вопросов, застелила кровать чистым постельным бельём и принесла подушку. Это был её знак принятия и поддержки. Теперь я мог спать там «официально». Отцу, конечно, пришлось с этим мириться, скрипя зубами. Каждое утро за завтраком он заставлял меня, выходящим из комнаты, и на его лице читалась сложная, болезненная смесь: уже привычное недовольство моим «странным» поведением, глубокое непонимание такого падения и, проступающая сквозь суровость, беспомощная, сдавленная жалость. Он не знал, как спасти сына, который бежал от своей собственной комнаты в кладовку, и этот факт, кажется, ранил и унижал его почти так же сильно, как и меня.

Проходили дни, в которых я существовал, чем жил. Для родителей я стал больше призраком, чем сыном — молчаливым, отстранённым, реагирующим только на прямое обра-

щение и то с задержкой. Болезнь полностью отступила. Физически я был уже здоров, а вот эмоционально и ментально — всё так же сломлен.

Жизнь вокруг продолжалась. Об этом неумолимо свидетельствовали звуки капли за окнами. Снег почти весь растаял, обнажив пожухлую траву, а солнце стало чаще радовать мир, заливая коридоры дома длинными, яркими лучами. Я же чувствовал, как наоборот абстрагируюсь от этого пробуждения.

Чем больше времени проходило — а счёт уже шёл на недели, — тем сильнее становилось осознание одного простого, но позорного факта: я катастрофически отставал в учёбе. За это время я уже пропустил семь самостоятельных работ, не сдал ни одного задания, а тетради с лекциями стали покрываться тонким слоем пыли.

До приезда Алексы в город я был примерным студентом. Учёба была не просто обязанностью, а дисциплиной ума, которая давала структуру и смысл. Теперь же сама мысль о том, чтобы сесть за стол, вызывала приступ практически физического сопротивления. Мой разум, заикленный на бесконечном проигрывании одних и тех же сцен и вопросов, просто отказывался воспринимать что-либо другое.

И это бездействие мучило меня так же сильно, как и тоска по Алексе. Потому что это был выбор. Пусть пассивный, но мой выбор — сдаться. И с каждым днём стыд от этого выбора рос, становясь новой, гнетущей тяжестью поверх старой

боли.

Я был не просто несчастным влюблённым. Я превращался в безвольного человека, неспособного взять под контроль свою жизнь.

Глава 3

Мой отец всегда был спокойным и прагматичным человеком — и таким он был задолго до того, как стал пастором. С детства он воспитывал во мне мужчину, стараясь привить такие качества, как решимость, смелость, уважение и чувство справедливости, в то время как от матери я перенял иное: мягкость, нежность и душевную податливость.

Большую часть детства я провёл рядом с отцом. Именно он научил меня читать, а первой книгой в моих руках стала детская Библия. По вечерам, после ужина, он являл для меня картину мироздания, рассказывал о небесах и Боге. Он всегда считал, что мы невероятно близки — и в интеллектуальном плане, конечно, так оно и было. Но самое сокровенное, то, что тревожило душу, я доверял не ему.

Свои тайны, и то не всегда, я раскрывал маме. Она учила меня, каким должен быть мужчина в отношениях с женщиной, учила спокойствию, пониманию, смирению. Говорила, что ранимость — не порок и не недостаток. Она радовалась, что я не пошёл по пути хулиганства или праздного шатания, как некоторые мальчишки из моего класса.

Не зря говорят, что сыновья чаще похожи на матерей. С годами я только убеждался всё сильнее в этом. Во мне говорил её голос, её сердце, её тихая, но негибкая внутренняя сила.

Мои родители дали мне прекрасный набор качеств. От отца — каркас из воли и интеллекта. От матери — умение чувствовать и способность к состраданию. Но кое-чего важного и фундаментального мне всегда не хватало. Того, что по умолчанию должен был дать мне отец, но не смог. Или не посчитал нужным. Вместо этого он все годы учил меня терпимости. Терпимости, которой именно сегодня с его стороны пришёл конец.

— Ты меня вообще слышишь? — повышая голос, спрашивал меня отец, стоя напротив моей кровати.

— Да, — скучающе ответил я, продолжая пялиться в окно на падающие с крыши капли.

— Мне надоело смотреть, как мой сын исчезает на глазах! Ты почти не ешь и не двигаешься. Ты хоть помнишь, когда в последний раз выходил на улицу?

Я устало выдохнул, не удостоив его ответом. Отец тем временем не унимался.

— Что она с тобой сделала? Как за несколько месяцев смогла превратить тебя в безвольного человека?!

Упоминание об Алексее тотчас взбудоражило мою кровь, и я резко повернул голову и посмотрел на него.

— Она недостойна тебя! — продолжал он. — И не заслуживает твоего падения! Она не тот человек, который будет поддерживать и заботиться. Она не для тебя! И я никогда не одобрил бы ваш союз! А даже если бы я и согласился на него, то она в любой момент сбежала бы от тебя к тому та-

туированному отбросу, который прямо у церковной ограды не стыдился лапать её под футболкой на моих глазах! Это низко. Это грязно. И ты потонешь в этой грязи вместе с ней!

Тирада набирала обороты, голос срывался, теряя пасторскую размеренность и становясь просто грубым, человеческим криком. Я слушал всё это слишком долго, а затем, не выдержав, резко подорвался с кровати и встал напротив отца. Теперь во мне само собой пробуждалось то, чему он меня не научил, — сила для отпора, немыслимая для меня прежде.

«Терпение — это главное, нужно быть терпимым, и Бог тебя вознаградит», — так меня учили. Но больше я не собирался терпеть. Не сейчас, когда он говорит о ней такие вещи.

— Я больше не хочу слышать ни единого плохого слова в её сторону, отец, — отчеканил я каждое слово чётко и с паузами, а последнее и вовсе вылетело из меня с непривычным и неестественно злым рыком. Тот совсем не удивился, а только разозлился ещё больше.

— Мне нужен мой сын! — требовательно вскинул он руки, будто хотел схватить меня за плечи, но вовремя опустил их. — Я не знаю того, кто сейчас стоит передо мной!

Я усмехнулся, почти даже засмеялся от абсурдности.

— Твой сын? — переспросил я, отступая от него на шаг назад и проводя дрожащей рукой по волосам. — Тот, который всегда держал язык за зубами и ходил с тобой в церковь? Тот, который никогда не позволял себе того, что позволяли

его сверстники? Такого сына ты хочешь? Безвольного тихоно, который не умеет постоять ни за себя, ни за тех, кого — голос сорвался, но я не стал подбирать другое слово, чтобы смягчить выражение, — кого любит? Вечно прячущегося за книги и молитвы?

В комнате повисла напряжённая тишина. Мы стояли друг против друга, разделённые не просто пространством, а целой пропастью опыта и боли. Он — человек порядка и веры, для которого мир делился на правильное и греховное. И я — его сын, который только что обнаружил, что самое сильное и настоящее чувство в его жизни попало в категорию «греховного» и «недостойного».

Лицо отца побледнело, а губы плотно сжались. Казалось, он подбирал последние слова и аргументы, способные пробить эту новую для него и опасную броню неповиновения.

— Неужели ты позволишь этой девчонке, — он выдохнул последнее слово с таким презрением, что оно обожгло, — разрушить всё, что в тебе есть? Веру? Достоинство? Будешь всю жизнь сидеть здесь и оплакивать то, чего по сути и не было?!

Его глаза метались по моему лицу в поисках чего-то знакомого — покорности, раскаяния и смирения. Но, не найдя их, он продолжил ледяным и ровным голосом:

— Хорошо. Делай как знаешь. Но будь уважителен к родителям, которые все эти годы оплачивали твою учебу. Сдай экзамены и получи диплом, а после, — он сделал паузу,

смотря мне прямо в глаза, — после можешь стать затворником в подсобке, я и слова не скажу.

Он резко развернулся, сделал два шага к шкафу, рывком открыл дверцу и схватил мой ноутбук, которым я пользовался только по учёбе. Увидев Библию, лежащую на нём, он застыл, а затем уже спокойным и даже усталым голосом спросил:

— Что она здесь делает?

— Лежит, — так же коротко и бесстрастно ответил я, выхватывая из его рук ноутбук.

Книга, попав в мои руки, снова отправилась на полку в шкаф. Я вернулся к кровати, сел и подключил зарядное устройство к ноутбуку, не обращая внимания на стоящего растерянного отца. Тот всё это время молча наблюдал за мной, как человек, только что осознавший, что бой был не за меня, а со мной. И что он его проиграл.

Больше я не хотел с ним разговаривать. Я открыл браузер и начал набирать адрес сайта университета. Отец, всё ещё стоявший посередине комнаты, сделал последний нерешительный шаг в мою сторону.

— Я не могу заставить тебя верить, — произнёс он тихим, лишённым прежней твёрдости голосом. — Но если ты решил отказаться от Него, то я надеюсь, ты понимаешь, что делаешь и что эта девушка стоит твоей веры и твоего мира, — эти слова заставили меня оторваться от экрана. — Я же буду продолжать верить за нас двоих и молиться, надеясь, что

мой сын однажды вернёт себе благоразумие и снова придёт в храм Божий, — затем он просто развернулся и тихо вышел из комнаты.

Я захлопнул ноутбук и отбросил его в сторону. Это была наша первая за всю жизнь ссора с отцом. Не просто спор или разногласие — а настоящее, живое, яростное столкновение. Мне стало стыдно. Тихо, глубоко, по-детски стыдно за тот рык в голосе, за то, как я встал, сжав кулаки, будто готовый к драке с собственным отцом. Стыдно за слова, которые вылетали из моего рта, предназначенные ранить. Но под этим слоем было нечто новое. Дикая, неуместная и опасная гордость за то, что впервые за всю жизнь я не проглотил обиду, не принял его правду как единственную, не согнулся под тяжестью его авторитета и своего долга «хорошего сына». Я провёл черту. И пусть она была нарисована дрожащей рукой, пусть слова были не те и тон был не тот — но черта была.

И всё же, как бы ни гордился, я понимал, что учёба была нужна в первую очередь мне. Это был мой шанс, мой путь, мой собственный труд. Отец и мать откладывали деньги с каждого скромного пасторского дохода, чтобы оплатить мне этот университет. Они не покупали мне машину или дорогую одежду. Они инвестировали в мои знания. И я всегда был благодарным за это сыном. Даже когда я сидел в кладовке и тосковал, где-то в глубине сознания меня терзала мысль: «Ты их подводишь».

И спустя время, когда ярость схлынула, эта мысль вышла

на первый план. Я не мог позволить себе пустить всё на самотёк из уважения к их труду и к самому себе. Провалить всё сейчас — значило не просто разочаровать их. Это значило признать, что вся эта боль, вся эта любовь, всё это смятение оказались сильнее моего характера и моих принципов. Что они сломали во мне не только веру и сердце, но и того самого человека, которым я всегда гордился — ответственного, целеустремлённого, благодарного.

Немного успокоившись после этой бури, я вернулся к ноутбуку. Посмотрел план экзаменов, скачал материалы, ответил на письмо куратора, приславшего календарь пересдач. Маленький шаг был сделан. Теперь нужно было загнать в себя тонны информации, вернуться в учебную колею, сдать всё, что было провалено.

Открыв файл лекции «Стратегии кризисных коммуникаций в цифровой среде», я попытался сосредоточиться. Но мозг, отвыкший от системного мышления, предсказуемо противился. Вместо диаграмм и алгоритмов в голове крутилась навязчивая, постыдная мысль, которая за пятнадцать минут оформилась в полноценную идею.

Я свернул учебный файл и снова открыл Google, переходя на сайт с приветливой регистрационной табличкой. У меня никогда не было аккаунтов в соцсетях. Меня не интересовала жизнь однокурсников или звёзд, не было желания о чём-то писать и чем-то делиться. Интересных или необычных фотографий тоже у меня не имелось. Мама доставала фото-

аппарат, чтобы запечатлеть нашу семью лишь по каким-то особым случаям, поэтому на всех снимках я был в нашем скромном кругу семьи.

Я и не планировал ничего выкладывать, просто хотел кое-что посмотреть. Забив электронную почту в графу и придумав пароль, я оказался в пустом, незнакомом мне пространстве. В окошке с лупой я набрал имя человека, с которым не виделся с тех пор, как попал в больницу. Мои чувства за последние дни сменились с «не хочу никого видеть», на тихое «хочу с кем-то поговорить» и поэтому я всё чаще осознавал, что мне не хватает общения с Эби.

Её страница выглядела визуально эстетично: множество фотографий, на которых она то одна, то с Лизой, то с Джоном, или они все вместе. Идеальные, солнечные кадры. Записей в блоге не было, да и онлайн она была две недели назад. Я зашёл в её список друзей и начал медленно прокручивать ленту незнакомых мне лиц с тихим, тлеющим в груди ожиданием. Интересно, откуда у Эби столько друзей? Она же не училась в университете, а всех одноклассников можно было пересчитать по пальцам, и тем не менее число добавленных аккаунтов приближалось к сотне. Почти в самом конце списка я наконец нашёл того, кого искал: серый квадрат без аватара. Имя: Алекса Ридуэй.

Палец на тачпаде дрогнул, и я, кликнув по имени, попал на её страничку.

Та была совершенно пустой. Ни одной фотографии, ни

одной записи, ни одного репоста. Только имя, серый силуэт вместо аватарки и дата последнего посещения — полтора месяца назад. Видимо, Алекса, как и я, не видела смысла в этой цифровой жизни. И всё же факт её входа, этот призрачный след в сети, снова заставил моё сердце сжаться.

В её списке друзей числилось всего два человека: Эби и девушка по имени Наоми. У той, в отличие от Алексы, страница была заполнена под завязку — будто вся её жизнь с рождения была аккуратно разложена по виртуальным полочкам. В графе «место учёбы» стоял Университет Айовы, а значит, они были однокурсницами. Я начал сосредоточенно листать её фотографии, но тех было чересчур много. Через десять минут, не выдержав, я открыл все списком и, определяя промежутки учёбы, продолжил их просматривать. Эта девушка любила вечеринки и, наверное, за весь период обучения не пропустила ни одну, если судить по изобилию фотографий с тематических тусовок. Алексы ни на одном групповом снимке не было.

Остановиться я уже не мог. Ведомый тупой и настойчивой интуицией, я листал дальше и дальше, пока не наткнулся на одну-единственную фотографию, сделанную, судя по описанию, на втором курсе в комнате общежития.

Снимок был словно случайным, но оттого очень тёплым и живым. Алекса сидела на полу, прислонившись к стене, завешанной светящимися гирляндами. На коленях у неё лежала огромная миска попкорна, а сама она смотрела с улыбкой на

Наоми, которая, вытянув руку, делала селфи. Это был кадр простого девичьего вечера, который, наверное, заключался в просмотре хорошего фильма и поедании попкорна.

Я начал увеличивать фото, чтобы лучше рассмотреть лицо Алексы. Она выглядела так органично и так беззаботно, что в ней не было и следа той девушки, которую я знал здесь. Оторвать взгляд от этой фотографии я уже не мог.

Каждый пиксель на этом размытом снимке становился драгоценностью. Я всматривался в каждую деталь: в распущенные волосы, падающие на плечи небрежными волнами, а не собранные в её привычный, строгий хвост; в смешную футболку с принтом какого-то мультяшного единорога, которую она никогда не носила в школе; в тонкую серебряную цепочку на шее, которую я никогда не видел на ней; в ослабленную линию плеч, в которой не было привычного ей напряжения, словно она всегда готова была отшатнуться или закрыться.

Я смотрел на эту девушку и чувствовал, как во мне снова, с новой силой, разгорается знакомая, изматывающая тоска. Но теперь она была приправлена горьким осознанием: я скучал не только по той, что ушла. Я скучал по той, кого, возможно, так и не узнал. По этой версии её — простой, смеющейся, беззащитной в своей обыденности. По той её части, которую она, приехав в наш город, бережно спрятала под слоем сдержанности и тихой грусти, как то, что нельзя показывать чужим и незнакомым.

И ещё я понял кое-что другое, неизбежное и пугающее: рано или поздно мне придётся её отпустить. Не сегодня. Не завтра. Возможно, даже не через год. Но этот день обязательно наступит, потому что так устроена жизнь — она требует движения вперёд, даже если душа рвётся на части, цепляясь за прошлое. И хотя сама мысль об этом сейчас резала по живому, где-то в глубине, под всеми слоями боли, зрело тихое, разумное знание: нельзя всю жизнь держаться за призрак, но помнить его можно.

Мой палец снова дрогнул над тачпадом, и я, нажав, выбрал «Сохранить изображение». Потом открыл простейший редактор и грубо, без сожаления, обрезал кадр, убрав улыбающуюся Наоми, гирлянды и угол комнаты, оставив только её — девушку с миской попкорна, застывшую в моменте беззаботного счастья, которого я никогда не смогу ей дать.

Затем я открыл настройки аккаунта. Не колеблясь, нашёл пункт «Удалить профиль» и подтвердил действие. Сайт попрощался со мной вежливым сообщением. Больше заходить сюда я не собирался. Там не было ничего, кроме призраков в чужих альбомах.

На рабочем столе ноутбука теперь лежал один-единственный файл — alexa.jpg. Маленькая, украденная у времени и у чужой памяти иконка. Я посмотрел на неё как на доказательство того, что всё это не было сном. Что она существовала в моей жизни, а я, хоть и недолго, но существовал рядом с ней.

Я больше не мог сидеть в этой комнате, в этой тишине, ко-

торая начинала давить сильнее любых слов. Мне захотелось сменить эти стены на приятную беседу с человеком, который всегда был очень добр ко мне. словно само это намерение придало сил, я встал, взял телефон со стола и нашёл в списке нужный контакт.

Раздались длинные и размеренные гудки. Один. Два. Три. В ушах зазвенело от напряжения.

«Привет, это Эби. Оставьте сообщение после сигнала».

Бип.

Я глубоко выдохнул и, сбросив вызов, принялся натягивать на ходу поверх домашней футболки тёплый свитер. В прихожей, услышав мои торопливые шаги, появилась мама. Увидев меня одетым и быстро куда-то собиравшимся, она встрепенулась, а в её глазах вспыхнула радость.

— О, Тэйт, ты куда это? Решил прогуляться?

На ходу я пытался застегнуть куртку, но пальцы все ещё дрожали от непривычной активности.

— Схожу к Эбигейл, — ответил я, прозвучавшим более живым голосом, чем за все предыдущие недели. — Скоро вернусь.

— Но Тэйт, она... — что она договорила, я уже не расслышал.

Глава 4

Улица встретила меня таким ослепительным весенним солнцем, что глазам стало больно, и я зажмурился. Чистый, холодноватый воздух после комнатной духоты вызвал лёгкое головокружение. Мне понадобилось время, чтобы привыкнуть к такой перемене, но, когда глаза более-менее освоились, я, наслаждаясь прогулкой, направился к дому Эби и Джона.

Я и забыл, как прекрасна весна за пределами домашних стен: робкое цветение первых почек на деревьях, запах влажной, оттаявшей земли, крики птиц, деловито сновавших с ветки на ветку.

Раньше я любил сам процесс оживления — как мир медленно, но неумолимо сбрасывает с себя ледяной панцирь, как холод отступает, уступая место не наглому весеннему зною, а нежному, обволакивающему, полному надежды теплу. Сейчас же эта весна была мне противна — слишком яркая, слишком громкая и слишком жизнерадостная. Она навязывала своё пробуждение, в то время как внутри меня всё ещё стояла глухая, зимняя стужа.

Я шёл по тротуару, ощущая себя призраком, желающим закутаться глубже в свитер, чтобы спрятаться от этого навязчивого солнца. Но всё же я очень хотел поговорить с Эби, потому продолжал идти к её дому, опустив голову и рассмат-

ривая тоненькие ручейки на асфальте.

По мере приближения всё громче становился монотонный стук молотка. Он заставил меня поднять голову, шурясь от солнца. Знакомая ухоженная лужайка перед домом Эби выглядела иначе: на пробивающейся сквозь траву беспорядочно валялась куча длинных, наструганных досок, рядом стояли поблескивали пустые стеклянные бутылки из-под пива, и из-под всей этой строительной неразберихи торчала голова в запылённой темно-зелёной бейсболке.

В этой фигуре, сидящей на корточках перед каркасом чего-то непонятного, я безошибочно узнал Джона. В руке он сжимал молоток и с какой-то яростной силой вколачивал гвоздь в толстую доску, не замечая ничего вокруг. И только когда я подошёл вплотную и на него упала моя тень, он замер с молотком на замахе и резко поднял голову.

Его лоб был покрыт испариной от усилий, а в привычно добродушном взгляде читалась усталость и какое-то озабоченное беспокойство. Увидев меня, он широко раскрыл глаза от удивления, которое тут же сменилось сдержанной, но тёплой улыбкой.

— Тэйт? — его голос прозвучал хриловато от физической нагрузки. — Давно тебя не было видно, дружище! Как ты? — он бросил молоток на землю, а затем протянул мне руку.

— Привет. Да всё в порядке, спасибо, — ответил я на его крепкое рукопожатие. — Я звонил Эби, но у неё недоступно.

Мне очень нужно с ней поговорить.

Лицо Джона мгновенно изменилось. Тёплая, открытая улыбка исчезла, а взгляд стал отстранённым и недовольным.

— Ну что ж, удачи, — он коротко хмыкнул, а затем, не глядя на меня, снова схватился за молоток и с новой, удвоенной силой начал вбивать гвоздь, словно этим ударом хотел поставить точку в нашем разговоре.

Я замешкался, почувствовав ледяную волну отчуждения. Не зная, что сказать, я направился в их дом. Внутри меня встретила оглушительная тишина. Я позвал Эби несколько раз, но ответа не последовало. Затем уже громче позвал Лизу, зная, как их дочь обычно с визгом и топотом неслась ко мне навстречу. Но сейчас этого не произошло. Дом был абсолютно пуст.

Когда я уже собирался выйти на улицу, мой взгляд зацепился за некие детали. Дом, который я всегда помнил уютным, чистым и наполненным жизнью, теперь почему-то походил на брошенное жилище. На полу в прихожей валялись скомканные вещи, разбросанные инструменты, газеты и бумаги. В воздухе витал запах табака и алкоголя, а в кухонной раковине, видной из дверного проёма, громоздилась гора невымытой посуды.

Что же произошло, пока меня не было?

Вернувшись на улицу, я быстро подошёл к Джону. Он уже не стучал молотком, а просто сидел, уставившись в одну точку, и потягивал из бутылки тёмное пиво.

— Где Эби? — спросил я.

Тот ответил не сразу. Я наблюдал, как нервно заиграли желваки на его лице, как он медленно, с преувеличенным спокойствием, отпил ещё один глоток, а затем смачно плюнул в сторону.

— А где Алекса, Тэйт? — спросил он исподлобья.

Я замер, чувствуя, как внутри всё обрывается.

— О чём ты? — вырвалось у меня глупо и растерянно. Я захлопал глазами, пытаюсь сообразить, при чём здесь она.

Джон проигнорировал мой вопрос. Он допил пиво до дна, а затем снова схватился за молоток.

— Эби уехала, — выдохнул он и так резко всадил гвоздь одним сокрушительным ударом, что деревянная доска треснула. — Вместе с Алексой и Лизой.

Такого поворота событий я точно не ожидал, поэтому, как дурак, несколько минут стоял с открытым ртом, пытаюсь переварить эту информацию. Как такое возможно? Их семья всегда казалась мне образцовой и счастливой. Я хотел расспросить его поподробнее, что случилось и почему она решила уехать, забрав дочь с собой, но вид взвинченного Джона с молотком в руке давал понять, что сейчас не самое лучшее время, чтобы об этом говорить.

Он, к слову, выглядел не лучше меня: отросшая, неухоженная щетина, глубокие, синюшные круги под глазами — вероятно, он тоже неделями не знал нормального сна. Вся его обычно уверенная осанка была сломлена, а плечи ссуту-

лились под невидимой тяжестью.

Джон долбил молотком, не глядя на меня, а я продолжал стоять рядом, не в силах сделать шаг от услышанного. Всё никак не мог это осознать. Я понимал, что мне нужно было хоть что-то сказать, что угодно, чтобы разрядить эту накалённую обстановку, но в голову ничего не приходило. В мыслях то и дело крутилось: «Эби уехала вместе с Алексой».

Вскоре монотонный и громкий стук молотка начал отзываться во мне раздражением, а в голове — болью.

— Что ты делаешь? — не выдержав, спросил я, заставляя Джона остановиться.

— Лодку, — прошипел он с одышкой.

Я с недоумением оглядел кучу досок, пытаюсь хоть как-то связать это с образом судна.

— Зачем? — растерянно сорвалось у меня прежде, чем я успел подумать.

— Потому что все делают, что хотят! — рявкнул он, вскакивая на ноги. Злость, наконец, прорвала плотину. — Она захотела — уехала! А я всю жизнь мечтал о лодке, чтобы сплавляться по реке и плавать на рыбалку, вот и осуществляю мечту!

Он швырнул молоток через всю поляну, и тот, со звоном ударившись о стену дома, отскочил в кусты. Джон заходил взад-вперёд, сжимая и разжимая кулаки. Его дыхание было неровным, а лицо искажено гримасой, в которой смешались ярость, обида и унижение.

Я понял, что, скорее всего, уход Эби он воспринимал как личное предательство, но всё ещё не понимал, почему всё так перевернулось. И как помочь человеку, если не знаешь всей истории и сам едва держишься? Я стоял перед ним не мудрым другом, а таким же сломленным человеком.

— Извини, — выдохнул Джон наконец, остановившись. — Зайдёшь? — спросил он с какой-то детской надеждой в глазах, и я не сомневался ни секунды. Сейчас мы как никогда нуждались в обществе друг друга.

— Конечно.

Он положил свою тяжёлую, мозолистую руку мне на плечо, и мы молча направились в дом.

На кухне, засуетившись, Джон принялся сметать весь ненужный хлам, расчищая стол.

— Если честно, я не ждал гостей, — бурчал он, укладывая пустые бутылки в рвущийся мусорный пакет. — Но я о тебе думал. Хотел зайти после командировки, но когда вернулся, то — он отшвырнул пакет в угол и тяжело выдохнул. Затем подошёл к холодильнику и достал оттуда полную, запечатанную бутылку с тёмной жидкостью. — Выпьешь со мной? Это лучший способ заглушить боль.

Я покачал головой.

— Я не пью.

— Вообще? — удивился он, уже доставая из кухонного гарнитура единственный относительно чистый стакан.

— Никогда, — ответил я, и это признание внезапно по-

казалось мне таким абсурдным в текущей ситуации, что из груди вырвался короткий, хриплый смешок. Джон фыркнул в ответ, и на мгновение в его глазах мелькнула тень прежнего, лёгкого на подъём парня.

— Чувак, ты столько всего пропускаешь, — сказал он, возвращаясь к серьёзности, но теперь уже без злобы. — Религия не позволяет?

Я задумался, глядя на бутылку, которую он поставил между нами.

«А что вообще мне позволяет моя вера?» — пронеслось в голове.

Она позволяла мне годами жить в тихом подчинении, отказывая себе в малом и большом во имя каких-то далёких, неосязаемых идеалов. Она учила терпеть. И в награду за это терпение я получил лишь боль. Так должен ли я и дальше отказываться от простых, человеческих вещей, которые, возможно, на миг заглушат этот вой внутри?

Я посмотрел на Джона, на его нервно трясущиеся руки, на пустоту в его доме, на эту бутылку и вдруг с острой ясностью осознал: я хочу быть обычным человеком, который имеет право на маленькую, грешную слабость. Хочу разделить с другом его горе не молитвой, а тем, что у него есть. Хотя бы на эту ночь.

— Если это действительно поможет

Джон выдохнул протяжное, одобрительное «О-о-о-о», и, сполоснув под струей воды ещё один стакан, со звоном по-

ставил его на стол, заполняя алкоголем на одну четверть.

— Тебе, как новичку, нужна мера, — с этими словами свой стакан он наполнил почти до краёв и, порывшись в холодильнике, достал половинку почти засохшего лимона и плитку шоколада, которую явно не доела Лиза.

Запах, исходивший от напитка, был не особо приятным.

— Ну что, — произнёс Джон, подняв стакан и глядя на меня, — выпьем за то, что ты жив и здоров. Ты меня чертовски сильно напугал в тот день.

Он чокнулся со мной и принялся за коньяк большими, жадными глотками. Я же, задержав дыхание, чтобы не чувствовать запаха, влил в себя эту скромную порцию одним движением. Огонь обжёг горло, спустился в грудь и разлился там тёплой, обжигающей волной. Я тут же отломил кусочек шоколада и запихнул в рот, пытаюсь заглушить этот едкий, чужеродный вкус, но кашель уже рвался наружу. Жар разлился по лицу, а глаза начали слезиться, и за этой фееричной реакцией наблюдал Джон, не скрывая улыбки.

— Спасибо, — наконец сказал я, прочищая горло, — за то, что вытащил меня и Алексу тогда. Я даже не помню, как ты оказался рядом, но, если бы не ты — я не стал договаривать, мы оба понимали, о чём шла речь.

Джон махнул рукой, отмахиваясь от благодарности, как от надоедливой мухи.

— Да брось. Любой бы на моём месте

— Не любой, — перебил я его твёрже. Алкоголь, стран-

ным образом, придал моим словам вес. — Не каждый бро- сится вот так вот в ледяную воду спасать чужую жизнь. Я этого никогда не забуду.

Джон молча посмотрел на свой пустой стакан, а потом принялся наливать себе ещё, но уже не так много.

— Я видел, как ты сорвался с места и побежал за ней, и сразу понял: что-то не так, — он сделал маленький глоток. — Поплёлся следом, сам не знаю зачем. На всякий случай. Я понял, случилось что-то серьёзное, услышав твой крик. А когда увидел, как ты, пытаясь её спасти, сам тонешь, я чуть с ума не сошёл, сорвался с места и бегом к вам. Думал, обоих не вытащу. Ты уже шёл ко дну, когда я нёс её на берег, — он замолчал, и в его глазах промелькнул тот самый ужас. — Это было страшно, парень. Чертовски страшно.

Он резко долил себе ещё, на этот раз уже не церемонясь, и выпил залпом, будто пытаясь смыть воспоминание. Потом потянулся к бутылке и плеснул в мой стакан.

— Выпьем за то, что мы оба, чёрт возьми, ещё дышим. Хотя иногда и не знаешь, радоваться этому или нет.

Я послушно поднял стакан, и мы ими синхронно чокнулись. Вкус был уже не таким отталкивающим. Теперь это было просто горькое тепло, растекающееся внутри, смутно напоминающее о том, что я ещё жив. Я чувствовал, как алкоголь делает своё дело — притупляет остроту, сглаживает углы воспоминаний. На этом ощущении и начался наш «приятный мужской вечер».

Мы разговаривали. Много и о разном. Вспоминали старые шутки, общих знакомых, даже на пару минут зацепились за футбол, в котором ни я, ни он особо не разбирались, но всё же наш разговор был как блуждание по минному полю. Если тема хоть немного касалась дома или семьи, то сразу же сменялась тяжёлым молчанием. Потом кто-то из нас снова наполнял стаканы, и разговор начинался заново. И всё это под тихие песни из радиоприёмника на подоконнике.

Джон пил куда больше и чаще. Я же пропускал многие тосты, ощущая лёгкое, но, признаться честно, приятное головокружение. Когда первая бутылка опустела, Джон, не моргнув глазом, достал из холодильника такую же вторую, и мы продолжили. Время потеряло смысл. Тени на кухне сгустились, и мы сидели в полумраке, освещённые только тусклым светом бра на стене. По мере того, как опустошалась вторая бутылка, Джон открывался мне, и спустя какое-то время, когда он рассказал о случившемся без какого-то стеснения, я был в курсе произошедшего.

— Я могу понять её переживания, могу, — он говорил медленно, растягивая слова и крутя почти пустой стакан в руках. — Но я никак не ожидал, что она действительно решится уехать в другой штат, забрав с собой Лизу.

— Почему ты не поедешь за ней? — озвучил я самую простую и логичную мысль. — Почему не привезёшь их обратно?

Он выпил содержимое стакана и сморщился.

— Потому что она сама вернётся назад, это только вопрос времени. Эби никогда и не работала толком. Родители в школьные времена с неё пылинки сдували, помогали ей во всём, оберегали дочку, а потом, когда она забеременела, заботиться о ней стал я. У неё нет образования, она не сможет выжить одна в другом городе.

— Прошло больше двух месяцев, — осторожно подметил я, — но она так и не вернулась. Разве это ни о чём не говорит? А как же Лиза?

Джон надменно хмыкнул.

— Она оставила мне записку, представляешь? Просто клочок бумаги, в котором написала, что если я захочу увидеться с дочкой, то она не будет против! — он со злостью выдохнул. — Она своими идеями просто решила разрушить наш брак! Ей плевать на меня! Плевать! — по слогам произнёс он.

Я слушал его, ловя себя на мысли: я не знаю версию Эби. Она никогда не делилась со мной столь сокровенным. Нельзя судить человека, не выслушав его. Но я искренне продолжал не понимать, почему Джон мыслит именно так. Почему он не борется за неё и за их семью? Не мчится за ними, не пытается всё исправить? Я был готов бороться за отношения, которые были изначально обречены, а он, у которого была дочь и прекрасный брак, просто злился и опускал руки. Может, из-за того, что люди все разные, его чувства устроены иначе? Или его гордость и обида оказались сильнее любви?

— А ты не думал, что в отношении Лизы она права? Ей нужно куда лучшее будущее, чем в нашем городке? — алкоголь, придавший мне смелости, развязал язык и позволил говорить то, что Джону могло не понравиться.

— Да я знаю, знаю! — он ударил кулаком по столу, а затем спрятал лицо в ладонях и шумно выдохнул. — Меня хотят повесить на работе, зарплата в два раза больше, командировок меньше, поэтому, понимаешь, я не могу бросить всё это и переехать в другой город, где буду работать за копейки, не имея образования.

Он поднял голову, и его взгляд, который был мутным от алкоголя и боли, приобрёл ясность.

— Я всё продумал, Тэйт. Всё прокручивал в голове сотню раз. Думал, приеду из этой последней командировки, сяду с ней спокойно, расскажу про повышение, она обрадуется! Мы купили бы дом побольше в соседнем городке, где садик и школа получше. Я бы каждый цент откладывал на университет для Лизы. Всё было бы хорошо. У нас был бы шанс.

Он отхлебнул из стакана, и его голос стал тише.

— Но, видимо, она горела этой своей идеей так сильно, что даже наплевала на то, что оставляет дочь без отца. Не дождалась, не спросила. Просто взяла и уехала. Значит, всё, что я мог ей предложить — для неё не имело никакого значения.

Облокотившись на стену и запрокинув голову, Джон закрыл глаза. Я не знал, что ответить. Слова «всё будет хоро-

шо» были бы ложной надеждой или враньём, ведь я не знал, что будет дальше. Но в одном я точно был уверен:

— Время всё расставит по местам, — тихо сказал я, подбирая слова так, чтобы они не звучали банально. — Ты можешь злиться или даже ненавидеть её сейчас, но со временем многое прояснится.

Я сделал паузу, дав ему впитать это.

— Так что, если каждый останется при своём, не уступая, вы либо воссоединитесь, осознав всё слишком поздно, либо ваши пути разойдутся окончательно. Но это решит только время, — я посмотрел на дно своего стакана, в котором было немного алкоголя, и на ум пришли строчки, заученные когда-то не для проповеди, а просто потому, что они были красивыми. Я процитировал их тихо, почти про себя:

— «...ибо крепка, как смерть, любовь... Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее».

На миг мне показалось, будто я вижу в этом остатке коньяка отражение её лица. Прекрасный, мимолётный образ, который тут же расплылся, стоило мне шевельнуть рукой. Моё сердце отчаянно хотело её увидеть по-настоящему, а опьянённый, сдавший позиции разум просто требовал её здесь и сейчас. Я не понимал, зачем люди пьют, когда им больно — это ведь совершенно не помогает. Моя боль не ушла и не притупилась. Она лишь стала острее, отчётливее, обнажённое. Алкоголь снял с неё покровы тихого отчаяния, и теперь она кричала во мне с новой, невыносимой силой.

Из радиоприёмника в это время лилась меланхоличная мелодия. Женский голос, хрупкий и надломленный, спрашивал: «*Lover, where do you live?*» Я машинально поднял взгляд, будто ища в комнате того, кто мог бы дать ответ. Но видел только сидящего напротив Джона и собственную пустоту, отражавшуюся в оконном стекле.

«Где ты живёшь теперь, Алекса?» — подхватил я мысленно вопрос из радио. «И что делаешь в эту самую секунду? Спишь, отвернувшись к стене? Строишь в потолок, считая трещины в чужом для тебя доме? Думаешь ли о нас и о том, что сломала всё своими же руками? Или стараешься не думать об этом вообще?»

От этих мыслей становилось ещё невыносимее.

Джон приоткрыл один глаз, устремив на меня тяжёлый, задумчивый взгляд сквозь алкогольную пелену. Он молчал так долго, что я уже решил, что он отключился. Но потом он медленно выдохнул, и его голос прозвучал глухо и безжизненно:

— А большие воды смогут потушить твою любовь к Алексе?

Я замер, перестав вращать стакан. В порыве откровенности я тоже выложил ему свою историю, так что Джон теперь знал, какую боль я в себе ношу, но отвечать вообще не хотелось. Я допил остатки терпкого напитка и поднялся с места. Но сделал это слишком резко, так что неожиданно меня повело в бок. Джон, к счастью, мгновенно поймал меня за руку.

— Полегче, парень. Резкие движения в таком состоянии противопоказаны.

— Я пойду, — выдохнул я, всё ещё ощущая крепкую хватку его пальцев.

— Давай провожу. Свежий воздух пойдёт нам обоим на пользу.

Мы вышли из дома, когда на дворе уже стояла глубокая ночь. Джон шёл рядом, слегка пошатываясь, но держался удивительно ровно для человека, который осушил почти в одиночку две бутылки. По пути он начал рассказывать, как однажды они с Эби ездили на море, и она утащила у него плавки, а ему пришлось идти в воду в семейных трусах с изображением огурцов. Мы вспоминали дурацкие истории, подкалывали друг друга и спорили, у кого больше шансов сойти с ума первым. Он так громко и заразительно смеялся, что, кажется, нас было слышно на всю улицу.

Впервые в жизни я ощутил, каково это — иметь лучшего друга. Не просто знакомого, соседа или приятеля по учёбе. А человека, с которым можно молчать, говорить ерунду и даже пить, не боясь осуждения. С которым можно быть просто собой, а не сыном пастора.

Когда мы остановились у моей двери, Джон хлопнул меня по спине так сильно, что я качнулся вперёд, а затем тот резко притянул к себе обратно в коротком, неловком, но искреннем объятии.

— Заходи, если что, — буркнул он, отстраняясь. — Я всё

равно почти каждую ночь не сплю. Сколачиваю эту чёртову лодку.

— Но ты её всё же сколотишь, — ответил я, слегка покачиваясь. — И она обязательно поплывёт, — смеясь, я хлопнул в ответ его по плечу.

Он хмыкнул, махнул рукой и, напевая какую-то старую, смутно знакомую мелодию, побрёл обратно в темноту улицы.

Я же зашёл в дом, снял ботинки, повесил куртку на вешалку и нетвёрдым шагом направился в сторону кладовки.

— Тэйт? — шёпотом позвала мама, спускаясь с лестницы. — Сынок, всё хорошо?

Она подошла ближе, оглядывая меня с ног до головы тем особенным, материнским взглядом, от которого ничего невозможно скрыть.

— Всё хорошо, мамуль, — я улыбнулся и вдруг, сам не ожидая, притянул её к себе в объятия. Она замерла на секунду, а затем осторожно, будто боясь спугнуть, обняла в ответ. Уверен, она точно почувствовала запах алкоголя, но ничего не сказала.

У двери упала моя криво висевшая куртка.

— Я пойду, — махнул я рукой в сторону маленькой комнаты и, оставив маму стоять в прихожей с шокированным выражением лица, скрылся за дверью.

«Если отец узнает» — пронеслось в голове, когда я рухнул на жёсткий матрас.

Я тяжело выдохнул, подложил руку под голову и устал-

ся в потолок.

«если отец узнает, хуже уже не будет. Он и так со мной не разговаривает».

Да и что я мог ему сказать? Что его сын, впервые в жизни напился с соседом, обсуждая бросивших их женщин? Что в этой грешной, простой человеческой слабости он почувствовал себя более живым, чем за все годы праведного терпения?

Я лёг так, чтобы видеть сквозь шторы узкую полоску ночного неба. Звёзд почти не было, только холодный, отстранённый свет луны. Я смотрел на неё и улыбался, пока в голове крутилось бесконечной пластинкой одно единственное имя.

Алекса — повторял мой мозг долго, циклично и навязчиво.

Прекрасное имя. Нет, самое лучшее на свете.

Алекса — беззвучно прошептал я, словно зовя её к себе, прикрыв глаза.

И она, как и в другие дни, конечно же, пришла.

Алекса всегда была рядом. Каждую ночь. Она стояла надо мной и смотрела — тем самым взглядом, от которого внутри всегда разливалось тепло. Но сегодня сегодня я хотел большего.

Воображение, подогретое опьянением, не знало границ. Я представил её рядом — сидящей на краю моей кровати в той самой тонкой маечке, в которой она обычно спала. Ткань была безупречной. Безупречно просвечивающей. Сквозь неё угадывались очертания плеч, ключиц, мягких изгибов, кото-

рые я никогда не видел, но так отчаянно хотел изучить.

Моё дыхание сбилось.

Я протянул руку в своей фантазии, конечно же, но ощущения были такими реальными, что по коже побежали мурашки. Пальцы коснулись её руки, и я вздрогнул — она была ледяной. Точно такой же, как в тот день, когда мы оба провалились под лёд. Тогда я не мог её согреть. Не успел. И теперь я пытался исправить это.

Пальцы скользнули по её предплечью, медленно, почти невесомо, словно пытаюсь передать ей своё тепло. Затем я повёл их выше, к плечу, на котором едва держалась тонкая бретелька. Кожа под моими пальцами была по-прежнему холодной, и я чувствовал, как её тело слегка дрожит. Я хотел согреть её. Обнять так, чтобы она перестала дрожать, а холод ушёл из её тела навсегда. В моих глазах, которые видели только её, замер один вопрос: могу ли я это сделать?

Алекса не отстранилась. Она посмотрела на меня таким же тихим, принимающим, чуть затуманенным желанием взглядом, что горело во мне. Другого одобрения мне и не нужно.

Я коснулся тонкой бретельки, провёл по ней пальцем и осторожно потянул вниз. Та обнажила гладкую кожу, светящуюся в лунном свете. Я припал к ней, вдыхая знакомый аромат, от которого всегда кружилась голова. Персик и пион.

Губы сначала легко, потом смелее коснулись её холодного плеча. Я чувствовал, как каждое моё прикосновение от-

зывается в ней тихой, едва слышной вибрацией. Медленно, не отрываясь, я повёл губами выше — к шее, к тому месту, где бился неровный пульс.

Она прерывисто выдохнула, запрокидывая голову назад и открываясь мне ещё больше. Предлагая себя всю.

Моя рука скользнула по её спине в поисках края этой интригующей, но сейчас мешающей маечки. Когда пальцы наконец нащупали его, я медленно и неловко потянул ткань вверх. Алекса мне помогла: приподняла руки, позволяя стянуть майку через голову. Та упала на пол, и я на мгновение замер, вбирая в себя этот прекраснейший образ.

Она сидела передо мной в лунном свете. Совершенная. Настоящая. И всецело моя.

Я потянул её за руку, приглашая лечь на кровать. Алекса податливо сделала это. Я же, напротив, приподнялся и навис над ней, чувствуя, как тяжело бьётся сердце, а затем склонился к её губам, замерев в миллиметре.

— Я так скучаю, — измученно подумал я, но в фантазии прошептал ей на ухо: — Ты даже не представляешь

Она не дала договорить. Смотря на меня затуманенным взглядом Алекса, сама потянулась ко мне, впиваясь в мои губы нашим первым, жадным, отчаянным и до одури голодным поцелуем. В нём были все ночи разлуки, вся боль, вся тоска, вся эта бесконечная, выматывающая пустота. Я отвечал ей тем же, чувствуя, как кружится голова — то ли от нехватки воздуха, то ли от счастья.

Мои пальцы скользнули по её телу: по животу, по рёбрам, по груди. Постепенно она согревалась. Я целовал её снова и снова, хаотично мечась по разным частям её тела, желая уделить внимание каждой. Она выгибалась, запрокидывала голову, отдаваясь мне полностью, а в следующий момент запустила пальцы в мои волосы и простонала прямо в мои губы моё имя. Этот тягучий, полный желаний звук пронзил меня насквозь, разливаясь горячей волной в области паха. Я открыл глаза, желая увидеть её реально, но совсем позабыл, что это всего лишь моя фантазия. И стоило мне отвлечься, как она тут же исчезла

Я снова закрыл глаза, пытаюсь вернуть ту сладкую, тёплую иллюзию, умоляя свой разум подчиниться. Но образ Алексы, вызванный из темноты, был уже другим. Она стояла у окна ко мне спиной и смотрела в звёздное небо.

— Алекса, — снова позвал я тише, почти неслышно.

Она даже не пошевелилась.

— Алекса...

Мой же собственный выдуманный образ больше не хотел меня слушаться. Призрак продолжал стоять, глядя куда-то вдаль, будто там, за окном, было что-то важнее меня. Будто я и в собственной голове стал для неё чужим.

В ту же самую ночь, за тысячу миль

Лишь звёзды и луна озаряли пол в маленькой, тёмной од-

нокомнатной квартире. У одной стены, на небольшом диване, спали Эби и Лиза, у другой — я, на надувном матрасе.

Тишина стояла настолько давящая, что мне приходилось прикладывать усилия, чтобы подавить спазмы в горле. Воздуха не хватало: вдохнуть я могла, но выдыхала со сдавленным стоном, будто грудь разрывало изнутри на части.

Сердце отказывалось принимать реальность и договариваться с разумом, который с каждым днём уступал в этой битве, начав подкидывать привлекательные мысли: всё бросить и вернуться, прибежать к нему, упасть на колени, умолять простить меня эту чудовищную, эгоистичную, трусливую ошибку. И сейчас я жаждала этого больше всего на свете, готовая наплевать абсолютно на всех. Да, на всех. Кроме них.

Прижав к себе крепко Лизу, Эби мирно посапывала. Эмоционально ей было также трудно, как и мне, но все её силы отнимала беготня в поисках работы и устройство дочери в ближайший детский сад. Она потихоньку строила свою жизнь с нуля ради Лизы, а у меня никого не было, только пустота и имя, которое я боялась произносить вслух, потому что оно разрывало мне сердце.

Дышать в тесной закрытой комнатке было тяжело. Раньше я распахивала окна и наслаждалась прохладой, но теперь с маленьким ребёнком было нельзя рисковать. Я медленно поднялась с матраса и пошла на кухню. Окно здесь было больше, и света — соответственно, тоже. Аккуратно отки-

нув белоснежный тюль, я застыла, увидев россыпь красивых и недостижимых звёзд. Они всегда меня радовали, но сейчас только сильнее вгоняли в тоску.

Дом, в котором я снимала квартиру, был старым, но с высокими деревянными окнами на защёлках. Просто так до них не дотянуться. Я придвинула кухонный стул, встала на него, забралась на подоконник и рванула на себя правую створку, открывая окно настежь.

Морозный воздух обдал оголённую кожу, которую едва прикрывала тонкая ночная сорочка. Волосы встрепенились, хлестнули по лицу. Я машинально закрыла глаза.

Сердце забилось сильнее, но не от страха, а от странно-го, болезненного облегчения, которое медленно затуманивало голову. В последнее время я вообще мало что соображала: постоянный стресс и депрессия, накрывавшие с каждым днём всё сильнее, выматывали до предела. Я повернула лицо к ветру, и его порыв, ворвавшийся в кухню, сорвал с моей щеки слезинку, унося её в ночь.

«Мой рыжий ангел Твой свет был единственным ориентиром для меня. А твоё тепло я чувствовала, даже когда ты просто молча смотрел на меня».

Вспоминая о нём, я всегда чувствовала его где-то рядом. Но именно сейчас почему-то я явственно ощущала приятное тепло в пальцах правой руки. Такое живое и одновременно невозможное. Я снова закрыла глаза, отдаваясь этому призрачному, обманчивому, но такому необходимому чувству.

Представила, как он стоит рядом и шепчет моё имя с той особенной нежностью, на которую способен только Тэйт.

Тепло становилось всё реальнее. А потом я почувствовала, как чьи-то пальцы сжали мою руку. Сердце болезненно ёкнуло. Я открыла глаза и резко повернула голову.

Снизу вверх на меня смотрела Эби. На её лице застыл ужас от самой страшной догадки. Ещё бы! А как ещё расценить девушку в ночной сорочке, босиком на подоконнике четвёртого этажа, с закрытыми глазами, тянущуюся лицом к ветру. Она подумала, что я хочу всё закончить.

Её пальцы, сжимавшие мою ладонь с усилием, потянули к себе с безмолвной мольбой и слезами в глазах. На трясущихся от холода и запоздалого ужаса ногах я шагнула со стула, а затем рухнула на колени прямо на холодный кафель кухни.

Что же мне делать? Как облегчить эти страдания? Я заслужила эту боль. Но я не смогу носить её в себе вечно. Я хочу быть счастливой. И я хочу этого только с ним.

Эби, ничего не говоря, притянула меня в свои объятия и что-то тихо зашептала мне на ухо. Этого было достаточно, чтобы всё, что я копила неделями, наконец с громкими всхлипами вырвалось наружу.

Глава 5

После нашей посиделки с Джоном прошло чуть больше месяца. Я целиком и полностью ушёл в учёбу, стал выглядеть и чувствовать себя лучше. По крайней мере, мне так казалось.

Сдав все тесты и самостоятельные работы, я восстановил свой статус прилежного студента. Оставалось самое главное — исследовательская работа для получения диплома. Я сидел над ней ночами, обложившись горой литературы и методичек, собирал в интернете тонну материала по кризисным коммуникациям в малых городах. Тема была скучной, но я вложил в неё столько усердия, сколько не вкладывал ни в один проект за всё время обучения.

Куратор, опубликовавший на сайте календарь защиты работ, оповестил, что я могу получить диплом уже в середине мая, так что до защиты оставалась всего лишь неделя. И чем ближе приближался срок, тем сильнее я ощущал мандраж перед неизвестным будущим, в котором мне нужно было решить, что делать дальше.

Вариантов, если честно, было не так уж много.

Я мог остаться в нашем городе. Устроиться куда-нибудь в местную администрацию или, скажем, в пресс-службу при мэрии. Работа как раз по специальности: информировать граждан, объяснять решения власти, проводить просвети-

тельские кампании. Звучало почти благородно. Вот только наш городок был слишком мал. Здесь не происходило ровным счётом ничего, что требовало бы серьёзной пиар-поддержки. Максимум — отчёт о том, как покрасили забор в парке и покрасили ли его вообще.

Или я мог уехать в другой город, где есть реальная работа. Там можно было бы попытаться счастья построить карьеру. Но при одной мысли о переезде внутри всё сжималось. Мне казалось, я только начал выкарабкиваться из одной ямы, а судьба уже толкала меня в другую. Новый город — новые люди — новые связи — новая жизнь — всё это требовало сил, которых у меня не было. И желания, которого я не чувствовал.

И третий вариант — попробовать дистанционную работу. Фриланс сейчас очень распространён. Сиди себе дома, общайся с заказчиками по Zoom, делай стратегии для компаний. Звучало заманчиво. Но и здесь был подвох: для этого нужно было уметь себя продавать, а я никогда не умел. Я привык быть тихим, незаметным, но исполнительным. Идеальный винтик в системе, но не лицо бренда.

Времени подумать у меня было достаточно, но сидеть на шее у родителей больше не хотелось. Чтобы начать строить свою жизнь, нужны были работа и деньги. Поэтому для написания исследовательской работы мне пришлось полностью перевернуть свой режим.

Та ночь, когда я видел Алексу в пьяном бреду, стала по-

следней каплей для меня. Утром я твёрдо решил вернуться в свою комнату, но спать в ней также не мог. Поэтому, когда дом погружался в сон, а часы показывали за полночь, я садился за стол, открывал ноутбук и уходил с головой в учёбу до такой степени, что иногда даже засыпал прямо на клавиатуре. Зато теперь днём, обессиленный, я мог отсыпаться в своей кровати. Мама по утрам больше не заставляла меня выползающим из подсобки, а отец перестал провожать тяжёлым взглядом каждый мой шаг. Всё вошло в какую-то новую, странную, но почти нормальную колею.

С отцом, кстати, ситуация была всё та же. Он упорно продолжал ждать, когда я приду в церковь, упаду на колени и признаю, что был не в себе все эти дни. Он почему-то упрямо отрицал простую и, как мне казалось, очевидную вещь: возможно, я просто повзрослел и выбрал для себя другой путь. Путь человека, который может согрешить или оступиться — и при этом не бежать сразу замаливать грехи, а просто жить дальше.

Мы могли переброситься за столом парой слов о погоде или новостях, но жили словно соседи, что создавало напряжение. Маме в этой ситуации тоже было нелегко. Она металась между нами, пытаясь сохранить остатки мира в доме. С одной стороны — муж, чья вера требовала от сына покаяния. С другой — сын, чья боль требовала права на собственные ошибки. Она не становилась ни на чью сторону, но я видел, как в её глазах появлялась надежда каждый раз, ко-

гда отец смотрит на меня этим своим терпеливым, выжидающим укором.

Я понимал, что ей больно и что она разрывается между любовью к мужу и любовью к сыну, которые вдруг оказались по разные стороны. Но я не мог сделать шаг навстречу отцу только ради того, чтобы облегчить её участь. Не сейчас, когда я только начал учиться дышать заново, пусть и без божьей помощи. Однако я всё ещё продолжал использовать свои религиозные умения в другом — за что отец, если бы знал об этом, точно похвалил бы меня.

С Джоном мы стали видеться намного чаще, оказывается, разбитые сердца очень хорошо сближают. Каждый раз очень аккуратными, маленькими шажками, стараясь, чтобы он не заметил, я подталкивал его к действиям относительно Эби.

И у меня это получалось.

В мой недавний визит к нему я застал Джона в странном, нервном возбуждении. Он ходил по гостиной, крепко сжимая телефон в руке и бормоча что-то себе под нос. А потом, собравшись с мыслями и выслушав моё мотивационное наставление, наконец позвонил жене. Разговор с Эби продлился от силы секунд десять. Всё, что он ей сказал, — это просьба передать трубку Лизе. И только когда в динамике раздался тоненький, сонный голос дочки, Джон преобразился.

Он говорил с ней целый час. Спрашивал, что она ела, какие мультики смотрела, в какой садик теперь ходит и что там происходит интересного. Его лицо светилось таким сча-

ствием, что, казалось, могло затмить само солнце за окном. Я же сидел на кухне, пил чай и впервые за долгое время чувствовал что-то похожее на удовлетворение. Это была моя маленькая победа.

Но лично с Эби он так и не общался. Всё это время Джон продолжал упрямо злиться. Я пытался несколько раз достучаться до него, объяснить, что иногда нужно прощать ради будущего. Но каждый раз натыкался на бетонную стену из его обиды. Возможно, он просто не был ещё готов.

Зато звонки Лизе стали для него спасательным кругом. Он уже наизусть знал её распорядок дня, когда она просыпается, ложится или возвращается из садика. И с каждым новым разговором, с каждым «папа, я скучаю» в трубке, отцовское сердце потихоньку оттаивало.

А сегодня, сидя на крыльце его дома, он твёрдо и даже торжественно заявил:

— Я хочу забрать Лизу к себе летом.

— А Эби? — спросил я осторожно.

— Она не против, — Джон пожал плечами. — Сказала, что Лиза будет очень рада и что я могу приехать за ней, когда угодно.

Он замолчал, глядя куда-то вдаль, словно там, за горизонтом, пряталась Айова.

— Ты молодец, — сказал я просто, смотря туда же, куда и он.

Джон хмыкнул, сделал глоток пива и неожиданно улыб-

нулся — той самой, прежней улыбкой, которую я не видел в нём с момента отъезда Эби.

— Это ты молодец, пастор, — он толкнул меня плечом. — Без тебя я бы, наверное, так и ныл, сколачивая эту чёртову лодку.

— Но ты её всё же достроишь, — усмехнулся я, зная упорство Джона.

— Дострою, конечно, — согласился он. — А потом поплыву на ней очень-очень далеко — и тебя с собой возьму!

Я прокашлялся, сделал максимально серьёзный вид и, глядя на него в упор, сказал:

— Мне бы не хотелось снова идти ко дну. Я, похоже, очень плохо плаваю.

Джон резко повернулся, на его лице застыло насмешливое выражение.

— Ты что же это, намекаешь, что она нас не выдержит?

— Ну как тебе сказать — я задумчиво посмотрел на гряду деревьяшек, которая пока даже отдалённо не напоминала лодку. — Ты колотишь доски одну к другой впервые в жизни, да ещё и без какой-либо инструкции. Так что не строй больших надежд на её счёт.

Джон заливисто засмеялся, запрокинув голову, и с огромной силой хлопнул меня по плечу. А когда смех утих, он сменил тему.

— Как там твоя исследовательская работа? Готов к защите?

— Нужно ещё немного поработать, — ответил я, глотнув немного пива. — Но в целом да, готов. Через пару дней поеду в Колледж-Парк.

— Ого! — Джон присвистнул, отставляя пустую бутылку в сторону. — Значит, скоро увидим тебя в смешной шапочке с квадратиком?

Я усмехнулся, поднимаясь с крыльца и отряхивая джинсы.

— Это не смешная шапочка, а академический головной убор. Символ знаний и интеллектуальных достижений.

— Ага, — протянул Джон, — знаний. Выглядит как коробка из-под мини-пиццы, которую надели на голову. Меня всегда почему-то сильно смешили эти шапки. Помню, как смотрел по телевизору на выпускников и думал: «Ну зачем они это на себя напяливают? Выглядят же как» — он запнулся, подбирая слово, но в голосе мелькнула знакомая горькая нотка. — В общем, не хотел выглядеть как все эти счастливички, у которых впереди целая жизнь. Думал, когда сам буду выпускаться — ни за что её не надену.

Джон замолчал, но я и так прекрасно всё понимал. Он не выпускался, не получал диплом, не надел эту смешную шапочку, потому что жизнь сложилась иначе — работа, семья, ребёнок, ответственность. И от этого мне стало даже самому обидно.

— А тебе пойдёт, — сказал он вдруг, и в его голосе снова появилась весёлая нотка.

— Спасибо, — усмехнулся я, протягивая ему руку. — Скоро увидимся.

Джон поднялся и крепко пожал её, а затем принялся собирать пустые бутылки с крыльца. Я же уже отошёл от него на несколько метров, когда позади услышал:

— Удачи! Следи, чтобы твой диплом не уронили, когда будут вручать! А то у всех этих профессоров такие руки скользкие!

Я улыбнулся, махнул ему рукой и, не оборачиваясь, продолжил свой путь, доставая наушники из кармана ветровки и вставляя штекер в телефон. Последнее время я стал часто слушать музыку, это помогало успокоиться и отвлечься.

Мысли сумбурно витали в голове, а идти домой совсем не хотелось. Майские вечера были по-настоящему очаровательными — тёплыми, пряными, напоенными запахом цветущих деревьев, но в то же время по-особенному ностальгическими.

Я шёл неспешно, погружённый в себя, когда мимо, обдав меня ветерком и смехом, пробежала влюблённая парочка старшеклассников. Они держались за руки, девушка что-то звонко щебетала, а парень смотрел на неё с таким обожанием, будто она была центром его вселенной. Скорее всего, так и было.

Я остановился и обернулся, глядя вслед убегающей паре, и вдруг, словно наваждение, увидел его.

Из темноты, навстречу мне, шёл я сам, лет пятнадцати, не

больше, с рюкзаком за спиной и книгой, прижатой к груди. Знакомая сутулость, опущенный взгляд, слишком длинная рыжая чёлка, вечно лезущая в глаза. Я из прошлого поравнялся со мной из настоящего и замер на секунду, подняв голову.

В собственных глазах я увидел покорность судьбе и тяжёлую грусть мальчика, который никогда не общался с девочками, не бегал, смеясь звонко, по улице с мальчишками, не держал никого за руку. Он поправил крестик на шее, спрятав его под рубашку, и, снова опустив голову, пошёл дальше, растворившись в майских сумерках. А я так и остался стоять, глядя на этот яркий контраст. В одной стороне — смех и любовь, в другой — послушание и тоже любовь, но только к другому. И между ними — пропасть, которую я смог перешагнуть только сейчас.

Засунув руки в карманы, я пошёл дальше. Музыка заполнила голову, заглушая мысли, я перестал смотреть по сторонам — и не заметил, как оказался на улице, которую старательно обходил все эти месяцы. Передо мной стоял знакомый дом с тёмными окнами и запертой дверью.

Здесь ничего не изменилось, если не считать большой деревянной вывески с красными буквами «Продается», которая красовалась у крыльца. В груди неприятно заныло. Теперь этот дом, так же, как и я, стоял здесь совершенно опустошённым и покинутым Алексой, и от этого казался мне каким-то родственным.

— Ну надо же, какие люди! Ангел во плоти! — раздалось очень громко и неожиданно позади. Я резко обернулся и вытащил один наушник. — Колфилд!

Ко мне, доставая из кармана кожаной куртки пачку сигарет, подходил Шон. На его лице застыла странная радость, граничащая с откровенным удовольствием от того, что он застал меня врасплох и, как он думал, напугал. Но это было не так.

Увидев его, я не почувствовал ничего, кроме отвращения и усталости от последующего глупого и ничем непримечательного разговора, в котором он, скорее всего, будет отпущать дешёвые провокации, грязные намёки в попытках задеть меня побольнее.

— Ты чего это тут у нас делаешь? — он остановился в паре метров, чиркнув зажигалкой и подкуривая сигарету. — Возомнил себя Ромео?

Признаться честно, он меня удивил. Я даже и подумать не мог, что он вообще знает это слово. И уж тем более — кто такой Ромео. Моя же мысль позабавила меня, и я, против воли, улыбнулся, уже поворачиваясь к нему всем телом.

— Ты посмотри! — Шон тоже улыбнулся, оскалив зубы. — Живой! Да ещё и улыбается! Это ли не чудо?

Я молча глядел на него, ожидая, когда он наконец выскажется и уйдёт. Но тот сделал ещё один шаг в мою сторону, поигрывая бровями и бросая на дом многозначительный взгляд.

— Скучаешь по нашей красавице?

Внутри всё упало, но я не подал вида, продолжая смотреть на него как можно спокойнее.

— Мой отец недавно в Айову мотался по делам, и, знаешь, нашёл для меня один очень интересный адресок, — он выдохнул табачный дым и продолжил. — Настолько точный, что я знаю, какого цвета коврик у двери её квартиры, — он подмигнул. — Может, поделюсь с тобой, чтобы ты так сильно не страдал?

Я молча продолжал слушать.

— Хотя — Шон хмыкнул, делая новую затяжку. — Это ни к чему.

Он подошёл ещё ближе, так что выпустил облако дыма мне прямо в лицо. Я не шелохнулся, а позыв кашля постарался подавить.

— Не будь наивным, — с усмешкой продолжал он. — Такие, как она, долго без внимания не могут. Погуляет, попробует новую жизнь, да и вернётся к тому, кто мог отменно и качественно её брать.

Я смотрел на него и чувствовал, как внутри всё закипает. Дыхание сбилось, пульс участился до такой степени, что на шее, под кожей, начала пульсировать тонкая синяя вена. Я не мог это контролировать. Тело реагировало быстрее разума, и Шон это заметил.

— Да не волнуйся ты так, Колфилд, — не унимался он, упиваясь своими словами. — Она обязательно вернётся. И

знаешь, к кому? Ко мне, — он счастливо улыбнулся. — Потому что ей не нужен правильный, тихий и скучный парень с библией под мышкой. Ей нужен огонь, настоящий мужик, которого она с радостью принимала ещё в школе. Так что, если хочешь, конечно, посиди тут у её домика, помечтай. Но только помни: такие, как она, всегда возвращаются к тем, с кем было по-настоящему жарко.

Он продолжал подробно рассказывать, смакуя каждую деталь, как и где у них «было жарко». А перед моими глазами поплыли совсем другие картинки.

Я видел себя пятнадцатилетнего — с опущенным взглядом, с крестиком, старательно заправленным под рубашку, чтобы никто не дразнил. Видел себя же, лежащего на заднем дворе школы со сломанным ребром, а затем в голове пронеслись отрывочные воспоминания, в которых Шон позволял себе лапать девушек в школьных коридорах у всех на виду и зачастую против их воли.

Я не слушал его рассказней, потому что уже знал правду. То, что было между ними, не имело никакого отношения к «жару» или чувствам. Это было чистое насилие. И чем больше он говорил, тем сильнее меня начинало трясти от ярости.

Никто никогда не шёл против него. Все боялись, пресмыкались, отводили глаза. И в этот момент я понял: если сейчас я проглочу это, если снова сожму зубы, опущу голову и сделаю вид, что ничего не случилось, если продолжу терпеть, как учил отец, как учила церковь — значит, ничего не

изменилось. Значит, тот забитый мальчик с крестиком под рубашкой останется со мной навсегда.

Этого я не мог допустить.

Когда я вышел из оцепенения, то спокойно, без лишних эмоций, вынул руки из карманов ветровки. Шон продолжал что-то говорить, размахивая сигаретой и раскидывая с нее пепел, но я видел только его ухмылку, рот, из которого лилась эта мерзость, и зубы, которые он скалил в довольной улыбке.

— за волосы её и — продолжал он, но договорить не успел.

С резким и быстрым замахом я сделал удар, вложив в него всю боль и унижение, что копились годами. Мой кулак встретился с его челюстью — так неожиданно, что голова Шона мотнулась в сторону, а сигарета вылетела изо рта. Я замер, чувствуя, как костяшки на руке начинают гореть огнём. Никогда в жизни я никого не ударил. Ни разу. Я даже не знал, сколько во мне силы.

И пусть сам Шон даже не пошатнулся, пусть он был в более выигрышном положении из-за своей крупной мускулистой формы, это сейчас не имело никакого значения. Потому что внутри меня разливался адреналин с приятным, пьянящим чувством.

Я был первым, кто посмел поднять на него руку. Первым, кто переступил через страх перед ним и перед его отцом — тем самым человеком, который мог одним словом подпор-

тить жизнь любому в этом городе. Я знал, чем это может грозить. Знал, что утром, возможно, пожалею, но сейчас, глядя на растерянность, мелькнувшую в глазах Шона, я испытывал чистое, ни с чем не сравнимое удовольствие.

Тот нарочито медленно, с расчётливой театральностью, повернул ко мне голову. Я увидел его разбитую губу, из которой сочилась кровь тонкой струйкой, стекая на подбородок. Наши глаза встретились, и Шон неожиданно для меня улыбнулся странной, пугающей улыбкой. Затем он коснулся пальцами разбитой губы, посмотрел на кровь, выступившую на подушечках, и тихо усмехнулся.

— Надо же, — произнёс он, растягивая слова. — Я её недооценил. Вскружила голову пасторскому сынку так, что тот все свои заветы позабыл.

Он облизнул разбитую губу, смакуя свою кровь.

— Ну что ж, как в старые добрые?

Я не успел ничего ответить или понять.

Первый его удар пришёлся в солнечное сплетение, вышибая весь воздух из лёгких. Я мгновенно сложился пополам, хватая ртом пустоту. Следующий удар в челюсть отбросил меня назад. Ноги подкосились, и я рухнул на холодную землю неподалёку от крыльца дома Алексы.

Шон навис надо мной, заслоняя тусклый свет фонаря, схватил за ворот ветровки, рванул вверх, а затем принялся бить. Быстро, резко, с какой-то животной яростью. Я пытался закрыться, поднять руки, но он бил быстрее. Я чувство-

вал, как кровь из разбитого носа попадает в рот. Я глотал её, захлёбывался, пытался вдохнуть, но следующий удар в грудь снова вышибал остатки воздуха. Из горла вырывались только сдавленные стоны. Я не мог дышать. Каждая попытка вдохнуть застревала где-то в горле, разрывая лёгкие огнём.

Шон тем временем уже уселся на меня сверху, придавив коленями руки, пригвоздив к земле. И продолжал наносить удары, попадая точно в цель: в скулу, в глаз, в нос и в переносицу. И чем дольше он продолжал, тем сильнее у меня темнело в глазах.

Я перестал различать удары, где заканчивается один и начинается другой. Была только пульсирующая боль, заполняющая собой всё.

— Из-за неё? — шипел Шон между ударами. Каждое слово вылетало вместе с тяжёлым, рваным дыханием. — Это всё из-за неё?

Я молчал. Только хрипел, выплёвывая кровь. И в этом молчании было что-то, что бесило его ещё сильнее.

Сквозь шум в ушах и его удары, сопровождающиеся тяжёлым дыханием в одном наушнике чудом державшемся в ухе, всё ещё играл трек *The Neighbourhood — A Little Death*.

Маленькая смерть. Мимолётное наслаждение, от которого умираешь на мгновение. Или просто момент, после которого ты уже никогда не станешь прежним. И, может быть, так и должно быть, что это происходит именно здесь, у её дома. Там, где всё началось. Там, где она впервые посмотрела на

меня так, что мир перевернулся. Там, где я впервые почувствовал себя живым. Чтобы здесь же, на этой земле, умереть и родиться заново.

Я засмеялся.

Сначала тихо, сквозь разбитые губы — булькающий, невнятный звук, больше похожий на кашель. Потом громче, отрывистее, захлёбываясь кровью и смехом одновременно. Тело сотрясалось от спазмов, рёбра отзывались дикой болью, но я не мог остановиться.

Шон замер. Его кулак, занесённый для очередного удара, остановился в миллиметре от моего лица, а сам он выглядел таким потерянным, что это почему-то заставило меня смеяться ещё сильнее, глядя на звёзды над домом Алексы и чувствуя, как кровь стекает по виску. Смеяться, потому что впервые в жизни мне было не страшно.

Шон смотрел на меня, как на сумасшедшего. Его грудь тяжело вздымалась, кулак был всё ещё сжат, но в глазах уже не осталось злости — только недоумение и брезгливость. Он поднялся с меня, поправляя кожаную куртку и рассматривая моё разбитое лицо и безумную улыбку, которую я не мог и не хотел сдерживать.

— Ты больной, Колфилд, — сплюнул он на землю рядом с моей головой. — Совсем больной.

Постояв ещё несколько секунд, он развернулся и пошёл прочь, а я так и остался лежать на холодной земле у дома, в котором никто не живёт. Слушал, как в ухе затихает песня,

смотрел на звёзды, которые вдруг стали такими яркими, и улыбался.

— О боже... — раздался встревоженный голос около меня, который возник словно из ниоткуда. — С вами всё в порядке?

Я медленно повернул голову, стараясь сфокусировать взгляд на того, кто стоит рядом, и в смутных, расплывающихся очертаниях увидел встревоженную девушку, которая с неподдельным шоком смотрела на меня.

— Да, всё хорошо, — прохрипел я с той же улыбкой на окровавленном лице.

Моя маленькая смерть случилась, и теперь начиналась моя новая жизнь.

Глава 6

Бесконечность чёрного неба умещала в себе миллиарды миллиардов ярких звёзд, и здесь они выглядели намного красивее, чем на моей недавно висевшей на стене старой карте звёздного неба. Та была плоской, мёртвой, разлинованной на квадраты. А на небе звёзды смотрели на меня с высоты, равнодушные к человеческой боли, но от этого не менее прекрасные.

Ветер обдувал разбитое лицо, забирался под одежду, словно пытался унять боль. Это было успокаивающе приятно.

— О боже — раздался встревоженный голос около меня.
— С вами всё в порядке?

Я медленно повернул голову, стараясь сфокусировать взгляд на того, кто стоит рядом, и в смутных, расплывающихся очертаниях увидел встревоженную девушку, которая с неподдельным шоком смотрела на меня.

— Да, всё хорошо, — прохрипел я с той же улыбкой на окровавленном лице.

— Выглядите вы не очень, — осторожно заметила она, садясь на корточки и осматривая моё лицо. — Нужно вызвать скорую.

Я привстал и посмотрел на конец улицы, где уже скрылся Шон. Потом перевёл взгляд на встревоженное лицо молодой

девушки, примерно моего возраста. В руке она держала поводок, а у её ног крутилась собака, с любопытством принюхиваясь ко мне.

— Нет, спасибо. Я просто смотрел на звёзды.

Она недоверчиво прищурилась. Я видел, как её глаза скользят по моему разбитому лицу и по следам крови на футболке и темно-синей ветровке.

— В таком виде — она покачала головой. — Вы совершенно не умеете врать.

Коротко, без насмешки, скорее с каким-то тёплым сожалением, она потянулась к заднему карману джинсов и достала телефон.

— Сейчас

Дальше я действовал на инстинктах. Резко рванулся вперёд и схватил её за запястье. В её глазах отразился настоящий шок. Мы застыли в странной, нелепой позе: она панически оглядывалась по сторонам, словно высматривая, кого можно позвать на помощь, я сжимал её руку с телефоном, а собака, отбежав на всю длину поводка, жалобно скулила, натягивая его до предела.

— Не надо никуда звонить, — выдохнул я ей прямо в лицо. — Пожалуйста.

Она смотрела на меня в упор. Так близко, что я видел каждую ресницу, каждый оттенок страха, жалости и любопытства, плескавшихся в её глазах. Губы её дрогнули, но она молчала, будто взвешивая, убежать или остаться.

— Ладно — наконец протянула она медленно, убирая мою руку со своего запястья и отстраняясь.

Мне стало неловко. Кажется, я напугал её не только своим видом, но и поведением. Я смотрел, как она поднимается, идёт к собаке, которая испугалась не меньше хозяйки, и понял: нужно это исправить.

— Извините, — выдохнул я хрипло. — Я не хотел вас напугать.

Девушка обернулась. Я пытался подняться с земли, но это получалось с трудом. Держась рукой за живот, стараясь не потерять равновесие, я выпрямился, но всё же качнулся в сторону.

— Вы дойдёте до дома? — спросила она обеспокоенно.

— Да, конечно, — кивнул я, делая маленькие, неуверенные шажки к тротуару и качаясь из стороны в сторону.

Она смотрела на меня несколько секунд, явно борясь с собой. А потом, видимо, решилась.

— Давайте я вас провожу, — предложила она, подходя ближе и вставая рядом.

В её глазах всё ещё тлел испуг, но желание помочь оказалось сильнее.

— Хорошо, — согласился я с каким-то странным облегчением, вытирая лицо рукавом ветровки и выходя с ней на тротуар.

Она поправила поводок, собака наконец перестала скулить и уже с осторожностью покосилась на меня. Мы пошли

до смешного медленно, так как я хромал, держась за ноющее ребро, но она шла спокойно рядом, готовая подхватить в любой момент.

— Спасибо, — буркнул я, не глядя на неё.

— Не за что, — тихо ответила она, и мы продолжили идти в тишине и очень близко друг к другу.

Собака, успокоившись и приняв ко мне, крутилась у моих ног, путаясь под ними, заглядывая в лицо, виляя хвостом с такой интенсивностью, что казалось, сейчас взлетит. Она смотрела на меня такими добрыми, преданными глазами, что я не выдержал и протянул руку, чтобы погладить. Пальцы утонули в густой, рыжевато-золотистой шерсти.

— Это Рокси, — улыбнулась девушка, наблюдая за нами. — Помесь золотистого ретривера и кого-то очень пугливого, — усмехнувшись, дополнила она.

Рокси была высокой — доставала мне почти до колена. Мощная, но не грузная, с умными карими глазами и мило улыбающейся собачьей мордой. Она ткнулась носом мне в ладонь, требуя продолжения, и я сдался, почесывая её за ухом.

— Меня, кстати, Сьюзи зовут, — добавила девушка, чуть сбавляя шаг, чтобы идти в ногу со мной.

— Тэйт, — ответил я, не прекращая гладить Рокси.

— Тэйт, — повторила девушка, будто пробуя имя на вкус. — Красивое имя. Что же произошло с тобой, Тэйт? Вид у тебя, честно говоря, жутковатый.

Я хмыкнул — и тут же поморщился от боли в разбитой губе.

— Встретил старого знакомого, — ответил уклончиво. — Обменялись мнениями.

— Судя по твоей физиономии, его мнение было тяжелее, — тонко подметила она.

— Он просто более убедительный, — буркнул я, и услышал слева смешок.

Рокси тоже одобрительно гавкнула, подпрыгнув, и лизнула мою свободную руку.

— Кажется, ты ей понравился, — заметила Сьюзи, подтягивая за поводок к себе собаку. — Рокси, нельзя так сильно липнуть к незнакомым людям.

Было забавно наблюдать, как такая большая собака виновато опустила голову, покосилась на хозяйку огромными карими глазами, а затем снова посмотрела на меня, будто спрашивая: «Ну что я такого сделала?» Я улыбнулся, насколько позволяла разбитая губа, наблюдая за этой сценой. Мы прошли под фонарём, и только сейчас я смог как следует рассмотреть мою собеседницу.

Невысокая, хрупкая — макушкой она едва доставала мне до плеча. Русые волнистые волосы спадали до груди мягкими волнами, в свете уличного фонаря отливая золотом. Прямой маленький носик и пухлые губы, которые сейчас были тронуты лёгкой улыбкой, делали её лицо по-детски беззащитным, но в то же время живым и настоящим.

Она была одета в широкие голубые джинсы, свободно сидящие на бёдрах, и белые кроссовки, уже успевшие запачкаться в майской грязи. Поверх белого короткого топа на ней была серебристая кожаная ветровка, которая переливалась в тусклом свете, оттеняя русые волосы и светлые брови. В этом образе было что-то дерзкое и одновременно уютное, как у человека, который умеет совмещать несовместимое.

— Я тебя здесь раньше не видел, — сказал я, наконец формулируя мысль, которая медленно доходила до моего затуманенного болью сознания.

— Мы с сестрой переехали сюда неделю назад, — Сьюзи улыбнулась, заправляя выбившуюся прядь за ухо. — Купили дом на соседней улице. Сейчас там ремонт, повсюду пыль и всё такое, поэтому я решила выгулять Рокси, чтобы немного проветриться.

Мне стало интересно, почему выбор пал именно на наш маленький городок, затерянный среди холмов западного Мэриленда.

— Красивое место, — заметила она, будто прочитав мои мысли. — Тишина. Звёзды. Воздух. В городе такого не хватало.

— В городе? — переспросил я.

— Мы переехали из Балтимора, — пояснила Сьюзи. — Устали от шума и решили, что пора переехать в место, где тише и спокойнее.

Я кивнул, хотя внутри шевельнулось сомнение. Из Балти-

мора просто так не уезжают в такую глушь, как наша. Чтобы купить дом и начать ремонт — нужна веская причина. Я решил не забрасывать вопросами и без того испуганную девушку, тем более что мы уже подходили к моему дому. В окне на кухне всё ещё горел свет, а значит, отец снова не спит и разбирает прошения людей.

— Спасибо, — сказал я, останавливаясь у невысокой калитки и поворачиваясь к Сьюзи. — За помощь и за компанию.

— Не за что, — она пожала плечами, но в глазах мелькнула тёплая искорка. — Постарайся в следующий раз не вступать в такие диспуты.

Я улыбнулся, а Рокси подошла ко мне вплотную и ткнулась мокрым носом в мою ладонь, словно тоже прощаясь со мной.

— Доброй ночи, Тэйт, — тихо сказала Сьюзи, мягко потянув поводок на себя.

— Доброй ночи, — ответил я, наблюдая, как они с Рокси растворяются в темноте и чувствуя, как ноет каждый мускул.

Когда я зашёл внутрь, в прихожей горел тот самый тусклый свет, который мама всегда оставляла, если кто-то задерживался. Сняв кроссовки, я хотел повесить ветровку на крючок, но остановился. Её воротник, да и вся она в целом, была изрядно испачкана кровью. Скомкав её в руке, я осторожно, стараясь ступать бесшумно, направился в ванную. Ноги гудели, каждый шаг отдавался болью в рёбрах, дыхание выры-

валось с хрипом. Я был уже на середине пути, когда в проёме кухни появился знакомый силуэт.

— Тэйт?

Я замер. Отец шагнул ко мне навстречу, и я увидел, как меняется его лицо по мере того, как свет падает на моё. Сначала непонимание, потом ужас. Он подошёл ближе, но остановился в полуметре, смотря с ужасом на разбитую губу, на заплывший глаз, на кровь, которая застыла на моём лице.

Я всё это время молчал. Просто стоял и смотрел на человека, который учил меня терпению, смирению, подставленной щеке. Который всю жизнь внушал, что отвечать ударом на удар — грех. Который верил, что Бог вознаградит за кротость. И вдруг я понял, что мне нечего ему сказать. Он никогда не поймёт ни того, почему я ударил первым, ни того, что я чувствовал себя по-настоящему живым впервые за долгие месяцы. Для него это будет просто неприемлемым поведением сына пастора.

— Я в порядке, — сказал я коротко и зашёл в ванную, закрывая за собой дверь и отрезая от себя отца, не знающего, что делать с сыном, который больше не подходит ни под одну его проповедь.

Неужели он всегда был таким? Даже в молодости?

Я облокотился обеими руками о раковину и тяжело выдохнул. Я мало знал о юности отца. Он никогда особо не делился своим прошлым. Знал только, что к Богу он пришёл сам. Мои бабушка с дедушкой были обычными людьми,

которые посещали церковь лишь по большим праздникам. А вот причина, по которой он выбрал этот путь оставалась неизвестной для меня.

Когда я включил тёплую воду и поднял глаза на шкафчик с зеркалом над раковиной, то увиденное заставило меня замереть.

Неудивительно, что Сюзи меня испугалась. Такой вид испугал бы кого угодно. Человек в зеркале не был мной. Черты лица смешались в кровавое месиво. Левый глаз заплыл так, что превратился в узкую щель. Нос распух и выглядел чужеродно, будто приставленный к лицу от другого человека. Нижняя губа была разбита в двух местах и не закрывалась плотно, обнажая зубы, окрашенные кровью. Рассечённая бровь всё ещё сочилась, и тонкие красные дорожки тянулись к виску, теряясь в волосах. На белой футболке, помимо крови, темнели разводы от грязи.

Набрав в ладони тёплой воды, я начал осторожно умываться. Каждое прикосновение к лицу отзывалось пульсирующей болью. Вода в раковине моментально окрашивалась в розовый, но я, шипя сквозь зубы, продолжал.

После этого я достал аптечку из шкафчика и принялся обрабатывать раны. Знал, что это необходимо, и всё же злился, когда, пропитывая ссадины перекисью, та щипала так, что на глазах выступали слёзы. От боли я сжимал челюсть и продолжал сантиметр за сантиметром. Лицо горело огнём, но когда я закончил и снова посмотрел в зеркало, то понял: луч-

ше стало, но ненамного. Гематомы расползались, принимая всё более угрожающие сине-багровые оттенки. Глаз почти не открывался, а губа распухла так, что шевелить ими было трудно.

Я кинул очередной окровавленный кусок ваты в мусорное ведро и прислонился спиной к холодной плитке стены.

В момент, когда я решился на драку с Шоном, я не думал ни о чём, тем более о своём внешнем виде. Тогда была только ярость, только этот безумный, пьянящий момент, когда я впервые в жизни перестал быть пассивным наблюдателем собственной судьбы.

Теперь же, глядя на себя в зеркало, ко мне приходило ужасное осознание. Через неделю я должен быть в университете на защите диплома.

Я — один из лучших студентов на курсе — теперь должен предстать перед руководителями, перед комиссией, перед всеми этими людьми с лицом, разбитым до неузнаваемости.

И что я им скажу? Подрался с хулиганом? Позволил эмоциям взять верх? Перестал быть тем правильным Тэйтом, которого они знали?

Я закрыл глаза и глубоко вздохнул. В груди снова заныло — рёбра, кажется, тоже пострадали.

Но постепенно, сквозь боль и отчаяние, начала пробиваться спасительная мысль. Кажется, для студентов, которые не имеют возможности приехать на защиту лично, преду-

смотрена дистанционная форма. Если к тому времени моё лицо хоть немного заживёт, может, через камеру ноутбука будет не так заметно? С плохим освещением, правильным ракурсом я мог бы смотреть в камеру только когда нужно отвечать на вопросы. А в остальное время — просто продемонстрировать свою работу.

Хотелось надеяться, что всё получится. А то, что я пропущу торжественную часть, — не страшно. Добавится в копилку к пропущенному школьному выпускному.

Но только как мне объяснить всё родителям?

Выйдя из ванной комнаты, я направился на кухню, но там, к моему удивлению, уже было пусто и темно. Видимо, разочарованный во мне отец не стал дожидаться моих объяснений и ушёл спать.

Я решил последовать его примеру.

Тело гудело, каждый шаг по лестнице давался с трудом. Я добрался до своей комнаты и рухнул на кровать, даже не раздеваясь. Просто лежал, глядя в потолок, чувствуя, как пульсирует боль в разбитом лице, как ноют рёбра при каждом вдохе.

Несмотря на мой переезд в свою же комнату, образ Александры не перестал являться мне. Иногда она приходила и по пробуждению, но в основном — всегда ночью. Как только я закрывал глаза, мир вокруг исчезал, а она появлялась. Всегда одинаково. Всегда приятно и долгожданно.

Я с трудом перевернулся на бок, подложил руку под щёку,

стараясь не касаться разбитой стороны лица, и закрыл глаза. Темнота сомкнулась надо мной, утягивая в свои глубины.

И в ту же секунду она оказалась рядом.

Алекса стояла надо мной — так же, как и всегда. Смотрела с лёгкой, почти нежной улыбкой, словно не замечая моего избитого лица, рассечённых губ, заплывшего глаза. Она будто видела во мне что-то другое. Что-то, чего я сам в себе уже не находил.

Затем медленно присела на край кровати, как делала это обычно в моей фантазии, и положила руку поверх моей, отчего внутри разлилось то самое знакомое, но недостижимое тепло, от которого хотелось выть. Я всё ещё продолжаю жить в иллюзиях и обмане. Учусь улыбаться другим, делаю вид, что живу дальше, но в тишине, когда вокруг никого нет, внутри остаётся только она.

Моя самая красивая и самая страшная зависимость, которой я серьёзно болен.

Глава 7

— Господи! — воскликнул я, приподнявшись и едва разлепив заплывший глаз.

— Если бы, — спокойно ответил отец, сидя на стуле у моей кровати и сложив руки на коленях. Он рассматривал каждую гематому, каждую ссадину, каждую припухлость с таким видом, будто пытался по этим следам восстановить картину прошлой ночи.

Я откинулся обратно на подушку, прикрывая рукой одновременно сонные и больные глаза. В комнате царил серый, предрассветный полумрак, и было слышно, как тикают наручные часы отца.

— Я решил прийти до того, как мать проснётся и увидит это — он сделал паузу и пальцем в воздухе указал на мое лицо, — зрелище.

После стольких недель молчания, после того как он ясно дал понять, что его волнует только моя учёба и сдача диплома, он сидит здесь и пытается защитить меня от маминой реакции. Поразительно.

— Я договорюсь с куратором о дистанционной защите диплома, ты можешь не волноваться на этот счёт, — поспешил заверить я его.

Отец задумчиво помолчал, а через минуту сказал:

— Я и не волнуюсь.

После моего кивка молчание продолжилось. Он всё так же пристально смотрел на меня, а я всё так же упорно делал вид, что даже сквозь один приоткрытый глаз не вижу его. Звук чего-то падающего с первого этажа оповестил о том, что мама уже проснулась, и если мы сейчас не начнём говорить, то позже мамины нервы будут изрядно расшатаны.

— Как отец, я пытаюсь тебя понять, но как пастор — собравшись, начал родитель, а я поднял на него глаза, отмечая, как в полумраке комнаты его лицо кажется постаревшим лет на десять. Или это не из-за освещения

— Тебе необязательно всегда быть пастором рядом со мной, — сказал я, переводя взгляд на стену с выцветшим прямоугольником в обоях. — Просто пойми, что я хочу пережить этот период через всю боль, через все эти ошибки не с проповедями или наставлениями, а просто зная, что ты на моей стороне.

— Я всегда на твоей стороне, — сказал он с грустью, смотря на меня. — Я просто думал, что, если буду учить тебя правильному пути, ты не потеряешься.

— Я и так потерялся, — усмехнулся я горько.

Он недолго помолчал, глядя в окно, а затем произнес:

— Мне больно видеть тебя таким разбитым и потерянным, с этой пустотой в глазах, но ещё больнее осознавать, что я сам отвернулся в эти сложные для тебя дни.

Он сделал паузу, сцепив пальцы в замок, будто собираясь с силами.

— Прости меня, сынок. Иногда я забываю, что ты ещё слишком юн для той ответственности, которую я на тебя хотел возложить. Ты не должен нести на своих плечах церковные догмы и весь этот груз. Ты был таким тихим всю жизнь, что я привык к этому и принимал это как должное. А теперь ты проживаешь своё горе так громко и так больно, что мне непривычно.

Он повернулся ко мне, и в его глазах действительно стоял страх.

— Может быть, я просто не хочу признавать, что ты уже вырос и можешь сам решать, по какому пути идти. Даже если на этом пути ты будешь падать и разбивать себе лицо.

Он усмехнулся, указывая пальцем на мои гематомы.

— Буквально.

Я не сдержал короткого смешка — и тут же поморщился от боли в разбитой губе.

— Получается, мы оба учимся, — сказал я. — Ты — быть отцом взрослого сына, а я — быть собой.

— Получается, так, — наклонившись, он положил руку мне на плечо и слегка сжал его. — Давай попробуем забыть всё, что было между нами последние месяцы и начать с чистого листа.

— Я только за, — ответил я просто.

Отец впервые за долгое время по-настоящему и без натяжки улыбнулся, а затем поднялся с места и пошел к двери.

— Насчёт матери, — остановился он, держась за ручку

двери, — сделаю всё, что смогу, — а после вышел из комнаты.

Не знаю как, но стоит отдать ему должное: он каким-то образом успокоил маму. Через несколько минут она ворвалась в мою комнату с аптечкой в одной руке и небольшой коробкой собственноручно приготовленных мазей и отваров в другой. Она, конечно, вздыхала и причитала, но не задавала лишних вопросов, ведь знала, что, если я сам не рассказал, значит, бесполезно меня допрашивать о том, что случилось.

К концу следующей недели лицо, конечно, не зажило полностью, но хотя бы я снова стал похож на себя. Заплывший глаз вернулся в своё обычное состояние, опухоль спала, оставив лишь разноцветные разводы синяков, переходящих в желтизну.

На защите диплома в мониторе ноутбука моё лицо украшало множество пластырей. Но теперь я выглядел не как побитая собака, а как человек, неудачно свалившийся с уличной лестницы в кусты. Именно эта версия стала официальной причиной для моего перевода на дистанционную защиту.

Кстати, защитился я успешно. Комиссия, видимо, сделала скидку на моё состояние и на прогресс за все четыре года, закрыв глаза на непройденные в срок тесты. В итоге я получил высший балл и отправленный мне по почте выпускной набор. Внутри лежал официальный диплом, скрученный в рулон и перехваченный тонкой шёлковой лентой с золотым

отливом и регалиями.

С того дня, как мы подрались с Шоном, я не выходил на улицу. Не хотел пугать прохожих и вызывать ненужные сплетни, которые могли бы навредить репутации отца. Но сегодня была веская причина наконец выйти из дома. Сегодня я, всё ещё обклеенный пластырями в самых заметных местах, но уже в красивой чёрной мантии выпускника, шёл к Джону, чтобы подарить ему то, над чем он так смеялся.

Размахивая шапочкой и вдыхая свежий воздух, я шёл медленно и спокойно, наслаждаясь теплом, как вдруг краем глаза заметил стремительно приближающееся рыже-золотистое пятно.

Оказалось, это Рокси неслась ко мне со всех лап, поводок волочился за ней по земле, а язык радостно свисал набок. Видимо, она меня учуяла, и по тому, с какой скоростью она преодолевала разделяющее нас расстояние, было ясно, что моя скромная персона заслужила в её собачьем сердце особое место.

— Рокси, стоять! — донёсся издали отчаянный крик. — Рокси, ко мне!

Но Рокси было плевать на приказы. Она подлетела ко мне, взвизгнула от счастья и с разбегу прыгнула вверх, оставляя на чёрной мантии две отчётливые грязные лапы.

Я пошатнулся, пытаюсь удержать равновесие, и в этот момент шапочка выпускника выпала из рук и приземлилась будто нарочно в самое грязное место на дороге.

Рокси, довольная собой, крутилась рядом, пытаясь лизнуть меня в лицо.

— Рокси! — запыхавшийся голос приближался. — Чёрт бы тебя побрал!

Раскрасневшаяся, со сбившимся дыханием и с растрёпанными волосами из-за поворота выбежала Сьюзи. Увидев нас, она на секунду замерла, а затем подбежала ближе, хватая Рокси за ошейник.

— О нет, — выдохнула она, глядя то на мою испорченную мантию, то на шапочку, валяющуюся в пыли. — Прости, прости, прости! Я её выгуливала, а она видимо увидела тебя и сорвалась. Намотав длинный поводок на руку, Сьюзи бросилась поднимать и отряхивать шапочку.

— Я куплю тебе новую, — пролепетала она. — Или стираю или

Я усмехнулся, глядя на свою грязную мантию и на Рокси, которая уселась рядом и радостно виляла хвостом, абсолютно счастливая и не осознающая своей вины.

— Перестань, — остановил я её поток извинений. — Ничего страшного.

Девушка выдохнула, вытирая со лба выступившие капельки пота, и посмотрела на меня виноватыми глазами.

— Я всё испортила, да?

Её смущённый вид с этой дурацкой шапкой в руках и совершенно несчастным выражением лица — почему-то вызвал во мне улыбку. То, как она беспокоилась и пыталась ис-

править то, что исправить было невозможно, было приятно.

— Сам виноват, — пожал я плечами, пряча руки в карманы мантии. — Вышел весь такой красивый на прогулку. Рокси не устояла.

Улыбка тронула её губы: сначала робко, потом смелее. А затем она звонко и открыто рассмеялась, запрокинув голову так, что волосы рассыпались по её плечам. Рокси, услышав смех хозяйки, радостно гавкнула и принялась наматывать круги вокруг нас, путаясь в поводке. Я не сдержался и тоже засмеялся.

— Ох, — выдохнула Сюзи, отсмеявшись и вытирая выступившие слёзы. — Прости, я не над тобой, просто ты так это сказал.

— Всё нормально, — улыбнулся я. — Честно.

Она протянула мне шапочку. Я взял её, повертел в руках, страшивая пыль, но пятно всё равно осталось.

— Куда ты вообще направлялся в таком виде? — спросила она, поправляя поводок. — Если не секрет.

— К другу. Обещал подарить ему эту шапочку.

Сюзи резко изменилась в лице, став снова серьёзной.

— Чёрт. Я испортила подарок, — сказала она, ударив себя по лбу и смутившись. — Может, я дойду с тобой и всё ему объясню?

Я посмотрел на неё, потом на Рокси, которая преданно заглядывала мне в глаза.

— Ничего не надо объяснять, всё нормально. Пойдём про-

сто так, — сказал я. — Уверен, Джон будет рад познакомиться. Особенно если ты прикроешь меня, когда он начнёт смеяться над моим лицом.

— Договорились, — улыбнулась Сьюзи, поправляя поводок. — И кстати ты выглядишь совсем неплохо. Я бы не стала смеяться над твоим лицом.

Посмотрев на Сьюзи, я отметил, как она, слегка смутившись, отвернулась и уставилась куда-то вперёд, на дорогу. Что-то в ней было такое — лёгкое, воздушное и простое, что заставляло улыбаться и шутить без всяких усилий. Своим характером она очень напоминала мне Эби: та же открытость, та же непосредственность, то же умение разрядить обстановку одним своим присутствием.

До дома Джона было не так далеко, поэтому мы только и успели, что обменяться несколькими фразами о погоде и о том, как Рокси обожает гоняться за птицами. Я уже начал рассказывать, что Джон несколько месяцев строит лодку, но как только мы завернули за угол, перед нами во всей своей красе предстало его творение воочию.

Сьюзи медленно подошла к тому, что Джон называл лодкой, а Рокси с интересом принялась.

— Это она? — осторожно спросила девушка, оглядывая то, что друг с таким упорством сколачивал все эти недели.

Это сооружение и правда напоминало что угодно, только не плавательное средство. Со стороны казалось, будто кто-то решил построить скворечник для великана, но передумал

на полпути. Доски торчали в разные стороны под самыми неожиданными углами, нос лодки гордо смотрел в небо, а корма — в землю, и вся эта композиция держалась, кажется, исключительно на энтузиазме и нескольких криво вбитых гвоздях.

— Больше похоже на... — Сьюзи задумалась, подбирая слова. — На попытку собрать мебель из Икеи без инструкции. В полной темноте. Со сломанными руками.

Я широко улыбнулся, наблюдая, как на лице у девушки отражается неподдельный восторг, смешанный с замешательством.

Рокси, не теряя времени даром, деловито направилась к одной из торчащих досок, явно намереваясь оставить свой след на этом произведении столярного искусства. Сьюзи сдавленно вскрикнула и рванула поводок на себя.

— Рокси, нельзя! — зашипела она, пытаясь оттащить собаку, которая уже задрала лапу в стратегически важном направлении. — Это чья-то мечта, между прочим!

Всё ещё с улыбкой, наблюдая за этой суматохой, я подошёл к двери и нажал на звонок. Внутри послышался грохот, потом тяжёлые быстрые шаги. Когда дверь распахнулась, Джон замер на пороге, переводя взгляд с меня — в мантии — на Сьюзи, которая всё ещё боролась с Рокси, желавшей во что бы то ни стало завершить начатое.

— Тэйт, — выдохнул он. — Чувак, ты... — он обвёл рукой мой внешний вид, потом перевёл взгляд на моё лицо. — Что

с тобой случилось? Подрался на выпускном?

В этот момент, буквально волоча за собой собаку на поводке, к нам подошла Сьюзи и протянула руку Джону.

— Это наша новая соседка, — представил я.

— Привет! Я Сьюзи Брукс. Рада познакомиться.

— А это Рокси, её собака, которая пыталась удобрить твою лодку.

— Взаимно, Сьюзи, я Джон, — он улыбнулся и, воспользовавшись тем что девушка снова отвлеклась на собаку, посмотрел на меня выразительно и слегка игриво. «Откуда она?» — читалось в нём. Я едва заметно покачал головой.

Рокси, наконец успокоившись, уселась у ног хозяйки, поглядывая на Джона с любопытством. Тот присел на корточки, протянул руку, и собака тут же уткнулась мокрым носом в его ладонь.

— Красивая, — сказал он, почесывая Рокси за ухом с не меньшим наслаждением, чем испытывала собака. — Мы с Эби как-то тоже хотели... — он осекся, выдохнул и быстро поднялся. — Проходите, не стойте на пороге.

Зайдя внутрь, я отметил, что дом выглядел уже не так пугающе, как в прошлые разы. Бутылок стало меньше, вещи относительно сложены, а из кухни даже доносился аромат свежесваренного кофе.

— Я тут начал дом подготавливать, ещё не закончил, — буркнул Джон. — Не хочу, чтобы дочка видела этот бардак.

— Когда поедешь?

— Четырнадцатого июня. Мы с Эби договорились, что она пробудет у меня до конца лета.

— Это прекрасно, — ответил я, видя благодарное лицо Джона и сияющие глаза.

Сьюзи всё это время стояла в стороне и гладила Рокси, не вмешиваясь в наш разговор.

— Сьюзи! — окликнул её Джон, и девушка сразу же обернулась. — На какой улице вы купили дом?

— Elm Street, дом 42.

— Это очень старый дом, в нём никто не живёт со времён, когда я учился в старшей школе. Уверен, он в ужасном состоянии.

— Да, так и есть, — с грустью ответила Сьюзи. — Мы с сестрой делаем там ремонт, стараясь превратить его во что-то стоящее, но пока что.

— Этот дом, по-хорошему, надо снести и на его месте построить что-то новое, — перебил её Джон, поставив руки на бока. — Но если вы захотите поменять окна или двери, то обязательно обращайтесь, сделаем всё в лучшем виде за символическую плату в виде ужина.

Сьюзи растерянно посмотрела на меня, и я ей кивнул, давая понять, что она может принять его помощь и не переживать.

— Большое спасибо, я поговорю с сестрой, — вежливо улыбнулась она, поглаживая Рокси по голове, и я мысленно порадовался. Добрые дела всегда поднимали мне настро-

ение.

Джон тем временем перевёл взгляд на мои руки, в которых я всё ещё сжимал злополучную шапочку — теперь уже не только грязную, но и слегка помятую после всех перипетий.

— А это что такое? — спросил он, прищурившись.

Я переглянулся со Сьюзи, которая вновь смотрела на меня виновато, и протянул чёрный, местами грязный квадратик Джону.

— Это тебе

Джон с недоумением принял мой дар, повертел его в руках, рассматривая со всех сторон, а затем вдруг замер. Его брови поползли вверх, а в уголках губ заплясала предательская улыбка.

— Чувак, — выдохнул он, изо всех сил стараясь подавить рвущиеся наружу смешки. — Эта шапка ещё хуже, чем я думал. Она что, тебе из последнего комплекта досталась? Того, который по дороге из машины вывалился и под колёса попал?

Он не выдержал и громко, заливисто, до слёз расхохотался.

— И стоило тратить четыре года из-за этого?

— Вообще-то, — вмешалась Сьюзи, но в её голосе уже тоже проскальзывали смешинки, — это я виновата. Рокси вырвалась, когда увидела Тэйта, и в порыве страсти чуть не сбила его с ног. А шапочка упала в грязь. Я не знала, что это

подарок, извини

Лицо Джона приобрело совершенно торжественное, почти пафосное выражение. Он водрузил её себе на голову. Смотрелось это, мягко говоря, странно — помятый, грязный колпак на его голове, спортивная серая майка без рукавов, трёхдневная щетина и сияющие от счастья глаза.

— Буду в ней лодку достраивать, — твёрдо сказал он, тряся кисточкой на краю шапки.

Мы засмеялись, и, когда Джон наконец снял эту злополучную шапку, его взгляд упал на мою мантию, а сам он расплылся в широкой улыбке.

— Значит, защита прошла успешно. Поздравляю! — он протянул мне руку, и я ответил на его рукопожатие. — Так, получается, нам есть что отметить. Верно, Тэйт?

— Да, я как раз хотел тебе предложить, — подтвердил я и, помедлив, перевёл взгляд на стоящую рядом девушку. Она переминалась с ноги на ногу, теребя поводок, и явно чувствовала неловкость. — Сьюзи, ты придёшь?

Она подняла на меня удивлённые, чуть растерянные глаза.

— Я даже не знаю, — неуверенно протянула она.

Я понимал, что перспектива сидеть с двумя малознакомыми ей парнями тревожит её, что, безусловно, нормально, поэтому решил немного успокоить её.

— Я буду очень рад, если ты придёшь. Правда, — сказал я искренне. — Приходите с сестрой, как раз и познакомимся.

Она замерла на секунду, а затем еле заметно выдохнула с

облегчением и благодарно улыбнулась.

— Конечно, думаю, мы придём.

Глава 8

— Симпатичная девчонка, — не оборачиваясь и продолжая мыть посуду, произнёс Джон.

— Да, наверное, — ответил я, вытирая тарелку полотенцем.

Прошло пару часов с того момента, как я вызвался помочь ему с уборкой и подготовкой к вечеру. Дом наконец-то приобрёл тот вид, которого ему так не хватало, когда в нём жила счастливая семья. Ну, почти. Всё же женской руки и уюта здесь отчаянно не хватало, и это бросалось в глаза, даже несмотря на наши старания.

Все вещи Эби Джон убрал, скорее спрятал подальше, чтобы не видеть, а вот игрушки Лизы продолжали лежать на своём месте. Более того, прибавилось очень много новых. Протирая пыль, я заметил на комодe несколько нераспакованных коробок с яркими бирками. Джону явно не терпелось как можно скорее привезти дочку домой, и это очень умиляло.

— Да брось, не делай вид, что не заметил, — он глянул на меня через плечо. — Она очень милая.

К моему удивлению, Джон не смеялся и не шутил, а был очень серьёзен. Не знаю, о чём он думал, но я действительно не рассматривал Сьюзи как девушку, скорее, как новую соседку. Внутри меня хоть и билось сердце, но оно было заперто и запечатано замком с кодовым именем из шести букв.

Да, я продолжал видеть образ Алексы каждую ночь. Да, я не мог от этого отказаться. И да, каждый день она была рядом со мной, несмотря на физическое отсутствие. Мы разговаривали, молчали, просто лёжа в моей кровати смотрели друг на друга или, когда тоска полностью овладевала мной, я позволял себе немного больше. Я настолько привык к этому, что призрак моей первой любви заменял мне живого человека. Возможно, я уже сошёл с ума и не считался адекватным и здоровым, но мне было всё равно. Я продолжал хранить и лелеять этот секрет как самое ценное, что было и есть в моей жизни.

— Ты в ней скоро дыру протрёшь, — выхватил Джон из моих рук чистую сухую тарелку. — Накрывай на стол. Салфетки в тумбе, тарелки сам знаешь где, а я пошёл к мангалу.

Кивнув, я принялся за сервировку. Оставшись наедине, я почувствовал неловкость оттого, что мы пригласили двух девушек в дом, где Эби так тщательно создавала уют. Помню, да, она развешивала их с Джоном совместные фотографии на стены, украшала комнаты различными наклейками и предметами интерьера, и теперь я будто видел её призрак, который стоял в проёме кухни и смотрел на меня с укором и обидой.

Через открытое окно вместе с вечерней свежестью на кухню проник запах жареного мяса и звуки голосов. Я отряхнул руки, посмотрел на своё лицо в пластырях в маленьком зеркальце в коридоре и вышел на крыльцо, которое, как и двор,

было залито тёплым закатным светом.

Джон стоял у мангала, одной рукой переворачивая шампуры с мясом и овощами, а другой оживлённо жестикулируя. Рядом с ним, слегка склонив голову и улыбаясь его рассказам, стояла незнакомая мне девушка. Она слушала Джона с явным интересом, изредка вставляя короткие реплики, от которых он начинал смеяться ещё громче.

— Привет! — услышал я рядом знакомый голос.

Переключив внимание на Сьюзи, я отметил, что сегодня она выглядела иначе. Пряди её объёмных волос были убраны назад, а лицо обрамляли два свободных локона. Никаких широких джинсов и мешковатых футболок — на ней было красивое фисташкового цвета лёгкое платье в цветочек, поверх которого была надета короткая белая кожаная куртка. Она не изменяла своему стилю.

— Привет, — ответил я, глядя на Сьюзи, но через мгновение снова перевёл взгляд в сторону блондинки. Та снова громко над чем-то смеялась.

Сьюзи проследила за моим взглядом и спустилась со ступеней, увлекая меня за собой.

— Пойдём, — кивнула она в сторону мангала и вскоре я оказался рядом с незнакомкой.

— Гвендолин, это Тэйт, — представила меня Сьюзи, указав взглядом в мою сторону. — Тэйт, это Гвен. Моя старшая сестра.

Передо мной стояла высокая девушка с идеальной осан-

кой, высокими скулами, чёткой линией подбородка и цепкими карими глазами. Её губы были накрашены бордовой помадой, а светлые волосы уложены в идеальные крупные локоны.

— Очень приятно, — протянула Гвендолин мне руку.

Её пальцы были длинными и тонкими, а на ногтях — идеальный тёмно-вишнёвый лак, в тон помады. Рукопожатие оказалось твёрдым, уверенным, совсем не таким, какого можно было ожидать от этой утончённой девушки.

— Взаимно, — ответил я, стараясь не задерживать взгляд на её лице дольше положенного.

— Тэйт, — окликнул меня Джон, — отнеси первую партию на кухню.

— Сейчас, — отозвался я и уже потянулся к тарелкам с запечёнными овощами и мясом, как Сьюзи опередила меня.

— Я помогу, — улыбнулась она, ловко подхватывая одну из тарелок.

Мы направились к дому, оставляя Джона и Гвен одних. За спиной снова раздался её мелодичный смех, и я невольно оглянулся: она что-то оживлённо рассказывала, а Джон слушал с таким видом, будто та открывала ему тайны мироздания. Мне было приятно видеть, как друг снова смеётся, как увлечённо поддерживает беседу, становясь тем самым лёгким и забавным парнем, каким я его знал до всего этого кошмара. Но от мысли, что они остались наедине, мне становилось беспокойно.

Сьюзи проследила за моим взглядом и понимающе улыбнулась.

— Гвен всегда умела очаровывать людей быстрее, чем они успевают опомниться.

Именно это меня и беспокоило. Появление в жизни Джона другой женщины сейчас было совсем ни к стати. До поездки в Айову я аккуратно настраивал его на разговор с Эби. Я надеялся на их скорое примирение и возвращение не только Лизы, но и Эбигейл. Потихоньку он смягчался, злость медленно отступала, и я видел пробивающиеся нежность и скуку по жене. Поэтому внимание Гвен сейчас было совсем ни к месту. Скоро она узнает, что в нашем городке есть и другие парни. Но большинство из них либо занимаются тёмными делами, либо спиваются. Так что, познакомившись с Джоном поближе, Гвен быстро поймёт: он для неё — настоящий бриллиант на фоне этих потухших углей. И это пугало меня ещё больше. Ведь если она узнает, что Джон на грани развода, то, возможно, захочет забрать его себе.

— Ты какой-то задумчивый, — произнесла Сьюзи, ставя тарелку на середину стола и снимая кожаную куртку. — Всё хорошо? Ты совсем не похож на выпускника, который только что получил диплом.

Да уж. Сьюзи удивилась бы, узнав, каким я был всего несколько месяцев назад. В её сознании с самой первой встречи, видимо, сложился образ парня с взбалмошным характером, который влезает в драки или непринуждённо шу-

тит с лёгкостью заводя новые знакомства. Но была бы она со мной так же мила, если бы узнала, кто я на самом деле?

— Да, всё нормально, — ответил я, отгоняя мысли. — Просто, наверное, немного устал. Вина?

— Да, спасибо, — кивнула она, усаживаясь за стол на то место, где обычно сидел я.

Достав штопор и бутылку, я быстро откупорил пробку и подошёл к девушке. Она сидела расслабленно, откинувшись на спинку стула, и наблюдала за моими действиями, машинально поправляя ворот платья.

Я поставил бокал на стол и наклонился, чтобы наполнить его вином. На девичьей шее поблескивала цепочка, и я непринуждённо перевёл на неё взгляд. Но как только я это сделал, то замер от увиденного.

Там, где секунду назад, казалось, ничего не было, теперь висел маленький золотой крестик. В этот момент меня будто ударило током. Почему-то именно сейчас присутствие крестика на её шее показалось мне невероятно значимым. Неужели она была из моего мира?

— Ты — не удержался я, но запнулся, не успев правильно сформулировать вопрос. Слишком много мыслей навалилось разом. — Ты верующая?

Вопрос застал её врасплох. Уверен, она ожидала вопросов о личной жизни, о семье, об учёбе — но точно не о религии.

— Что? — переспросила она тихо, будто проверяя, правильно ли расслышала.

— Твой крестик, — повторил я, не отрывая взгляда от её шеи.

Она машинально коснулась его пальцами, словно забыла о его существовании.

— Ах, это, — выдохнула она, чуть заметно улыбнувшись. — Да, я иногда заходила в церковь в Балтиморе. Не так часто, как хотелось бы. Но да, я верующая. А ты?

И всё.

Этого хватило, чтобы посмотреть на неё по-другому. Не как на женщину, не как на соседку или просто симпатичную девушку, а как на человека, близкого мне по духу. Как на того, с кем можно было бы говорить о высшем, обсуждать значимые вещи, делиться сокровенным. И всё это было бы возможно. Если бы я только не потерял веру

Громкие приближающиеся голоса заставили меня вздрогнуть, отчего немного вина пролилось на стол. Сюзи, быстро среагировав, вытащила несколько салфеток и принялась его вытирать.

— Всё готово! — ввалился на кухню Джон с тарелкой, доверху наполненной мясом с зеленью. Следом за ним Гвен несла огромное блюдо с овощами. — Рассаживайтесь! — скомандовал хозяин дома, поставив тарелку на стол и усаживаясь на своё обычное место.

Гвендолин села рядом с ним. Мне же досталось место между ней и Сюзи.

Джон принялся щедро, по-хозяйски раскладывать по та-

релкам мясо и овощи, я же разливал вино.

— Ну что, народ, — Джон, закончив с сервировкой, поднял бокал. — Давайте выпьем за Тэйта. За то, что он, несмотря на всё, что с ним произошло всё-таки защитил диплом и смог окончить учёбу. Ты молодец, друг. Серьёзно. Я тобой горжусь!

Все за столом, кроме Гвен, засмеялись. Она не понимала, о чём речь, но всё же подняла свой бокал, посмотрев радушно на меня.

— За выпускника!

— За Тэйта! — поддержала Сюзи, слегка коснувшись своим бокалом моего.

Джон, в отличие от меня, был в своей стихии, как обычно, приветлив и общителен. Настоящая душа компании. И пока я ковырял помидор, он уже заваливал вопросами наших гостей.

— Ну что, девчонки, — Джон откинулся на спинку стула, с интересом разглядывая наших соседок. — Откуда вы к нам приехали и почему? Наш городок славится маленькой численностью населения. Как так вышло, что выбор пал именно на него?

Хороший вопрос. Я оставил помидор в покое и сосредоточился на разговоре.

— Вообще-то мы не придирчивы в этом плане, — начала Гвен, пожав плечами. — Да, конечно, после Балтимора чувствуется разница в качестве жизни и инфраструктуре. Но мы

искали дом подальше от городской суеты, где можно было бы спокойно жить.

— А где-нибудь работаешь? Учти, — Джон указал на неё вилкой и продолжил жевать мясо. — В нашем городе с работой вообще беда.

— Да, я знаю, — усмехнулась Гвен. — Я работаю в небольшой бухгалтерской фирме. Веду счета нескольких компаний, занимаюсь налоговой отчётностью, сверяю балансы. Я договорилась с начальником, что буду делать всё удалённо, а когда нужно — ездить в главный офис в Балтимор. Наверное, скучно звучит, но зато зарплата стабильная.

— Бухгалтер, значит, — присвистнул Джон. — А ты, Сьюзи? Работаешь, учишься?

Девушка, быстро прожевав мясо, вытерла губы салфеткой.

— Я перешла на второй курс экономического факультета. Джон удивленно выгнул бровь.

— Вот как? Значит, вы обе решили освоить одну и ту же профессию? Это что-то вроде профессии, которая передаётся из поколения в поколение?

Сьюзи опустила голову и слегка улыбнулась.

— Да, вроде того.

— А ваши родители? — спросил я, переводя взгляд с неё на Гвен и отмечая, как лицо её сестры мгновенно изменилось. Они переглянулись — и Гвендолин едва заметно кивнула, словно поддерживая Сьюзи в решении рассказать прав-

ду.

— Они умерли год назад, — тихо сказала Сьюзи. — В автокатастрофе.

Джон замер. Мясо, которое он собирался отправить в рот, так и зависло на полпути. Атмосфера за столом мгновенно изменилась.

— Мне очень жаль, — выдохнул я, не отрывая глаз от Сьюзи.

— Всё нормально, — ответила она, качая головой. — Слушавшегося не изменить. К сожалению, — после этого она взяла бокал и выпила остатки вина.

— Но ты прав, — неожиданно подхватила Гвен, поворачиваясь к Джону. — У нас было семейное дело. Небольшой бизнес, который перешёл к родителям от деда. Они им занимались всю жизнь. А когда их не стало, нам пришлось его продать, чтобы расплатиться с долгами и купить дом здесь.

— И чтобы оплатить мою учёбу, — добавила Сьюзи, тебе салфетку. — Гвен могла бы остаться в Балтиморе, у неё там хорошая работа, карьерный рост и всё такое, но из-за меня ей пришлось кардинально менять свою жизнь. Я предлагала ей оставить меня жить у бабушки, но

— Ну уж нет, моя дорогая, — усмехнулась Гвен, но в её усмешке слышалась тёплая, почти материнская нежность. — Без присмотра она тут такое устроит. Вон, уже собаку завела.

Сьюзи фыркнула, закатывая глаза, а все остальные, включая меня, невольно улыбнулись, глядя на её реакцию.

— Девчонки, — сказал Джон серьёзно, и его голос перекрыл общий смех. — Вы молодцы. Не каждая семья так — он запнулся, подбирая слово, — держится вместе после такого. Это дорогого стоит.

Он поднял бокал с вином.

— За вас!

Пока Джон стучался бокалами с Гвен и уже начинал рассказывать ей очередную историю, я наполнил бокал Сьюзи, а затем, чуть наклонившись к ней, чтобы она слышала только меня, тихо произнёс:

— За тебя.

— И за тебя, — ответила она с улыбкой.

Этот вечер пролетел как одно мгновение. Сёстры оказались тем самым глотком свежего воздуха, которого нашему маленькому городку так не хватало. Они рассказывали о Балтиморе — об узких улочках, где пахнет крабами и морем, о старом районе Феллс-Пойнт с его брусчаткой и уличными музыкантами, о зимних вечерах, когда они с Гвен сидели на крыше своей квартиры и считали огни небоскрёбов. Говорили о детстве — о том, как убегали из дома в парк кормить уток, как Сьюзи однажды упала в пруд, спасая щенка, и как Гвен потом тащила её мокрую и счастливую домой, пряча от родителей.

Иногда разговор распадался на два отдельных русла. Мы со Сьюзи говорили о книгах, о музыке, об учёбе, а Джон с Гвендолин обсуждали что-то своё, увлечённо, с жестами и

смехом.

Ближе к концу вечера, когда все расслабились под воздействием вина, Гвен перевела взгляд на руку Джона, лежащую на столе, и без кокетства, а скорее с любопытством сказала:

— Я заметила у тебя кольцо.

Джон замер на секунду. Потом посмотрел на своё кольцо, на Гвен, потом на меня.

— Да, — ответил он твёрдо, без тени сомнения. — Я женат.

Гвен кивнула, принимая эту информацию. Но любопытство в её взгляде не погасло.

— Ты ни разу не упомянул о жене сегодня. И её нет дома.

Джон покрутил кольцо на пальце, а затем спокойно и уверенно поднял глаза.

— Сейчас у нас сложный период, — сказал он просто. — Но я верю, что мы справимся. Мы уже через многое прошли вместе, и этот раз будет не исключением. Когда всё наладится, я обязательно познакомлю тебя с ней.

В этот момент меня распирала гордость. Несмотря на злость и расстройство, несмотря на все эти месяцы неопределённости, он продолжал верить. Верить в неё, в них, в то, что однажды всё обязательно сложится.

Я коротко кивнул ему, без слов говоря, что всё будет хорошо, а затем поднял бокал.

— За будущее.

— За будущее, — эхом отозвался Джон, а затем нас под-

держали и Сьюзи с Гвендолин.

Глава 9

Время, как ему и свойственно, летело с неумолимой скоростью. Особенно заметно это ощущалось этим летом, когда жизнь, к моему приятному удивлению, перестала быть просто существованием и превратилась в нечто большее. К концу подходил август, а я складывал вещи в огромный рюкзак, вспоминая события прошедших дней.

Моя жизнь преобразилась. В нее как-то очень плавно и естественно вошли новые люди, ставшие мне друзьями, новые привычки и интересы, новые знания и даже самая обычная, но новая для меня музыка, которой делилась со мной Сьюзи через Spotify. Мир вокруг меня стал намного насыщеннее и красочнее, а трек The Blue Stones — One By One, игравший из ноутбука на фоне, создавал отличное настроение. Изменения в жизни коснулись не только меня, но давайте обо всём по порядку.

Начнём с моего соседа и лучшего друга.

Я безмерно благодарен каждому, кто поддерживал меня на протяжении этого лета: моим родителям, друзьям и, в большей степени, конечно же, Джону, который в свои выходные постоянно вытаскивал меня куда-то. Его новым любимым занятием стало сплавляться на лодке по реке Youghiogheny, что протекала через наш округ, прежде чем уйти в Пенсильванию.

И если вы подумали: «Ох, какой он молодец, он всё-таки её достроил», — можете выдохнуть. Этого не произошло. Джон купил лодку, которая была на плаву у какого-то рыбака, что был стар уже для сплавов, да ещё и слеп на один глаз. Но даже это не мешало старику держать своё судно в идеальном состоянии. А ещё, когда он увидел попытки Джона сколотить нечто самостоятельно — его это рассмешило так сильно, что он даже сделал хорошую скидку за его старания.

Благодаря этому, ни свет ни заря, мой друг буквально за руку вытаскивал меня из кровати, и мы, пока ещё прохладно, плавали по реке, наблюдая, как восходит солнце. И так было каждый его выходной, каждое свободное утро — пока Джон в середине июля не привёз из Айовы Лизу, и она осталась с нами на целый месяц.

О, с её прибытием преобразился не только счастливый отец, но и все, кто с ней знакомился. Мой друг по такому случаю взял отпуск на работе, чтобы каждый день проводить с дочкой, и они колесили по всему округу: зоопарки, аттракционы, парки развлечений — всё, куда только хотела его принцесса. И меня зачастую тоже прихватывали с собой.

Лиза мгновенно покорила сестёр Брукс своей лучезарностью и задором. Да и они из-за неё стали приходить чаще — поиграть то в бадминтон на лужайке, то в прятки, то в игры, которые Лиза придумывала на ходу и правила которых понимала только она сама. Гвен, при всей своей внешней строгости, таяла, когда Лиза забиралась к ней на колени и требо-

вала рассказать сказку. Они очень хорошо ладили. Но своё предпочтение Лиза отдавала, конечно, Сьюзи, потому что та приводила с собой Рокси, сердце которой покорила маленькая девочка. И эти отношения на все сто процентов были взаимны.

Стоило Лизе выйти из дома во двор к гостям, Рокси начала выделывать такие кульбиты, которых никто ещё не видел, даже её хозяйка. Она подпрыгивала, смешно перебирала лапами в воздухе и звонко лаяла, требуя внимания. Лиза визжала от восторга и бежала к ней с распростёртыми объятиями, а Рокси частенько сбивала девочку с ног, и они вместе катились по траве.

Их любимой игрой были прятки. Лиза пряталась за деревьями, а Рокси, виляя хвостом-пропеллером, делала вид, что ищет. Когда же находила, Лиза заходила таким смехом, что у всех, кто это слышал, начинали болеть щёки от улыбок. А потом наступала очередь Рокси прятаться. Она забавно замирала за кустами, будто нарочно выставив наружу свой мохнатый хвост, и делала вид, что её совершенно не видно. Лиза подкрадывалась, а Рокси в самый последний момент выпрыгивала, облизывала девочку с ног до головы, и игра начиналась заново.

Однажды я застал их за странным занятием: девочка сидела на траве и что-то серьёзно объясняла собаке, показывая пальцем на разложенные перед ними камешки. Та внимательно слушала, склонив голову набок, и иногда одобри-

тельно гавкала.

— Это наш секретный штаб, — пояснила Лиза, заметив мой взгляд. — Рокси — главный охранник. Она никого не пустит, правда?

Собака, услышав своё имя, гавкнула и гордо задрала морду, подтверждая свой высокий статус.

Рядом с Лизой даже самые обычные дни становились праздником.

— Тэйт! — неожиданно крикнула мама с лестницы, вырывая меня из воспоминаний. — Возьми в нашей с отцом комнате на полке фотоаппарат. Думаю, он пригодится.

Действительно, было бы неплохо сделать несколько кадров сегодняшнего вечера. Чтобы запечатлеть эти моменты не только в памяти, но и на плёнке. Джону будет приятно смотреть на их фотографии с дочерью перед тем, как он отвезёт её обратно в Айову.

Быстро сходяв за аппаратом, я вернулся в комнату и продолжил собирать вещи. Мысли снова унесли меня в прошлое — в тот уютный и тёплый вечер, который, пожалуй, стал одним из самых ярких за всё лето. В первый день, когда в наш городок вернулась Лиза.

Оказывается, то, что было сколочено из старых досок и никогда бы не поплыло - отлично горело. Джон вытащил несколько пледов, расстелил их на газоне перед домом, подалее от огня, и усадил наблюдавшую за этим с большими глазами Лизу около меня. А затем неожиданно разжёл своё

творение и принялся жарить картофель, сосиски и зефир. Я был ошарашен, а Лиза — в полном восторге.

— Папа, это самый большой костёр в мире! — восхищённо кричала Лиза, переводя восторженный взгляд на отца.

Соседи, которые вызвали полицию, её восхищения не разделяли. Но пока наши нерасторопные полицейские доехали, всё уже догорело. Они застали лишь сидящих в саже людей, доедающих сосиски с картошкой и улыбающихся так, будто ничего необычного не произошло. Пришлось объяснять, что мы просто жгли строительный мусор. Полицейские покачали головами и уехали.

В тот вечер радостный смех Лизы смолк только в два часа ночи. Девочка, уставшая с дороги и наевшаяся жареных сосисок, уснула прямо на улице на пледе, даже не добравшись до кровати. Джон отнёс её и уложил в кровать, а потом вышел ко мне на крыльцо.

Он присел рядом, и я наконец решился спросить.

— Как она? Вы хоть немного поговорили?

Джон по привычке достал сигарету, прикурил, сделал глубокую затяжку и только потом, выпуская дым в звёздное небо, заговорил:

— Я стоял внизу у её дома, и меня трясло, как малолетнего пацана. Честное слово, Тэйт, я думал, сердце выпрыгнет. А потом услышал, как несётся Лиза. Её топот было слышно на весь подъезд, — с улыбкой произнёс он. — Первое, что я подумал: «Боже, она так повзрослела за это время!» Она

подбежала, обняла меня, а я подхватил её на руки, а потом Джон замолчал, глядя куда-то в темноту, но я заметил, как заблестели его глаза.

— А потом, следом за ней, вышла Эби. И когда я увидел её — его голос дрогнул, он снова затянулся, давя эмоции, — я в ту же минуту всё ей простил. Понимаешь? Всё. Хотел опустить Лизу на землю, подойти, поцеловать её, прижать к себе и забрать оттуда, в наш дом.

— Но ты этого не сделал, — утвердительно тихо сказал я.

— Не сделал, — эхом отозвался он, снова делая затяжку. — Потому что она, скрестив руки на груди, остановилась в полуметре от меня и сказала: «Привет!» Представляешь? Просто холодное «привет», будто я ей не муж, а старый знакомый, с которым она здороваётся только ради приличия.

Он с силой затушил сигарету о перила и отбросил окурочек в темноту.

— Я смотрел на неё долго. Очень долго. Отметил, что она выглядит хорошо. Я бы даже сказал — слишком хорошо и спокойно для того, кто решил разрушить брак. И вдруг я понял — он провёл ладонью по голове, — ей хорошо и без меня. Она не нуждается во мне и отлично справляется сама.

Джон повернулся ко мне.

— И это меня так взбесило — что я стал таким ненужным. Меня просто бросили, как мусор, в этом городе и в этом доме. Я снова возненавидел её. За то, что ей хорошо. За то, что она не сделала ни шага навстречу мне. И себя заодно —

за то, что готов был всё забыть, всё простить, а она просто стояла и смотрела.

— А ты? Что ты сделал? — спросил я с нетерпением, хотя уже знал ответ.

— Я? — горько усмехнулся он. — Как в тумане посадил Лизу в детское кресло, трясущимися руками пристегнул её, дождался, пока Эби с ней попрощается, и всё. Мне она ничего не сказала, поэтому я просто уехал.

— Ты снова слишком эмоционально отреагировал, — тихо, вздыхая, сказал я, глядя на него. — Слишком остро.

Джон горько усмехнулся.

— Да, я не справился с эмоциями, — ответил он, проводя рукой по лицу. — Чёрт, Тэйт, когда я её увидел, у меня просто снесло крышу. Я иначе представлял нашу встречу. Совсем иначе.

— Как же?

Он задумался, глядя куда-то в темноту.

— Думал, она обрадуется. Думал, что мы обнимемся, поговорим, она расскажет, как скучала. Что хотя бы попытается — он замолчал, сглатывая ком в горле. — А она просто стояла отстраненно, будто я сосед, который зашёл за солью.

Я положил руку ему на плечо.

— Ты хотел слишком многого за одну встречу. Она тоже могла растеряться или испугаться. Ты же не знаешь, что она чувствовала.

— Ты думаешь, я не понимаю? — Джон резко повернулся.

— Этим я всё понимаю, — он указал пальцем на голову в области виска. — Но сердцу плевать на логику, оно просто болит. Так что да, я снова наломал дров. Снова уехал, ничего не сказав.

Я подумал, как жаль, что эмоции и чувства зачастую сильнее людей. Мне ли об этом не знать, так что нельзя за это винить Джона. У него импульсивный, взрывной характер, но очень любящее сердце.

— Когда будешь отвозить Лизу обратно — сказал я твёрдо. — У тебя будет ещё один шанс.

Джон посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. В свете луны его лицо казалось высеченным из камня, но глаза выдавали всё: надежду, боль и сомнения.

— Она захочет меня слушать после всего?

— Не знаю, — честно ответил я, встречая его взгляд. — Но если не попробуешь — не узнаешь.

Друг обречённо кивнул, снова полез в карман и достал пачку сигарет. Пальцы его слегка подрагивали. Этот разговор был слишком тяжёлым для него, поэтому я решил сменить тему.

— А как тебе в целом Айова и город в котором они живут? Как он называется, кстати? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал как можно непринуждённое.

Джон резко повернулся ко мне. В его глазах мелькнуло понимание, и он скривил губы в недовольной ухмылке — той самой, которая означала, что меня раскусили.

— Брось, Тэйт. Я уверен, что их город — это последнее, что тебя действительно интересует.

И это было правдой. С момента, когда он приехал, я только и думал: говорила ли она обо мне? Спрашивала ли хоть раз? Вспоминала ли? Или она так легко всё забыла?

Моё молчание было красноречивее любых слов.

— Уверен, ты хочешь спросить об Алексее, но я её близко не видел. Только в зеркале заднего вида, когда уже уезжал. Она вышла из подъезда, обняла Эби, и они ушли домой. Всё.

Эти слова упали тяжёлым камнем куда-то в район желудка. Я принялся тереть нитку на рукаве, чувствуя, как внутри что-то снова начинает болеть. То, что за лето почти затянулось свежей коркой, теперь снова саднило.

— Тэйт! И плед в шкафу возьми, он небольшой, но шерстяной и тёплый! — громкий голос снова вырвал меня из прошлого.

Я открыл верхнюю дверцу шкафа и вытащил его, а затем открыл другую дверцу. Там всё так же, на одной из полок, продолжала лежать Библия. Я положил к ней ноутбук, аккуратно свернув провод зарядки.

После всего случившегося, когда отец принял мою позицию, он больше не настаивал на том, чтобы я посещал церковь. Только один раз я был там — девятнадцатого июня, на празднике Corpus Christi, когда отец попросил помощи. В тот день в церкви собралось больше людей, чем обычно, и ему нужны были свободные руки. Я помогал расставлять

свечи, раздавал листки с песнопениями, читал молитвы вместе с ним. И именно в этот день Сьюзи, сидящая на третьем ряду, узнала, что я сын пастора. И даже познакомилась с моими родителями.

— Так вот к чему был этот вопрос о вере, — с улыбкой сказала она, подходя ко мне после службы. Сразу за ней, из-за её спины, появилась Гвен — как всегда элегантная, в своём стиле, но сегодня чуть более сдержанная, под стать обстановке.

Я хотел ответить, но в этот момент из алтарной части вышел отец. Увидев меня в компании двух незнакомых девушек, он направился к нам с той спокойной, располагающей улыбкой, которая у него была только для прихожан.

— Отец, — сказал я, чувствуя лёгкую неловкость, — это наши новые соседи. Сьюзи и Гвен Брукс. Они переехали пару месяцев назад.

— Очень приятно, — он протянул руку сначала Сьюзи, потом Гвен. — Рад, что нашёлся кто-то, кто составляет компанию моему сыну. А то он у нас слишком замкнутый.

— Отец! — возмутился я, но Сьюзи тихо рассмеялась.

— Он совсем не замкнутый, — сказала она мягко. — Просто избирательный.

Отец посмотрел на меня с каким-то новым, оценивающим выражением. Кажется, этот ответ ему пришёлся по душе.

— Что ж, — сказал он, — тогда милости просим в наш дом. Заходите на чай, когда будет время.

— Обязательно, — кивнула Гвен, а Сьюзи снова тепло мне улыбнулась.

С того дня всё изменилось. Теперь, когда она знала обо мне то, о чём я предпочитал не рассказывать, наше общение стало значительно ближе. Мы ненавязчиво говорили о вере, делясь тем, что у каждого было внутри. И неожиданно она стала единственным человеком, который очень медленно, но с моего позволения, входил в душу.

В нашу очередную совместную вечернюю прогулку Сьюзи рассказывала мне о своей мечте.

— Если бы я умела водить машину, я бы не сидела на месте. Всегда была бы в движении — делилась она, глядя куда-то вдаль, где небо уже начинало темнеть. — Я хочу просто сесть за руль и поехать туда, где нет городских огней, где небо по-настоящему чёрное, а звёзды видно так, будто до них можно дотянуться рукой. Чтобы вокруг ни души, только я, машина и миллионы звёзд над головой. Как тебе идея?

Я всегда старался слушать её, но иногда просто не слышал. Голова часто была словно в другом месте.

— Тэйт! — шлёпнула она меня по руке и обиженно надула губы, заметив, как я снова отвлёкся от разговора. — Я тут с тобой вообще-то мечтами делюсь, а ты снова витаешь в облаках.

— Прости, — виновато улыбнулся я. — Я слышал. Звучит потрясающе. Знаешь, я мог бы научить тебя водить, если хочешь.

Сьюзи с грустной улыбкой покачала головой.

— Нет. После того, что случилось с родителями, Гвен не разрешает мне садиться за руль. Говорит, что не переживёт, если со мной тоже что-то случится.

Я понимающе кивнул. Тема родителей была для них обеих болезненной.

Мы прошли ещё немного в тишине, прежде чем Сьюзи вдруг остановилась и повернулась ко мне.

— Тэйт, с того дня, как я видела тебя в церкви, прошло больше месяца. Я ходила туда ещё несколько раз, но тебя больше там не встречала.

— Я сейчас не посещаю церковь, — ответил я коротко, наблюдая за бегущей за своим же хвостом Рокси.

— Почему? — ожидаемо поинтересовалась она.

Хоть мы и сближались, но все же некоторые темы я старательно обходил, держа внутри то, что принадлежало только мне. Это совсем не предназначалось для других.

— На это есть причина, — только и ответил, продолжая идти вперед. Сьюзи поняла, что я не хочу об этом говорить, поэтому мы больше не возвращались к этому вопросу — ни в тот вечер, ни после. Наше общение не ухудшилось, не появилось ни неловкости, ни напряжения. Мы просто продолжали наслаждаться нашими прогулками, разговорами и обществом друг друга. А ещё, конечно же, — обществом Джона и Гвен.

— Тэйт! К тебе пришли! — донеслось снизу.

Я улыбнулся, возвращая Библию на полку. Закрыл дверцу шкафа, подхватил рюкзак, который едва не лопался по швам от маминых заботливо упакованных припасов, и направился вниз.

Сегодня был особенный и последний день Лизы с нами перед тем, как Джон повезёт её обратно в Айову. И он решил сделать его незабываемым — не только для дочки, но и для всех нас.

Спустившись, под улыбочивые взгляды родителей я открыл дверь.

На крыльце стоял Джон с Лизой, которая сидела у него на шее, а слева от него стояла Сьюзи с таким же огромным, как у меня, рюкзаком и с Рокси на поводке.

— Ну что, готов? — спросил Джон, сияя. Я закрыл за собой дверь, попрощавшись с родителями, и утвердительно кивнул. — Выдвигаемся, народ!

— Папочка! — закричала Лиза и молнией, отлипая от окна, понеслась в коридор. — Папочка приехал!

Эби подскочила с места, её глаза заметались между мной и дверью. Она ужасно нервничала, но времени на подумать не было, так как Лиза, дотянувшись своей ручкой до ключа, уже открывала дверь, чтобы наконец встретиться с тем, по кому она грустила каждый день.

— Боже, Лекс — выдохнула Эбигейл, накидывая кардиган и хватая маленький красный рюкзак Лизы и дорожную

сумку с вещами. — Что мне ему сказать? Что делать? Как себя вести?

Она причитала, одновременно пытаясь попасть ногой в босоножку и не уронить сумки.

— Эби, — я положила руки ей на плечи, заставляя остановиться и посмотреть на меня. — Отдышись. Всё хорошо. Он твой муж. И вам нужно начать этот разговор.

Она замерла на секунду, глядя на меня полными паники глазами.

— Я не знаю, что говорить, Лекс. Мы столько месяцев не виделись. Я даже не знаю, злится ли он на меня до сих пор или уже нет.

— Сейчас откроешь дверь, увидишь его и всё поймёшь, — перебила я мягко. — Просто дыши.

Из коридора доносился счастливый визг Лизы и топот ножек вниз по лестнице. Эби судорожно выдохнула, поправила волосы и вышла из квартиры. Я закрыла за ней дверь, прислушиваясь к удаляющимся шагам и счастливому смеху Лизы, который эхом разносился по лестничной клетке. А потом вернулась в комнату и остановилась у письменного стола.

От того, что Джон здесь, сердце колотилось так, будто это не он приехал, а тот, кого я не видела полгода и о ком думала каждую ночь.

Мы с Эби договорились, что перед тем, как Джон увезёт Лизу, я кое-что ему передам. На столе лежал небольшой сложенный конверт. Обычный белый прямоугольник, без под-

писи, без пометок. А внутри — несколько листов, исписанных моим нервным почерком. Я аккуратно взяла его в руки и покрутила.

Может быть, это было глупо, но я хотела написать ему, спросить, как у него дела и всё ли хорошо. Эби не поддерживала мою затею с письмом, напоминая, что этим я только причину Тэйту боль, но видеть мои мучения и переживания она тоже больше не могла.

— Напиши, — сказала она мне неделю назад, устало глядя на мои опухшие от слёз глаза. — Напиши всё, что хочешь. А потом решишь, отдавать или нет. Но хотя бы выплесни это куда-то, потому что смотреть на тебя уже невозможно.

И я писала. Три ночи подряд. Перечитывала, переписывала, рвала и снова начинала, но всё-таки написала письмо, в котором было всё: и боль, и сожаление, и признание в том, что я до сих пор не знаю, правильно ли поступила.

И теперь оставалось только дожждаться момента, когда Эби подаст мне знак с улицы.

Нервно теребя конверт в руках, я стояла у окна и наблюдала всё с четвёртого этажа. Машина стояла прямо у подъезда, Лиза уже сидела внутри, пристёгнутая в детском кресле, а Джон и Эби стояли снаружи друг напротив друга.

Я не слышала слов, только видела их, разделённые каким-то невидимым барьером, фигуры. Подруга стояла, скрестив руки на груди, кутаясь в свой кардиган, а Джон — напротив, засунув руки в карманы. Ни объятий, ни поцелуев.

Ничего.

Каждый из них снова стоял на своём. У каждого была своя причина держать оборону. Но я знала, что на самом деле происходило в душе у Эби. Она так долго ждала этого момента. Не для того, чтобы доказать свою правоту. Не для того, чтобы победить в этой дурацкой войне самолюбий. Она ждала, что Джон приедет и наконец поймёт, почему ей пришлось уехать, и что дело было не в том, чтобы забрать у него дочь, а в том, чтобы дать Лизе шанс на будущее, которого в их маленьком городке просто не существовало.

Сколько раз она мне говорила: «Лекс, я не хочу развода. Я хочу, чтобы у Лизы была семья. Но не такой ценой, когда один из нас вечно несчастен».

Я видела, как она месяцами прокручивала в голове сценарии их встречи. Как он врывается в дверь, обнимает её, шепчет, что любит. Как они садятся и спокойно, по-взрослому обсуждают будущее. Но вместо этого сейчас он стоял напротив с каменным лицом и руками в карманах, а она отвечала ему тем же.

— Господи, — прошептала я, прижимаясь лбом к холодному стеклу. — Ну почему вы оба такие упрямые? Просто поговорите

Спустя минуту неожиданно Джон развернулся и сел за руль.

Я резко отлипла от окна, чувствуя, как сердце проваливается куда-то вниз. Эби сделала несколько шагов вперёд, на-

клонилась к открытому окну на заднем сидении и поцеловала на прощание Лизу. Девочка в ответ обняла маму за шею, обвив её ручками, и после этого машина тронулась. Джон уехал.

Шокированная, я быстро выбежала из квартиры, на ходу засовывая ноги в кеды, а нервно смятый конверт остался лежать у окна на полу.

Глава 10

Штат Мэриленд всегда славился живописными уголками для пеших прогулок и отдыха на природе. От побережья Чесапикского залива до гор на западе — здесь каждый находил своё идеальное место, чтобы надеть походные ботинки, накинуть рюкзак и отправиться исследовать леса и горные тропы. Но Гарретт-Каунти, самый изолированный округ штата, предлагал нечто особенное — почти сорок миль разнообразных троп, от лёгких мощёных дорожек до маршрутов для бэккантри-приключений.

В детстве, когда родители были моложе, они несколько раз водили меня скорее на пикники, чем на настоящие походы. Отец обычно сидел в стороне с книгой, иногда читал вслух отрывки из псалмов, а мама водила меня за руку, показывая цветы, деревья, кустарники и рассказывая о них.

Я слушал, заворожённо глядя на мир, который вдруг оказывался таким сложным и прекрасным. Именно тогда меня увлекла ботаника. Я запоминал названия, искал их в книгах, а позже изучал флору не только нашего округа, но и других земель.

Особенно сильно моя любовь к растениям расцвела, когда отец стал пастором и получил паству при церкви, в которой был небольшой сад. Долгие годы почти никто его не поддерживал: цветы росли кое-как, кусты дичали, а клумбы зарас-

тали сорняками. Но после уроков, не имея друзей и иных увлечений, я приходил туда и проводил в саду всё своё свободное время. Мама, заметив моё увлечение, начала брать у соседей семена и отростки, иногда покупала что-то новое на рынке. Я любил высаживать их, ухаживать за ними и наблюдать, как из маленького ростка появляется бутон.

Это занятие нравилось мне больше всего. В тишине, среди зелени и цветов, я чувствовал себя нужным этим маленьким жизням, которые зависели от моей заботы.

Так, шаг за шагом, я возродил огромный сад. К моему школьному выпускному там уже цвели розы, пионы, лаванда и множество других цветов, которые я сажал своими руками. Прихожане удивлялись преобразению сада, отец гордился, а мама просто улыбалась, глядя, как я продолжаю копать в земле.

Даже сейчас, проходя по лесным тропам, я по привычке выискивал глазами знакомые растения. Лес жил своей жизнью, и я чувствовал это каждой своей клеточкой.

Для прощального похода с Лизой Джон выбрал маршрут в Swallow Falls State Park. Парк славился самым высоким свободно падающим водопадом Muddy Creek Falls в Мэриленде, высотой пятьдесят три фута, а также уникальным лесом из вековых тсуг, некоторым из которых было больше трёхсот лет.

Тропа Canyon Loop протяжённостью около полутора миль петляла через густой лес, где папоротники и мох устилали

землю, а воздух был напоён прохладой и свежестью. Джон выбрал именно это место не случайно. Он хотел, чтобы Лиза впервые увидела настоящий водопад.

— Кажется, даже для неё это слишком, — усмехнулся я, шагая рядом со Сьюзи и кивая на Рокси.

Собака плелась рядом с нами, высунув на всю длину язык. Её лапы уже не бодро скакали, а скорее переставлялись с тяжеловесной обречённостью. Пару раз она даже попыталась лечь прямо посреди тропы, но Сьюзи легонько тянула поводок, уговаривая:

— Ещё чуть-чуть, девочка. Там вода, прохлада, ты же любишь воду.

Рокси жалобно вздохнула, но послушно поплелась дальше.

— Пришлось взять её с собой, — пояснила Сьюзи. — Гвен уехала в Балтимор в офис, да она бы и не осталась с ней на целые сутки наедине.

— Не любит собак? — уточнил я, глядя на Рокси, которая снова попыталась прилечь прямо на тропе.

— Не любит моих необдуманных решений, — загадочно ответила Сьюзи, ласково потрепав собаку по голове, заставляя подняться. — Я нашла её два года назад. Каталась на велосипеде за городом и увидела коробку на обочине. А в ней — крошечный рыжий комоч, который даже пищать толком не умел. Кто-то просто выбросил её, как мусор. Я, конечно, не могла проехать мимо. Сунула эту коробку в велосипедную

корзину и поехала обратно. Она всю дорогу молчала, только дрожала. А когда я приехала домой и показала Гвен, та чуть не поседела.

— Представляю, — усмехнулся я.

— О, нет, не представляешь, — закатила глаза Сьюзи. — Гвен тогда работала над важным отчётом, готовилась к сдаче баланса за квартал. И Рокси, которая тогда была размером с мою ладонь, каким-то образом умудрилась забраться на её стол и погрызть профессиональный калькулятор с программируемыми функциями.

Я не сдержал смеха, представив маленького щенка, грызущего дорогую технику.

— И что дальше?

— Гвен кричала так, что, наверное, в соседних домах стёкла дрожали. Клялась, что вышвырнет и меня, и Рокси на улицу в тот же вечер. А через час я зашла к ней в комнату и увидела, как она спит в обнимку с этим рыжим комком на диване, укрыв его своим пледом.

— То есть всё закончилось хорошо? — улыбнулся я.

— Для Рокси — да. Для калькулятора — нет. Гвен до сих пор вспоминает эту историю, когда хочет меня в чём-то упрекнуть. Но на самом деле она любит Рокси. Просто не показывает этого.

Собака, услышав своё имя, с надеждой на остановку взглянула на хозяйку. Я не мог не сжалиться над ней.

— Джон, долго нам ещё идти? — крикнул я, чтобы друг,

идуший впереди и несущий Лизу на плечах, повернулся.

— Что, уже сдулся, пастор?

Сьюзи засмеялась. Её всегда веселило, когда Джон меня так называл.

— Собака вообще-то уже в шоке от твоего маршрута! — крикнул я в ответ, указывая на Рокси, которая всё-таки легла на землю.

— Если бы вы не болтали всю дорогу, — Джон выразительно перевёл взгляд с меня на Сьюзи и обратно, отчего я почему-то почувствовал, как щёки заливаются жаром, — то уже услышали бы звук водопада.

В тишине, которую нарушали лишь наши голоса, где-то совсем близко шумела и билась о камни вода. Мы со Сьюзи переглянулись и одновременно улыбнулись.

— Мы уже близко, — довольно произнёс Джон, поправляя Лизу на плечах. — Ещё пара минут, и вы увидите нечто потрясающее.

Лиза захлопала в ладоши, Рокси, словно поняв, что скоро привал, нашла в себе силы встать и даже ускориться. Мы со Сьюзи тоже прибавили ходу.

Когда же мы наконец дошли, я не мог не признать, что Джон оказался прав — вид был и правда потрясающим.

Водопад обрушивался с пятидесятифутовой высоты мощным, неудержимым потоком. Тысячи тонн воды с грохотом разбивались о камни внизу, взметая в воздух мириады брызг, в которых тут же зажигались маленькие радуги. Они перели-

вались, дрожали и исчезали, чтобы появиться снова — хрупкие, разноцветные, почти нереальные.

Скалистые берега водопада поросли изумрудным мхом, а у подножия, в естественных чашах, вода успокаивалась. Туда, наверное, можно было бы зайти в жаркий день, если бы не одно «но»: даже в августе горные реки Мэриленда хранили зимний холод.

— Па-а-ап! — выдохнула Лиза с восторгом. — Это как в кино! Можно мы тут останемся жить?

Все рассмеялись. Сюзи подошла ко мне чуть ближе, и я почувствовал лёгкий аромат её духов, смешанный с запахом леса и свежести.

— Это и правда как в кино, — тихо сказала она, не отрывая взгляда от падающей воды.

Джон тем временем опустил Лизу на землю и подошёл к нам, довольно потирая руки.

— Так, народ, — объявил он. — Чуть выше по тропе есть место для костра и отличный вид. Так что, ещё налюбujemy, двигаем дальше, нужно разбить лагерь.

Лиза согласно закивала, но её внимание уже переключилось на Рокси, которая, забыв про свою недавнюю усталость, со всех лап рванула к воде и с разбегу влетела в мелководье у берега. Собака принялась жадно лакать ледяную воду, которая, судя по её реакции, нисколько её не смущала.

— Рокси, ты с ума сошла! — спохватилась Сюзи, побежав к собаке. — Простудишься же! — за ней, смеясь и весе-

лась, побежала Лиза.

— Тэйт, — окликнул меня Джон. — Пойдём, поможешь установить палатки.

Я подхватил рюкзак Сьюзи, и мы двинулись по едва заметной тропинке, уходящей от основной. Минут через пять лес расступился, и мы вышли на небольшую поляну.

Место было идеальным: ровная площадка для палаток, чуть поодаль сложенное из камней старое кострище, а в нескольких метрах начинался пологий спуск к реке. Вековые деревья окружали поляну плотным кольцом, создавая ощущение уюта и защищённости.

— Ну как? — с гордостью спросил Джон, обводя рукой окрестности.

— Прекрасное место, — честно ответил я. — Ты прямо эксперт по кемпингу. Бывал здесь уже?

— А то, — усмехнулся он, скидывая рюкзак. — Здесь вообще-то я получил новую роль.

Я уставился на него непонимающе, а Джон улыбнулся той самой, чуть застенчивой улыбкой, которую я видел у него только когда речь заходила об Эби.

— Здесь я сделал ей предложение, — начал он, расстёгивая молнию на сумке со сложенной палаткой. — Это было летом, в июне. Мы тогда гуляли всю ночь, дурачились и нечаянно забрели сюда. Я знал, что где-то в этом районе есть водопад, но никогда здесь не бывал. Было так жарко, что мы, недолго думая, решили искупаться.

Он замолчал на секунду, а после снова с ностальгией погружился в их воспоминания.

— Эби сказала, что это было очень романтично. Тогда она не знала, что я каждый день на протяжении недели носил с собой кольцо, когда мы гуляли. Всё ждал подходящего момента, хотел сделать предложение прежде чем мы уедем на учёбу. И тут как раз кстати представился случай.

Джон отложил палатку, сел на траву и продолжил, глядя куда-то сквозь деревья.

— Идеально подходящий момент. Мы стояли в воде, в обнимку, смотрели на водопад. Я достал кольцо из кармана шорт и, нервничая, сказал: «Выходи за меня». — Он усмехнулся, покачал головой. — Она тогда так долго плакала. Я думал, откажет, а она просто от счастья ревела. Представляешь?

Я присел рядом, с предвкушением ожидая продолжения.

— А через неделю ревел уже я, — с ностальгией посмотрел Джон в сторону водопада. — Узнав, что у нас будет ребёнок.

После этого друг достал пачку сигарет, но зажигалку не спешил доставать — просто крутил её в пальцах, глядя на камень у края поляны.

— Знаешь, Тэйт, — сказал он тихо, — я привёз сюда Лизу не только для того, чтобы она увидела это место, но и чтобы самому вспомнить, за что борюсь. За что мне нужно бороться.

Он посмотрел на меня, и в его глазах была решимость.

— Я её верну. Я не знаю, как, но верну.

Не успев ничего ответить, я услышал, как из леса, напевая какую-то детскую песенку, выбежала Лиза. За ней, с охапкой хвороста, показалась улыбающаяся Сьюзи. Так и не закурив, Джон убрал пачку в карман и поднялся, отряхивая шорты.

— Пап, давай разводить костёр! — закричала Лиза, подбегая к отцу. — Я кушать хочу!

— Сейчас, солнышко, — ответил он, подхватывая дочку на руки и кружа её. — Сейчас будем разводить настоящий дикий огонь!

Совместными усилиями, спустя пару часов, палатки были поставлены, костёр разведен, а над ним висел маленький походный котелок с картошкой и тушёнкой. Лиза нанизала на прутик сосиску, и с деловитым видом, сидя на пеньке, вертела её из стороны в сторону, обжаривая. Рокси тем временем устроилась у её ног, не сводя глаз с еды и периодически облизываясь с очень громким звуком.

— Чуть не забыл, — спохватился я, дотягиваясь до стоящего рядом моего рюкзака. — Джон, держи себя в руках.

Он удивлённо выгнул бровь, но когда я достал пакет с пирожками, которые мама специально испекла для него, глаза друга чуть не вылезли из орбит.

— Пирожки?! — Джон подскочил так резко, что чуть не опрокинул котелок. — И ты молчал?!

Я рассмеялся, наблюдая за этой реакцией. Однажды, ко-

гда Джон зашёл ко мне после работы, он был голоден так, что съел всю тарелку с пирожками за пять минут. Для мамы это оказался лучший комплимент в жизни — теперь она пекла их чаще и всегда вдвое больше, когда знала, что Джон зайдёт в гости.

— Марта — святая женщина! — выпалил друг, уже развязывая пакет с видом человека, нашедшего сокровище.

— Спасибо, Джон, — ответил я, прокашлявшись и наблюдая, как трепетно он раздаёт всем по пирожку.

Рокси от такого зрелища была на грани нервного срыва. Собака переводила взгляд с одного жующего человека на другого, и в её морде читалась такая безысходность, будто у неё отобрали последнюю надежду на счастье. Она жалобно скулила, подёргивала носом, а когда Лиза нечаянно уронила крошку, Рокси молниеносно её слизала, даже не дав крошке коснуться земли.

— Рокси! — строго сказала Сюзи. — Нельзя!

Собака виновато опустила голову, но глаз не отвела — продолжала смотреть на пирожки с такой тоской, что даже мне стало её жаль.

— Может, дадим ей кусочек? — предложил я.

— Нельзя, — вздохнула Сюзи. — У неё специальный корм, от человеческой еды может живот заболеть. Но она, конечно, считает иначе.

— Я бы тоже считал иначе, если бы меня кормили только сухими шариками, а вокруг ели пирожки, — философски

заметил Джон, протягивая Рокси кусочек украдкой от Сьюзи.

— Эй! Я всё видела! — строго возмутилась девушка.

— Не понимаю, о чём ты, — с самым невинным видом ответил Джон, и Рокси, и Рокси, довольно чавкая, ретировалась в сторону.

— Кажется, картошка уже готова. Сейчас принесу посуду, — всё ещё не сводя глаз с Джона, поднялась с места Сьюзи и направилась к палатке за своим рюкзаком.

— Кстати, — обратился ко мне друг, жуя пирожок. — Разобрался с работой? Нашёл что-то подходящее?

— Да. В августе был набор в несколько фирм, я подал заявки. В двух местах мою кандидатуру одобрили.

Я отложил пирожок и потянулся за телефоном.

— Ого, — присвистнул Джон. — И что выбрал?

— Небольшую консалтинговую компанию в Камберленде, — ответил я, показывая ему фотографию здания в телефоне. — Они занимаются коммуникациями и связями с общественностью для местных бизнесов. Работать буду удалённо, но сначала нужно приехать к ним в офис на мини-стажировку, пройти обучение, обговорить детали.

Сьюзи, раскладывая по тарелкам картошку, заглянула в экран.

— Ого, выглядит солидно, — произнесла она с искренним интересом. — А чем именно ты будешь заниматься? Если не секрет.

— Да не секрет, — пожал я плечами, но внутри стало приятно от её внимания. — В основном помогать местным компаниям выстраивать коммуникации, работать с репутацией, писать пресс-релизы, заниматься соцсетями. Если клиент крупный — участвовать в антикризисных стратегиях. Ну и по мелочи: аналитика, отчёты, взаимодействие со СМИ.

— Антикризисные стратегии, — повторила Сьюзи с уважением. — Звучит очень серьёзно.

— На деле просто умение говорить людям правду так, чтобы они не паниковали, — усмехнулся я. — Но да, звучит красиво.

— Ты справишься, — уверенно сказала Сьюзи, протягивая мне тарелку с едой. — Главное, чтобы тебе не попадались такие же клиенты, как в нашу первую встречу.

И будто никогда не было той неловкой ночи с моим разбитым лицом и её испуганными глазами, она легко и игриво подмигнула мне. От того, как ловко она обернула ту историю в шутку, уголки моих губ поползли вверх сами собой.

Слава богу, в этот момент Джон дул на горячую ложку с картошкой для Лизы и не заметил этого момента. Иначе пришлось бы выслушивать его шутки и намёки ещё ни один день.

Я отвёл взгляд, уткнулся в свою тарелку, но улыбка всё никак не хотела сходить с лица. Это был прекрасный день. Прекрасный вечер. И самые лучшие люди, собравшиеся в одном месте. Лиза, пригревшаяся у отца на коленях, уже клевала

носом. Джон, несмотря на усталость, продолжал что-то активно рассказывать, а Рокси, наевшаяся и довольная, дрыхла у ног Сьюзи, изредка подёргивая лапами.

Я смотрел на них и думал о том, как много люди пропускают в погоне за миражами и как редко замечают простое счастье прямо перед собой.

Сколько раз я наблюдал за прихожанами, которые приходили к отцу со своими проблемами. Работа не та, зарплата мала, соседи завидуют, муж не понимает, дети не слушаются. Временами их жалобы были такими мелочными, такими глупыми, что мне было трудно понять: неужели это действительно то, что мешает человеку быть счастливым?

Всем всегда чего-то не хватает. Люди хотели и хотят большего, бесконечно гонясь за миражами. А оказывается, можно быть счастливым просто среди друзей, сидя на поляне и поедая еду из пластиковой посуды.

— Пойду прогуляюсь до водопада, — доев, поднялась с места Сьюзи и направилась в сторону тропинки, ведущей вниз.

Я проводил её взглядом. Огонь костра освещал её фигуру лишь первые несколько шагов, а потом она растворилась в ночи, лишь шорох травы ещё какое-то время доносился с тропы.

— Тэйт, — позвал Джон негромко. Я повернулся к нему. — Ты бы не отпускал её одну. В темноте на крутом спуске опасно.

Я глянул в сторону, где девушка уже скрылась, и опустил голову, задумавшись. Мысль металась между «она взрослая, сама справится» и «а вдруг с ней что-нибудь случится?». Но было в этом что-то ещё — какой-то странный барьер, который не позволял мне пойти за ней.

Джон, видимо, заметил мои колебания:

— Иди, — сказал он без намёка, но с настойчивой интонацией, и я, не говоря ни слова, поднялся и пошел за ней следом.

Когда я спускался, Сьюзи уже была внизу и усаживалась неподалеку от водопада на какое-то упавшее дерево. Я молча подошёл и сел рядом. Она даже не вздрогнула и не повернулась ко мне — будто знала, что я приду. Так мы сидели в тишине, слушали гул воды, который мощным потоком обрушивался вниз, и даже отсюда, с расстояния, чувствовали прохладу.

В какой-то момент я заметил, как кожа на женской руке, прикрытая лишь футболкой, покрывается мурашками, а сама она плечом инстинктивно прижимается ко мне. С волнением я расстегнул замок на своей кофте и аккуратно накинул её на хрупкие плечи, сам при этом немного отодвигаясь от неё.

— Спасибо, — произнесла Сьюзи едва слышно. Я лишь кивнул, и мы продолжили сидеть в тишине.

Гул водопада заполнял пространство, окутывая спокойствием, но в голове у меня был хаос. Здесь было слишком

тихо и темно. Я вдруг остро осознал, насколько неловко-романтической стала эта сцена, но Сьюзи, кажется, этого не заметила.

Она смотрела на воду, укутанная в мою кофту, и молчала. А я смотрел на неё краем глаза и думал о том, как же не вовремя вся эта атмосфера. Как было бы хорошо, если бы сейчас рядом сидел Джон и травил свои бесконечные байки. Или Лиза задавала бесконечные вопросы. Тогда всё было бы не так интимно, а так

— Знаешь, — вдруг тихо сказала Сьюзи, поднимая глаза к небу, — одна из причин, почему я так хотела переехать в тихое, отдалённое место — это звёзды.

Я проследил за её взглядом.

— В Балтиморе их почти не видно, — продолжила она. — Слишком много света, слишком много шума. А здесь здесь они совсем другие. Ярче. Ближе. Кажется, что можно протянуть руку и дотронуться.

Она говорила это с такой теплотой, что я на секунду забыл о своём дискомфорте.

— Да, — ответил я, тоже глядя в небо. — Здесь они особенные.

Сьюзи помолчала, а потом уже громче заговорила:

— Я где-то прочла одну очень странную теорию. Будто у каждого человека есть своя звезда. Когда ты счастлив, когда любишь и любим — она горит ярко и мерцает, будто светится от переполняющих тебя чувств. А когда любовь оказыва-

ется безответной, звезда начинает тускнеть и сгорать.

Она перевела взгляд с неба на меня.

— По этой теории, падающие звёзды — это те, кто сгорел от неразделённой любви или потерял её. Романтично и грустно одновременно, не правда ли?

Я смотрел на неё, на звёзды, отражающиеся в её глазах, и почему-то в груди кольнуло.

— Ты веришь в это? — спросил я тихо.

— Иногда хочется верить, — мечтательно произнесла она.

— Что все эти огоньки над нами — не просто раскалённый газ, а чьи-то чувства, надежды и сердца, которые продолжают светить, даже когда их обладатели давно потеряли надежду.

Она снова подняла глаза к небу.

— Смотри, вон та мерцает особенно ярко, — пальцем указала Сьюзи. Наверное, кто-то очень счастлив сегодня.

Я проследил за её взглядом. Звезда и вправду переливалась, пульсировала светом, заметно выделяясь на фоне других.

— Да, — с грустью согласился я. Кого-то сильно любят

— А твоя звезда когда-нибудь светила так ярко?

За красивой метафорой прятался прямой вопрос, на который я не хотел отвечать.

Светила. Ещё как светила.

Я вспомнил те дни, когда внутри всё пело. Когда мир вокруг становился ярче, громче, значительнее только потому,

что она существовала в нём где-то рядом. Когда каждый её взгляд отзывался во мне такой вспышкой, что, наверное, со стороны было видно. Моя звезда горела так, что, казалось, могла осветить весь этот маленький городок.

Задумавшись на несколько минут, я забыл, где нахожусь. Сьюзи больше не ждала ответа, она, кажется, и так всё поняла. Девушка встала и, поправив на плечах мою кофту, тихо сказала:

— Пора возвращаться, — задумчиво и тихо произнесла она и пошла в сторону тропинки, не оглядываясь.

Я остался сидеть, глядя ей вслед, пока её силуэт не начал растворяться в темноте. И в тот самый момент, когда тропинка окончательно скрыла её, рядом, на том же самом месте, где только что сидела Сьюзи, появился призрачный, но от этого не менее чёткий образ. Рядом сидела Алекса, застенчиво поправляя мою кофту и прижимаясь ко мне плечом.

Я не мог отвести взгляд.

Будь она реальна, будь это всё по-настоящему, здесь, у этого водопада, под этим звёздным небом — это было бы так романтично. Сидеть с ней, смотреть на воду и чувствовать тепло её плеча, но уже настоящее. И все это могло быть с нами. Могло же

Что же ты наделала, Алекса?

Словно прочитав мои мысли или увидев сожаление в моих глазах, призрачный образ девушки опустил свою голову мне на плечо так нежно и естественно, будто мы и не расста-

вались. Так, как бывает только у влюблённых, которые чувствуют друг друга без слов.

Теперь наблюдение за звёздами стало другим. Каждая секунда растягивалась в вечность, каждый вздох отдавался в груди тупой, сладкой болью. А звёзды над нами мерцали все разом в такт моему сердцу, разрываясь на миллионы осколков света.

Это было неправильно. Это было больно. Но я не хотел, чтобы это заканчивалось.

Я повернул голову, чтобы посмотреть на неё, и в этот момент где-то в лесу раздался короткий, испуганный вскрик.

— Сьюзи?!

Глава 11

Не разбирая дороги, я рванул в темноту, спотыкаясь о корни и камни, и думая лишь об одном: какой же я идиот! Вместо того, чтобы проводить Сьюзи до палатки, я снова предавался мечтам. Да еще и с кем? С призраком! Такими темпами можно в скором времени уехать в специализированное учреждение. Как бы сладок ни был образ, мне нужно жить в реальности и не забывать о живых людях! Я должен противостоять этим видениям! Ну или хотя бы попытаться.

Благо, Сьюзи ушла недалеко, но и эти несколько метров в темноте оказались для неё опасными. Девушка сидела на земле, подобрав под себя одну ногу, и растирала стопу рукой.

— Что случилось? Нога? Сильно болит? — выпалил я, оказавшись в миг возле неё.

— Нужно было на дорогу смотреть, а не в телефон, — попыталась отшутиться она, но, увидев мои встревоженные глаза, сразу посерьёзнела. — Кажется, я подвернула ногу. Но ничего страшного, это пройдёт. В детстве я часто

— Это моя вина, — перебил я её твёрдо.

Сейчас я ненавижу себя за то, что всё это произошло из-за меня.

— Брось, Тэйт. Ты ни в чём не виноват. Это я не включила фонарик и не смотрела под ноги.

Она говорила спокойно, рассудительно, но я всё равно

чувствовал, как внутри меня пробуждается злость от осознания собственной глупости.

— Дай посмотрю, — попросил я, осторожно касаясь её ноги.

Лодыжка уже начинала припухать, и при любом прикосновении Сьюзи едва заметно морщилась, хоть и старалась не показывать мне этого.

— Терпимо? — спросил я, поднимая глаза на нее.

— Вполне, — ответила она с вымученной улыбкой.

Я не поверил ей.

— Нужно приложить что-то холодное.

— Тут поблизости есть ручей, — кивнула она в сторону, откуда мы пришли.

Быстро прикинув расстояние и сообразив, как облегчить ей боль, я скомандовал:

— Обхвати меня за шею и сцепи руки в замок.

— Что? Зачем? — спросила она, удивлённо хлопая глазами, когда я уже потянулся к ней.

— Давай, — отрезал я, не отвечая на вопрос.

Сьюзи на секунду замерла, словно решаясь на это, но всё же послушалась. Её руки обвились мою шею, и я, осторожно подхватив её, приподнял. Она охнула от неожиданности и инстинктивно прижалась ближе.

— Тэйт! — выдохнула она. — Я

Чтобы лучше видеть тропу перед собой, я притянул её ближе.

— Я могу и сама

— Держись крепче, — перебил я и медленно двинулся в сторону ручья, стараясь ступать осторожно, чтобы её не трясти.

Оказавшись в такой позиции, прижатой к моему телу, Сьюзи дышала мне прямо в ухо так, что я ощущал её дыхание на коже. Её пальцы, сцепленные в замок, то и дело соскальзывали, словно ладони вспотели, а моя кофта, которая всё ещё была на ней, сползла с одного плеча, обнажив его.

Я старался смотреть только под ноги, но не мог не чувствовать, как её сердце колотится у самой моей груди, а её дыхание становится глубже, когда я делаю очередной шаг и невольно прижимаю её сильнее.

Ручей был неподалёку от наших палаток, на другой поляне, где, судя по лежащим бревнам, кто-то тоже часто останавливался. На одно из них я аккуратно усадил девушку, и как только та уселась поудобнее, то одёрнула майку и подняла на меня глаза.

Мы так и застыли, глядя друг на друга в немного неловкой ситуации. Я ждал, когда она протянет мне мою кофту, но она, видимо, не поняла этого.

— Позволишь? — я кивнул, указывая на неё.

Она спохватилась, быстро сняла её и протянула мне, а сама смущённо отвернулась, поправляя сползшую лямку майки.

Склонившись над ручьём, я окунул рукав в ледяную ав-

густовскую воду — сейчас это было как раз кстати. Отжав, вернулся к Сьюзи и опустился перед ней на колени, осторожно прикладывая влажную ткань к её лодыжке.

— Холодно! — дёрнулась девушка, хватая меня за плечо, чтобы не упасть с бревна.

— Прости, — пробормотал я, стараясь держать руку мягкой. — Нужно подержать, иначе распухнет сильнее.

Я не смотрел на неё, но всё же каким-то образом чувствовал её пристальный взгляд на себе. Осторожно придерживая её ногу одной рукой, другой я медленно проводил влажной тканью по распухающей лодыжке. Каждое движение было аккуратным, но она всё равно вздрагивала каждый раз, когда ткань касалась больного места.

— Завтра я буду для вас обузой, — тихо сказала Сьюзи, нарушая тишину. — С больной ногой мы будем идти в два раза дольше.

— Не говори глупостей, — ответил я, не поднимая головы. — Ты не обуза. Мы будем идти столько, сколько понадобится, и я буду помогать тебе.

— Джон будет тащить рюкзаки, Лиза — бегать впереди, а я буду ковылять сзади и всех тормозить, — она пыталась пошутить, но я видел, что это её тревожит по-настоящему.

Я наконец поднял голову и посмотрел ей в глаза.

— Мы все будем идти в твоём темпе, — сказал я твёрдо. — Никто никуда не спешит. Тем более Лиза будет только рада идти медленно и рассматривать всё вокруг.

— Точно? — спросила она с надеждой, прищурившись.

— Точно, — заверил я. — Если будет совсем невыносимо, то я снова понесу тебя на руках.

— Тогда мне стоит надеяться, что она не пройдёт к утру.

Говорила ли Сьюзи в шутку или всерьёз, я не понял. Вместо этого снова намочил рукав и продолжил прижимать холодную ткань к её лодыжке, замечая, как ей больно и как она пальцами цепляется за край бревна.

— А помимо поездок на машине, за рулём, о чём ты мечтаешь? — спросил я, чтобы отвлечь её.

— Мы всегда обсуждаем только мои мечты, — ответила она, и в её голосе послышалась лёгкая укоризна. — Так что теперь твоя очередь, Тэйт.

Я легко улыбнулся, продолжая держать ткань.

— Ну в основном это просто цели, которые я хочу достичь. Работа, дом, чтобы всё было стабильно.

— Нет, Тэйт, — мягко перебила она. — Все мечтают о чём-то. Подумай. И не увиливай от вопросов, как ты обычно это делаешь. Ты прекрасно понимаешь, как меня отвлечь, но я тоже не так глупа.

Пойманный с поличным, я не выдержал и рассмеялся.

В Сьюзи мне очень нравилась эта черта. Она была внимательной и умной. Не из тех, кто пропускает мимо ушей неловкие увёртки или делает вид, что не замечает, когда собеседник пытается уйти от ответа. Она видела больше, чем я показывал, и при этом не давила, не лезла в душу с расспро-

сами. Просто мягко, как сейчас, направляла разговор туда, куда считала нужным. А ещё она умела легко, без усилий рассмешить меня.

— Хорошо, — признался я, поднимая на неё глаза. — Есть одна.

В её взгляде зажёгся живой огонёк любопытства. Она даже поставила локти на колени, сложила руки перед собой и подала корпус вперёд, показывая, что вся во внимании.

— Я хотел бы иметь домик в горах, — сказал я. — Небольшой, с деревянной верандой.

Она не перебивала, только смотрела на меня внимательно, чуть склонив голову.

— Чтобы из окна был виден лес, а зимой можно было сидеть у камина и читать.

— А что ещё там будет? — с интересом спросила она.

— Не знаю, — честно ответил я. — Может быть, небольшой сад. Я бы вырастил там лаванду, розы и несколько деревьев.

Я говорил и чувствовал, как внутри разливается снова то тепло, которое возникает, когда я представляю этот дом. Наверное, сейчас я выглядел глупо — парень, который мечтает о саде и деревянной веранде маленькой хижины где-то на отшибе. Мне вдруг стало даже немного стыдно, и я уже пожалел, что вообще начал эти откровения. Подумал, что Сюзи сейчас улыбнётся с лёгкой снисходительностью, как улыбаются детским фантазиям, и скажет что-нибудь вроде «это

мило», но она молчала. Но когда я рискнул поднять глаза, то, вопреки своим сомнениям, в её глазах увидел не насмешку, а восхищение.

— Прекрасная мечта, — услышал я тихий женский шёпот.

Сьюзи не осудила, не высмеяла, не отшутилась, а когда я приоткрылся перед ней, показав себя настоящего, она неожиданно приняла меня.

— Пойдём, — сказал я, убрав уже успевший нагреться от её тепла рукав и подставляя плечо. — Сможешь медленно?

Девушка с моей помощью аккуратно поднялась и оперлась на меня. Я повёл её к палаткам, придерживая одной рукой за талию, а в другой сжимая влажную кофту.

Реакция Джона была предсказуема. Шутки о том, что всё это произошло очень вовремя и в такой романтической обстановке, я слушал уже несколько минут, лежа с ним в одной из палаток.

— Тэйт, ты в курсе, что мы неправильно распределили места? Сьюзи с Лизой в одной палатке, мы с тобой в другой. А по логике вещей, куда удачнее было бы ей спать с тобой, чем с шестилеткой. Я бы, конечно, обиделся, но для хорошего дела

— Спи уже! — не выдержал я.

Джон расхохотался, но, отвернувшись, действительно быстро уснул. Я же еще долго прокручивал наш разговор со Сьюзи, слыша в голове ее голосом фразу «Прекрасная меч-

та».

Но даже несмотря на приятную, успокаивающую реакцию, сон был недолгим. Я проснулся на рассвете и первое, что увидел, — багровое, необычайно красивое небо и туман, что стелился над ручьём, придавая лесу сказочный вид.

Выбравшись наружу, я вдохнул свежего утреннего воздуха, чувствуя, как прохлада приятно щиплет щёки. Ранние подъёмы, а особенно в таком месте, всегда были в радость. Но, кажется, не для всех.

— Эй, закрой палатку, холодно, — пробубнил Джон, недовольно натягивая спальник на голову.

Я улыбнулся, прихватил ветровку и тихо вышел, застегнув полог. Дров у потухшего костра хватало, идти за ними нужды не было. Зато я мог сделать кое-что приятное, поэтому, взяв котелок, двинулся по тропинке в сторону леса.

Лес встретил меня росой на траве и воздухом, пахнущим хвоей и прелыми листьями. Я шёл медленно, вглядываясь в знакомые очертания растений. Как учила мама, срывал листочки мяты, иван-чая и ромашку. Котелок наполнялся медленно, но я и не спешил. В сборе трав было что-то терапевтическое, успокаивающее. И пусть это считалось не мужским делом — я любил растения. Любил саму красоту в таком её проявлении.

Вскоре лес стал наполняться голосами птиц, а первые лучи солнца золотили верхушки деревьев и пробивались сквозь них, освещая поляны с цветами. Мимо одной из них

я не смог пройти.

Здесь, среди высокой травы, росли лобелии, ярко-синие соцветия на тонких стеблях, напоминающие колокольчики. Я присел. Влажные от росы лепестки переливались на солнце. Эти хрупкие цветы были похожи на неё — такие же нежные, но сильные и яркие, как Сьюзи. Мне хотелось подарить их ей, чтобы снова увидеть её улыбку.

Вот только причину моего романтического порыва я не понимал. Зачем я это делал? Просто так или из-за вчерашнего? Я замер, держа стебель в руке. Один голос шептал: «Тебе стыдно». Другой настаивал: «Ты хочешь сделать ей приятно». А впрочем, какая разница? Любая девушка достойна цветов. Её улыбка стоит того.

Я осторожно оторвал несколько стеблей, выбирая те, что росли на краю, собрал небольшой букет, перевязал травинкой и направился обратно.

Солнце уже поднялось выше. Я быстро развёл костёр и повесил над ним котелок с травами. Когда вода закипела, над поляной разнёсся очаровательный, терпкий аромат, который быстро разбудил Джона. Он выполз из палатки, щурясь от яркого солнца, и потянулся, хрустнув спиной.

— Пахнет травами, как на твоей кухне, чувак, — сказал он хриплым сонным голосом, подходя к костру. — О, чай!

Джон достал из рюкзака чистые кружки и присел на бревно. Уже зная о моей давней любви к растениям, он ничуть не удивился.

— Красивые цветы, — заметил он вдруг, кивнув на край бревна с моей стороны, где лежали перевязанные травинкой лобелии. — А кольцо где?

Я уже открыл рот, чтобы ответить на его реплику, когда позади раздался звонкий, ещё не до конца проснувшийся голос:

— Доброе утро!

Мы с Джоном одновременно обернулись. К нам подходила растрёпанная Лиза — в руках она сжимала заколки в форме бабочек и расчёску. Первым делом девочка направилась к отцу, и тот с деловитым видом принялся сооружать ей на голове модную причёску, состоящую из кривоватой косички.

— Доброе утро, стрекоза, как спалось? — спросил я с улыбкой, отмечая, как Джон неловко справляется с её волосами. Пальцы у него были явно больше привычны к гаечным ключам, чем к детским заколкам.

— Нормально, — ответила Лиза, терпеливо дожидаясь, пока отец закончит мучиться с её причёской. — А вот Сьюзи то и дело вертелась. Она тоже проснулась уже.

Я бросил взгляд на их палатку. Полог был наполовину открыт, внутри слышалась какая-то возня и беспомощные выдохи.

Я взял с бревна цветы и сунул ложку в руку удивлённому Джону:

— Мешай! — приказал я и быстрым шагом направился к палатке.

По мере приближения до меня доносились тихие ругательства, которые даже в такой ситуации звучали от Сьюзи слишком мило. Судя по шороху, она пыталась переодеться, но больная нога ей явно мешала.

Присев на корточки, аккуратно протянул в щель цветы. На секунду внутри всё затихло.

— Тэйт? — голос Сьюзи прозвучал удивлённо.

— Это я.

Полог резко откинулся, и я увидел растрёпанную, заспанную, с румянцем на щеках девушку, которая растерянно смотрела то на меня, то на цветы.

— Какая красота, — выдохнула она, принимая небольшой букет с лобелиями, и поднесла его к лицу, чтобы вдохнуть аромат.

Она была такой живой, такой настоящей — без макияжа, с растрёпанными волосами, в простом спортивном костюме, что я засмотрелся.

— Спасибо, — сказала девушка, бережно водя пальцами по лепесткам.

— Как твоя лодыжка? — поинтересовался я.

— Лучше, но не настолько, чтобы выбираться без помощи. Лиза пыталась меня вытащить, но чуть сама не упала.

Я протянул руку внутрь палатки. Мои пальцы встретили её тёплую ладонь, и я осторожно потянул девушку на себя. Она приподнялась на здоровой ноге, я подхватил её за талию и помог выбраться. Когда она встала, я заметил, что держу

её дольше, чем нужно. Наши лица были слишком близко, и я почувствовал, как краснею.

— Доброе утро, — прошептал я голосом, который, к удивлению, стал осипшим.

— Доброе утро, — ответила она, не отрывая от меня глаз.

— Чай готов.

Она оперлась на меня, и мы медленно двинулись к костру, где Джон уже вовсю разливал ароматный напиток по кружкам. Лиза сидела с важным видом, ковыряя палочкой угли, и только Рокси лениво наблюдала за нами из-под куста.

— Доброе утро, — сказала она Джону, а затем её взгляд быстро переключился на протянутую ей кружку с чаем.

— А это откуда? — удивилась она, вдыхая ароматный запах.

— Это Тэйт собрал, — раздался бодрый голос Джона.

Сьюзи резко повернулась ко мне, удивлённо приподняв бровь. В её глазах мелькнуло удивление.

— Ты разбираешься в травах?

— Да, немного, — уклончиво ответил я, не желая выглядеть хвастуном.

— Немного? — вмешался Джон, отставляя кружку. — Наш скромный пастор оживил огромный сад за церковью. Там сейчас настоящая цветочная оранжерея. — Он усмехнулся. — А ещё он мои цветы спас, когда я чуть их не засушил.

— Это пустяки, — отмахнулся я, делая глоток чая.

— Ничего себе пустяки, — не унимался Джон. — Ты ещё скажи, что сад сам по себе расцвёл.

— Может, и сам, — буркнул я, чувствуя, как щёки снова начинают гореть.

Сьюзи посмотрела на меня с восторгом.

— Ты удивительный, Тэйт. Цветы без заботы не растут.

— Ага, — усмехнулся Джон, — Особенно те розы, что ты пересаживал трижды, потому что им не нравилось место.

— Розы капризны, — пожал я плечами. — Это всем известно.

— Да, цветы, как и люди, — сказала Сьюзи, глядя на огонь. — Одни приживаются в любой почве, на любом месте — как и человек, который может легко освоиться в незнакомом городе. А другие не хотят жить там, куда ты их направляешь, выбирая, где им будет лучше.

Я никогда не думал об этом так, но Сьюзи была права. Некоторые цветы капризны — как люди. Ты пересаживаешь их, удобряешь, ищешь для них лучшее место, а они всё равно не приживаются. Не потому, что ты сделал что-то не так. Просто им нужна другая почва.

Теперь я точно знаю это, потому что одна роза так и не прижилась в моём саду.

— Так, ну что, народ, — хлопнул в ладоши Джон, поднимаясь. — В свете последних событий предлагаю потихоньку собираться и выдвигаться в путь.

— Ещё раз извините, — виновато произнесла Сьюзи. —

Гвен права, я вечно доставляю хлопоты.

Джон отмахнулся, показывая, что всё это ерунда, и принялся собирать посуду. Я помогал складывать вещи, краем глаза следя за каждым её движением. Когда всё было готово, мы двинулись в обратный путь. Я шёл рядом, поддерживая её за локоть, чувствуя, как она опирается на меня всё увереннее, но всё же иногда припадает на больную ногу.

Мы делали частые остановки. Джон с Лизой уходили вперёд, а потом ждали нас. Дорога, которая вчера заняла полтора часа, растянулась почти на три с половиной. Но никто не жаловался. Лиза рассказывала Сьюзи обо всех цветах, которые встречались по пути, Джон насвистывал какой-то старый мотив, а я просто наслаждался этим моментом.

Но всё рано или поздно заканчивается. Когда шли уже по знакомой улице, я провожал Сьюзи до её дома. У крыльца уже стояла машина Гвен, которая, видимо, вернулась из Балтимора раньше, чем планировала. Сьюзи скинула с плеча лямку рюкзака, и я взял его, помогая снять.

— Сколько продлится твоя стажировка? — спросила она, забирая рюкзак и поправляя растрёпанные волосы.

— Неделю, может, больше, — ответил я, чувствуя странное беспокойство.

— Что ж, нам с Рокси будет вдвоём скучно на прогулке. Но ты там постарайся. Покажи себя.

— Я постараюсь, — пообещал я.

Она кивнула, поднялась на крыльцо и, уже открывая

дверь, обернулась:

— И, Тэйт, спасибо за утро, чай и цветы. За всё.

Я улыбнулся, помахал ей на прощание рукой и направился к своему дому, чувствуя, как внутри появляется необычное чувство, будто мы расстаёмся надолго. Я почти рассмеялся над собой: ну что за глупости, мы живём через несколько домов, увидимся через неделю после моей стажировки в Камберленде.

Но как же я ошибался.

Глава 12

— Ты нормально питаешься? А тёплые вещи есть? Сентябрь кончается, уже холодает.

— Всё нормально, мам, — я с улыбкой откинулся на спинку стула, глядя на вечерние огни Камберленда за окном. — Ты спрашиваешь это каждый раз, когда звонишь.

— Тэйт, ты никогда так надолго не уезжал. Мы с отцом думали, эта стажировка — на неделю, ну, максимум на две.

— Я тоже так думал, — признался я, проводя рукой по щеке. — Но для того, чтобы заявить о себе, решил взять дополнительную работу: веду несколько проектов для местных компаний, готовлю пресс-релизы, помогаю выстраивать репутацию.

— А люди? — спросила мама обеспокоенно. — Подружился с коллегами?

На соседней кровати в номере отеля, который предоставляла фирма, сидел с ноутбуком на коленях Райли — до невозможности умный бизнес-аналитик, с которым меня поселили. Заметив, что я несколько секунд неотрывно смотрю на него, парень оторвал голову от ноутбука, подмигнул и показал два пальца вверх — тот самый жест, который все делают на фото.

— Да, — ответил я, улыбаясь.

Я услышал, как мама с облегчением выдохнула.

— Я очень рада это слышать, сынок. А как тебе вообще Камберленд?

— Город как город, — я неосознанно дёрнул плечами. — Здесь всё быстрее, энергичнее. Поначалу было непривычно, но сейчас мне это даже нравится.

В этот момент за окном включилась огромная, высокая башня, которая горела тысячами огней. Я на секунду залюбовался, но тут же вернулся к разговору.

— Мы с отцом очень рады, — тихо сказала мама. — И гордимся тобой. Только сильно соскучились.

— Я доделаю отчёт к пятнице и приеду.

— Прекрасно! — голос мамы стал звонче и радостней. — Отец будет рад. Он сейчас в церкви, там опять что-то ломалось.

— Передай ему, что скоро я вернусь. Мне пора, мам, — я встал со стула и, не отрывая телефон от уха, лёг на кровать.

— До встречи, сынок. Мы тебя очень ждём.

Мы попрощались. Я сбросил звонок и открыл мессенджер.

— Судя по тому, что ты снова быстро строчишь в телефоне, разговаривал ты не со своей девушкой, — саркастичным голосом произнёс сосед, откладывая ноутбук в сторону.

— Она не моя девушка, — повторил я фразу, которая стала чем-то вроде мантры, ведь повторял её за последний месяц, пожалуй, слишком часто.

С самого нашего знакомства, с той минуты, как мы засе-

лились в эту комнату, я пытался вдолбить ему одну простую истину. Мы спорили, я приводил свои доводы, а он — свои. Но в какой-то момент я перестал доказывать и убеждать, а просто сдался. И теперь, когда он снова начинал свою песню, я только качал головой и уходил от ответа.

Мой сосед Райли был открытым в общении парнем, но порой до занудства умным даже для меня. Высокий брюнет с широкими плечами и лёгкой небритостью, которая скорее подчёркивала мужественность, чем выглядела неопрятно. Чуть вьющиеся волосы, серо-голубые глаза за стёклами очков и расслабленная, чуть насмешливая улыбка — в нём было что-то от молодого Хью Лори, если бы тот вдруг решил стать фитнес-тренером. Он следил за собой, носил простые, но хорошо сидящие вещи и точно знал о своём влиянии на окружающих.

В разговоре он всегда опирался на статистику, которую мне порой было трудно представить, и я подозревал, что он просто выдумывал её на ходу. Зато как специалист он был лучшим среди тех, кого отобрали на вакансию аналитика. А ещё он был гуру в отношениях, что неудивительно.

Райли был хорош собой — девушки засматривались на него везде, где бы мы ни появлялись. И даже здесь, за месяц проживания, он умудрился переспать с несколькими претендентками, пока я дружелюбно уступал ему нашу комнату, прогуливаясь по ночным улицам Камберленда.

Мои вечерние переписки со Сьюзи, в свободное от работы

время, волновали Райли так, будто речь шла о его собственных отношениях. Он частенько включал режим эксперта и принимался растолковывать мне тонкости переписки. Я его об этом не просил, но он меня даже не слушал.

После того как я уехал в Камберленд, Сьюзи пролежала дома с больной ногой ещё несколько дней. Я искренне переживал за неё, но уже не из-за чувства вины, а больше подружески, поэтому писал каждый день. И каждый наш разговор из дежурного «Как твоя нога?» постепенно сворачивал куда-то в неожиданную сторону, и мы могли проболтать до поздней ночи.

Сьюзи весь месяц присылала мне фотографии Рокси, смешные видео и иногда селфи на фоне её комнаты, где ещё не было обоев и шёл ремонт.

Для меня такое общение на расстоянии было в новинку. Я никогда не был активным пользователем мессенджеров, не привык так плотно и тесно с кем-то общаться, а уж тем более отправлять фотографии. Однако Сьюзи каким-то образом удавалось меня растормошить. Да и я не мог ей отказать, поэтому изредка отправлял ей фотографии: вечерние улицы Камберленда, старую ратушу, закаты над крышами, но никогда селфи.

— Ты просто боишься, — не унимался Райли, доставая из шкафа свежую чистую рубашку в клетку. — Признать свои чувства.

— Я не боюсь, — ответил я устало. — Я знаю, что чув-

ствую.

— И что же ты чувствуешь? — закатывая манжеты на рукавах, спросил сосед.

— Она мой друг, Райли, — сказал я, стараясь говорить максимально спокойно и рассудительно, хотя его лекции за месяц порядком поднадоели. — Когда же ты поймешь, что необязательно везде искать любовный подтекст? Иногда люди просто могут общаться, понимаешь?

Сосед слушал, не перебивая, а потом хитро прищурился и взял с общей тумбочки свои наручные часы.

— Слушай, я лишь говорю, опираясь на факты и опыт поколений, — снова с видом повидавшего жизнь человека начал он. — В дружбе между парнем и девушкой один из двоих всё равно будет рано или поздно испытывать чувства к другому. Есть даже статистика.

Я закатил глаза, но он не унимался:

— Допустим, тебе как девушка она не нравится, что ж, хорошо, ладно. А ты ей? Уверен, что тоже нет?

— Да, — ответил я твёрдо. — Уверен. Если ты идёшь в кафетерий, возьми мне, пожалуйста, сэндвич и чай с мятой.

Райли замолчал. Таким образом я давал ему понять, что не хочу продолжать этот разговор. И хоть сосед это понимал и не обижался, это совсем не значило, что он не вернётся к этому разговору позже.

— Окей, — сосед надел кеды, вышел из комнаты, я наконец смог выдохнуть.

Жизнь с кем-то под одной крышей — пусть даже с парнем — давалась мне, если честно, тяжело. И Райли, я уверен, со мной тоже не повезло. Я не был таким болтливym, как он, не ходил по барам — за что он частенько на меня обижался — и не ввязывался в авантюры. Мне просто хотелось спокойствия и тишины, но стоило мне представить, что я живу один, как вдруг внутри становилось беспокойно. Без него в голову снова пробрались бы мысли и образы, которые я гнал от себя весь месяц. А с ним для них просто не находилось места — Райли своими весёлыми историями вытеснял любую ненужную информацию.

О его словах насчёт Сьюзи я даже не думал. Между нами не было никакой искры или химии, и она не давала мне ни поводов, ни намеков в этом усомниться. Наше тесное общение продолжалось, но теперь на расстоянии.

На моё сообщение о том, что я вернусь в пятницу, Сьюзи ответила: «Ждём тебя с Рокси» с подмигивающим смайликом в конце. Я был абсолютно спокоен, наслаждался тишиной, до тех пор, пока в комнату не ввалился Райли.

— Не поможешь? — промычал он сквозь бумажный пакет, который держал в зубах, и протягивая мне подстаканники с чаем.

Освободившись от ноши, тот принялся развязывать шнурки на кедах, как обычно, что-то мне рассказывая.

— Встретил в кафетерии парня из моей группы, он завтра уезжает домой, представляешь? Я-то думал, он будет стро-

ить карьеру здесь, но у него оказывается жена есть, и она одна осталась в городе, так что он перевелся на дистанционку, — Райли стянул с себя рубашку и бросил ее на стул. — Надеюсь, тебя то я увижу после выходных?

Наша фирма предоставляла для всех выбор. Можно было остаться на месте с проживанием до конца года, пройти повышение квалификации за счёт компании, получить доступ к закрытым проектам и бонусы, которые могли серьёзно помочь подняться по карьерной лестнице. Или же работать удалённо из любого уголка страны, но за меньшую зарплату.

Я уже принял решение, так что, озвучив его соседу, поинтересовался:

— А ты не поедешь домой?

Райли родился и вырос во Фредерике — небольшом, но довольно оживлённом городе в часе езды от Камберленда. Город был не такой шумный, как Балтимор, но и не такой тихий, как мой в округе Гарретт-Каунти. Что-то среднее.

— Поеду, но одним днём, — продолжил он, плюхаясь на свою кровать. — Покажусь родителям и вернусь. Надо же использовать пустую комнату по максимуму, — он поиграл бровями, а после принялся меня посвящать в свои планы на выходные.

Не то чтобы мне было интересно, просто выбора не было. Так я узнал, что в его планах фигурировала одна из девушек, уже давно работающих в нашем офисе — стройная брюнетка с вечно серьёзным лицом, которую я пару раз видел в кори-

доре. Она, оказывается, тоже оставалась в городе на выходные, и Райли уже успел пригласить её на ужин.

Я быстро доел сэндвич, допил чай и лёг, отвернувшись к стене. Райли всё ещё что-то бубнил о свиданиях, цветах и правильных местах для ужина, но я уже не слушал. В голове всплывали уже знакомые образы: дом, пустые, но родные улицы, родители, по которым соскучился, и Сьюзи, держащая на поводке непоседливую Рокси.

Жизнь, как оказалось, справедливо не только отбирает, но ещё и преподносит дары.

В пятницу, сдав последний отчёт и собрав вещи, уже к ужину я был дома. Мама, как обычно, заботливо подкладывала мне еды, которой не хватало места на тарелке, а отец, положив голову на скрещённые руки, локти которых опирались о стол, внимательно слушал.

— Всё оказалось не так плохо, как думал, — продолжал я свой рассказ. — Даже начал привыкать. Хочу идти в этом направлении, узнавать новое — тогда, уверен, получится построить карьеру. Но для этого — я сделал паузу, дожидаясь, пока мама сядет рядом. — Я должен оставаться там.

Мамины руки, сжимавшие ложку с рагу, замерли над моей тарелкой. Я повернул голову и увидел обеспокоенное и сбитое с толку лицо.

— Но как же так? Ты же говорил, что не хочешь уезжать из дома в другой город. Тэйт — она накрыла мою ладонь своей и слегка сжала, а глаза ее заблестели.

— Мам, — я развернулся к ней всем корпусом, взял её руки в свои, а затем коснулся их губами. — Я же не навсегда уезжаю. Побуду там до конца года, а дальше посмотрим. Может, у меня ничего не выйдет, может, я слишком сильно переоцениваю себя, — сбивчиво заговорил я.

— Не говори так, — перебила она, притягивая меня к себе. — Ты у меня самый умный, самый добрый. Ох, мой сынок — она погладила меня по голове, как делала всегда, когда хотела показать свою любовь и заботу в детстве. — Мой мальчик совсем уже взрослый. Я и не успела заметить, как ты вырос, — она тихо всхлипнула, продолжая обнимать меня.

Всё это время отец молчал. Но как только я глянул на него, он кивнул и обратился к маме:

— Марта, нам давно стоило понять и принять, что Тэйт теперь сам может выбирать путь, по которому идти. Нам остаётся его только поддержать.

Он улыбнулся, и внутри стало теплее, чем даже если бы он обнял меня. Его принятие значило для меня много. Он, как и обещал, поддержал моё решение.

— Ты прав, — мама отстранилась, вытирая ладонью щеку. — Поговорите тут, а я пойду в комнату, — она ещё раз напоследок провела рукой по моим волосам.

Я проводил её взглядом, а отец, повернувшись ко мне, тихо сказал:

— Она просто перенервничала. Для материнского сердца это шок — вот так, в один момент, понять, что её ребёнок

готов покинуть дом ради новой жизни.

— Да, — тихо согласился я, чувствуя, что сейчас, пока атмосфера позволяет, нужно сказать то, что давно лежало на сердце. — Мне нужно с тобой поговорить.

Отец сразу же стал серьезным, как и положено в разговоре двух мужчин.

— Я делаю это не только ради себя, — признался я. — Хочу сказать, что очень благодарен тебе и маме за то, что вы дали мне образование. Я безмерно счастлив, что вы мои родители и воспитали меня хорошим человеком.

Отец слушал внимательно, а у глаз собирались морщинки от улыбки, которая появлялась на его лице. Я чувствовал, как голос начинает дрожать от волнения, но продолжил:

— Я всегда буду в долгу перед вами. Несмотря на все разногласия между нами, я рад, что сейчас ты меня поддерживаешь. Это это много для меня значит. Я хочу там остаться не только ради опыта, но и потому что зарплата на таких условиях намного больше. Твой старый фургон, давно сломан, и я знаю, что ты без него как без рук. Понимаю, что этого мало, но я хочу заработать денег и купить тебе новый. Просто в благодарность

Он положил очки, придвинул стул и, оказавшись ближе, тихо, словно боясь, что кто-то услышит, заговорил:

— Лучшего сына и представить нельзя. — его рука легла мне на плечо. — Чего не скажешь обо мне.

— Отец — возразил я, но он поднял указательный палец.

— Это так. Я знаю, что никогда не говорил с тобой по-мужски. Учил тебя любить Бога, но не учил любить жизнь. Или того, кто войдёт в сердце.

Я слушал, внимая каждому его слову, боясь спугнуть этот момент.

— Но сейчас, пока не поздно, хочу сказать: живи и строй свою жизнь так, как хочешь. Не стоит вкладывать усилия, чтобы нам что-то доказать. Ты нам ничего не должен. Я хочу, чтобы ты подумал о себе. Только о себе.

Он замолчал, будто собираясь с мыслями.

— Жизнь — он сделал паузу. — Настолько скоротечна, что иногда не успеваешь понять многих вещей. И уж тем более — сделать. Ты молодой мужчина, перед тобой открыты все дороги. И тебе не стоит вкалывать на работе ради того, чтобы купить мне фургон. Нет. — Он покачал головой. — Я своё уже прожил, и мой фургон постарел вместе со мной. А тебе нужна новая машина. Так что и не думай даже об этом, я не приму такой подарок.

Он сжал моё плечо и посмотрел мне прямо в глаза.

— Всё, чего я хочу, — чтобы ты был счастлив. Построил семью с той, кто сделает тебя счастливым. Так, как однажды сделала меня твоя мама. А о внуках мы поговорим позже.

Мы оба улыбнулись, а потом он снова надел очки и, просто буднично спросил:

— Ну что, чай будешь? А то мама за переживаниями совсем забыла нас напоить.

— Меня уже ждёт Сьюзи, — ответил я, поднимаясь с места, после чего отец сделал то же самое.

— Она мне нравится, — одобрительно сказал он, и я не мог с ним не согласиться.

— Да, мне тоже. Ключи от ворот там же?

Отец улыбнулся и кивнул головой.

— Марта не забывала о них, так что они в порядке. Уверен, Сьюзи будет в восторге, если ты ей покажешь.

В этом я не сомневался. Накинув пальто и взяв из старого комода в гостиной ключи, я поспешил на улицу, на ходу набирая её номер. Сьюзи ответила уже на втором гудке.

— Тэйт! Привет! Ты приехал? — её голос звучал взволнованно, в нём слышалась улыбка. — Я тут пытаюсь впихнуть Рокси в собачий комбинезон. Сейчас выйду.

Я представил ротвейлера в дутых тканях. Картина вышла такой забавной, что я невольно улыбнулся.

— Не торопись, — сказал я, чувствуя, как от её голоса внутри разливается тепло. — Я уже иду к твоей улице, встречаю тебя.

— Хорошо! Жду!

Вечер был прохладным, но я почти не замечал холода. Я свернул на её улицу и замедлил шаг. В доме горел свет, и я представил, как она поправляет волосы перед выходом, как улыбается своему отражению в зеркале. Глупо, наверное, но я вдруг заволновался, несмотря на то, что общались мы практически каждый день.

Дверь открылась, и на крыльцо выбежала Сьюзи, а за ней — огромная Рокси в тёмно-синем комбинезоне, который, казалось, вот-вот лопнет по швам. Собака радостно заскулила, рванула вперёд, натягивая поводок, и Сьюзи, не удержавшись, рассмеялась.

— Тэйт! — крикнула она, сбегая с крыльца.

Через несколько секунд мы встретились на середине её двора. Она подбежала ко мне, не сдерживая улыбки, и, не раздумывая, обняла.

— Я так рада тебя видеть! — её пальцы вцепились в мою куртку, и она прижалась щекой к плечу.

— Привет, — ответил я, обнимая её в ответ, чувствуя запах её волос.

Рокси, оставленная без внимания, принялась наматывать круги вокруг нас, путаясь в поводке и радостно повизгивая. Сьюзи рассмеялась, отстранилась, но руки не убрала — только чуть ослабила хватку, заглядывая мне в лицо.

— Ты изменился, — сказала она, вглядываясь в моё лицо блестящими и полными восторга глазами.

— Сегодня прям день моего взросления, — усмехнулся я. — Родители тоже отметили. Хотя прошёл всего лишь месяц.

— Месяц — это очень много, — запротестовала она. — Кое-кто, например, за это время поднабрал пару кило, — покосилась она на собаку.

— А вот ты не изменилась, — не отрывая взгляд, выдохнул я. — И это прекрасно.

Лицо девушки мгновенно стало улыбочивым и счастливым. Она шагнула чуть ближе ко мне — так, что теперь между нами было совсем мало воздуха.

— Ну что? Куда сегодня идём? Направо или налево? — перечислила она наши обычные маршруты. — Или в тот страшный пустой парк?

— Нет, — ответил я, не сводя с неё глаз. — Сегодня я покажу тебе особенное для меня место. — Я выставил локоть, предлагая ей подхватить его.

— Тогда веди! — Она с озорством взяла меня под руку.

Глава 13

Мы шли по улице, и её шаг, как и раньше, идеально подстроился под мой. Рокси, обрадовавшись нашей совместной прогулке, бодро, но всё же немного неуклюже трусила впереди, то и дело оглядываясь, словно проверяя, не отстали ли мы.

Медленно гуляя со мной под руку, Сьюзи делилась новостями о своей учёбе в университете. Она так активно жестикулировала свободной рукой и была настолько поглощена рассказом, что позволила мне полностью вести её за собой. И только когда мы оказались на подходе к дому Джона, она замолчала.

— Зайдём? — обратился я к Сьюзи.

Мужская дружба — это не про общение двадцать четыре на семь. Это про редкие сообщения с одним-единственным вопросом: «Ты как?». И за этот месяц мы спросили друг друга об этом всего один раз. Ответ Джона был коротким: «Нормально. Как сам?» Я ответил: «Работаю». На этом разговор иссяк, и это было абсолютно нормально на расстоянии. Но сейчас, стоя перед его домом, я чувствовал, как внутри нарастает тревога.

— Я не уверена, но, кажется, он всё ещё не дома, — сказала Сьюзи, останавливаясь. — Пару дней назад он уехал в командировку. В какой-то город, не помню название. Ска-

зал, что пробудет там несколько дней.

— Вот как, — растерянно и разочарованно протянул я, взглядываясь в тёмные окна. — А он отвёз Лизу? Он что-нибудь говорил об этом?

— Ммм нет, не особо, — девушка покачала головой. — Без тебя мы с ним не так часто общались. Несколько раз виделись, когда я выгуливала Рокси, а он что-то делал во дворе.

— А он один вернулся?

Сьюзи удивлённо подняла бровь, а потом звонко рассмеялась.

— Тэйт, я за ним не слежу, — сказала она, всё ещё улыбаясь. — У нас с Джоном не настолько близкие отношения, чтобы я отслеживала, с кем он приезжает и уезжает.

Конечно, она была права. Но как же я надеялся, что у него с Эби всё наладилось. Что есть хотя бы маленький шанс на то, что они поговорили и, возможно, Джон вернулся уже не один. Сьюзи, заметив мой озабоченный вид, мягко добавила:

— Если ты про его жену, я никого незнакомого не видела.

— Ладно, — ответил я, и мы пошли дальше, огибая улицу.

Не отпуская рук, мы продолжили нашу беседу. Я рассказывал о своём соседе, когда вскоре в конце улицы показалась церковь. Но вместе с ней под фонарём, словно из ниоткуда, появилась ещё одна фигура. Не нужно быть экстрасенсом или иметь зрение как у сокола, чтобы узнать эту наглуую, расслабленную походку.

Тот, с кем мы, с его слов, «вспоминали старые добрые вре-

мена». Тот, кто, увидев меня сейчас со Сьюзи, мог сделать что угодно, и это напугало бы девушку. И тот, кто всегда появлялся в самое неподходящее время и место. Шон.

Я быстро, но аккуратно высвободил руку девушки из-под своего локтя и крепко сжал её ладонь в своей. Теперь мы шли с ней намного ближе, чем прежде. Сьюзи на секунду замолчала, повернула голову, удивлённая этим жестом, но я смотрел только на человека в чёрном капюшоне впереди. До того, как мы поравняемся с Шоном, оставалось футов двадцать, может, чуть меньше. Пытаясь отгородить её, я увеличил шаг так, чтобы девушка оставалась чуть позади, за моей спиной.

— Не смотри на него, — сказал я тихо, но твёрдо. — Продолжай рассказывать.

Сьюзи быстро перевела взгляд на дорогу, подтянула к себе Рокси за поводок и заговорила о полной ерунде — о купании, о шампуне, о том, как собака не любит сушилку для шерсти. Слова её были какими-то несвязными, торопливыми, голос чуть дрожал, но она делала вид, что ничего не происходит и что мы говорили об этом всю дорогу.

Чем ближе мы подходили друг к другу, тем сильнее стучало сердце. Я чувствовал это — чувствовал, как от страха за Сьюзи меня бросает в жар. У таких людей, как Шон, в голове никогда не рождается ничего хорошего.

Когда между нами оставалось три шага, он снял капюшон. Первое, что я увидел, — как его глаза поочередно стрельнули по мне, по Сьюзи, по нашим переплетённым ладоням.

И этого было достаточно. Он всё понял. Понял, что она для меня важна.

Я вцепился в него взглядом, а рукой — в её хрупкую, тонкую ладонь. Контролировал каждое его движение, наблюдал за эмоциями и ждал подвоха, грязного выкрика, удара, да чего угодно.

Но когда мы поравнялись, он неожиданно просто прошёл мимо, даже не остановившись.

Сьюзи всё ещё болтала — без умолку, на автомате. Я обернулся и заметил, как Шон показывал мне большой палец, кивая в сторону Сьюзи. А затем он обвёл рукой её фигуру в воздухе, грубо акцентируя выдающиеся части тела и состроив то ли удивлённое, то ли одобрительное лицо, накинул капюшон и пошёл дальше.

Мерзко. Всё в нём было мерзко.

Когда расстояние между нами увеличилось, а мы почти подошли к церкви, я прервал монолог заведённой Сьюзи.

— Прости, можешь остановиться.

Девушка выдохнула, словно только что закончила марафон, и повернула голову туда, где уже исчезала фигура Шона. Её лицо выражало замешательство, а в голосе звучала нервная нотка.

— Что это, чёрт возьми, было?

Она явно злилась — и имела на это полное право. Но я должен признать: отыграла она отлично. Не устроила истерики на месте, не потребовала немедленных объяснений. За

это я был ей благодарен больше, чем она могла себе представить.

— Это тот, чьё мнение было тяжелее, — ответил я, видя, как она вспоминает тот самый вечер, когда мы встретились.

— Скажи мне, — я остановился, положил обе руки ей на плечи, заставив её посмотреть на меня. — Ты уже видела его? Вы пересекались?

Сьюзи протянула «м-м-м», вспоминая, а её глаза быстро забегали.

— Возможно, — неуверенно и задумчиво ответила она. — Кажется, как-то раз я видела его мельком, когда шла из магазина. Но мы не пересекались. Он пошёл другим путём.

Я тут же выдохнул. Но облегчение было преждевременным. Только что я сам дал Шону повод доставать не только меня, но и Сьюзи.

— Послушай, — я крепче сжал её плечи, но так, чтобы лишь удержать её внимание на себе. — Если увидишь его где-то, не сталкивайся с ним. И тем более не разговаривай.

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, и я видел, как в них растёт тревога.

— Он ужасный человек, — продолжил я, подбирая слова, чтобы не напугать её ещё больше. — Обещай, что будешь осторожна, — сказал я мягче, отпуская её плечи и снова беря за руку. — Пожалуйста.

Девушка была озадачена, но всё же кивнула. Я достал ключи из кармана пальто, подошёл к кованым воротам церк-

ви и, открыв замок, распахнул их перед Сьюзи, жестом пропуская её вперёд.

Она покосилась на меня, но, подойдя ближе, остановилась у самого входа и, натянув поводок, притянула Рокси к себе.

— Помнишь, в походе я сказала, что ты удивительный? — спросила она, бросая настороженные взгляды на тёмный двор и церковь.

Я кивнул.

— Так вот, беру свои слова обратно. Ты странный. Очень странный.

Она всё ещё была напугана, но старалась держаться. Я подошёл ближе — ровно настолько, чтобы не давить, но дать почувствовать, что я рядом.

— Понимаю, — тихо сказал я. — Это выглядит очень странно.

— Да, очень, — перебила она, и я выдохнул, чувствуя, как напряжение отпускает.

— Я знаю Шона ещё со школы, — уточнил я, глядя ей прямо в глаза. — И он всегда был уверен, что ему всё позволено и что он может делать с людьми всё, что захочет. И он никогда не отвечал за содеянное.

Сьюзи слушала, не перебивая. Рокси, почувствовав наше напряжение, прижалась к её ногам.

— У нас с ним давняя история, — продолжил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — И однажды ты уже сама видела результат. И теперь, когда он увидел нас вместе — я замол-

чал, подбирая слова. — Он может намеренно искать с тобой встречи. Не говори с ним и не слушай, что он будет болтать. Ему нельзя верить.

Я видел, что она не до конца понимает, что именно меня тревожит. А тревожило меня то, что Шон может рассказать ей всё об Алексее. О том, почему я лежал на холодной земле у её дома. О том, что я до сих пор не могу её забыть. Он мог подать это так, что я покажусь ей жалким и даже одержимым.

А она могла ему поверить. Потому что в его словах была бы правда. Искривлённая, перевёрнутая, но всё же правда. И тогда всё, что мы строили эти месяцы, — прогулки, разговоры, этот странный, хрупкий мир, который появился между нами, и мой образ беззаботного, весёлого парня — могло рухнуть в одно мгновение.

— Тэйт, — её голос вернул меня в реальность. — Ты опять ушёл в себя.

— Прости, — я выдохнул, пытаюсь прогнать тревожные мысли.

В этот момент мне стало так тяжело, словно груз школьных лет снова опустился на мои плечи, напоминая о прошлом. Как бы я ни жил, как бы ни преподносил себя сейчас — я навсегда останусь тем забитым парнем, которому Шон портит жизнь.

— Ты, кажется, что-то хотел мне показать, — её голос, взволнованный, но твёрдый, вернул меня в реальность.

Я поднял глаза. Сюзи смотрела на меня, с тем чувством,

которое я ненавидел больше всего. Жалость, от которой хотелось провалиться сквозь землю. Этот взгляд обнажал меня, показывая то, что я так старательно прятал за внешним спокойствием и деланной уверенностью.

— Да, — ответил я, отводя глаза и делая шаг в сторону сада. — Идём.

Настроение было испорчено.

В тёмном дворе, который совсем не освещался уличными фонарями, я шёл медленно, ведя за собой девушку, хотя и знал здесь каждую яму. Та, в отличие от Рокси, ступала строго по моим следам, в то время как собака бежала немного впереди.

— Мы можем оставить Рокси здесь? — повернулся я к Сьюзи, остановившись у большого дерева с раскидистыми ветвями.

— Да, конечно, — ответила она и протянула мне поводок.

Я привязал его к одной из массивных ветвей, которая была примерно моего роста, так, чтобы собака могла свободно ходить в небольшом радиусе. Рокси, привыкшая к таким остановкам, тут же улеглась на траву, довольно вздохнув.

— Идём, — сказал я, протягивая Сьюзи руку.

Мы двинулись дальше, обходя старые клумбы и кусты, которые когда-то я сажал своими руками, подходя всё ближе к небольшой, но высокой оранжерее со стеклянными стенами и крышей, отражавшими звёздное небо. Внутри, даже отсюда, угадывались силуэты растений.

Я подошёл к двери, достал ключ и, открыв замок, распахнул её перед Сьюзи.

— Входи, — я пропустил её вперёд.

Она шагнула внутрь, и я увидел, как она замерла, поражённая. Внутри оранжереи было тепло и влажно — совсем как в летнюю ночь. Прозрачные стены пропускали лунный свет, который мягко ложился на листья и лепестки, создавая почти мистическую атмосферу.

— Боже — прошептала она, оглядываясь по сторонам.

Оранжерея, которую я так долго возрождал, предстала перед ней во всей своей красе. Вдоль стеклянных стен тянулись высокие кусты чайно-гибридных роз — тех самых, которые я пересаживал трижды, пока они не прижились. Рядом с ними, на подставках, расположились гортензии с огромными шапками сиреневых и голубых соцветий, которые мама привезла из питомника в Аннаполисе. И ещё много-много других цветов.

Сьюзи медленно пошла вперёд, её пальцы по пути осторожно касались каждого цветка. Я смотрел на неё, не отрываясь. Неожиданно она остановилась у старого куста лаванды, который я вырастил из семян, присланных маминной подругой из Европы. Её фиолетовые свечки уже отцвели, но воздух всё ещё был наполнен их успокаивающим ароматом. Сьюзи закрыла глаза, вдохнула и улыбнулась.

— Волшебно, — тихо сказала она, но я всё равно услышал.

Я молча шёл за ней следом, наслаждаясь каждым её движением, каждой эмоцией на лице.

В центральной части оранжереи, где стеклянный купол поднимался выше всего, росли тяжелые, пышные бутоны пионов, которые клонились к земле под собственной тяжестью. Их нежные лепестки — от молочно-белых до насыщенно-розовых — были такими хрупкими, что, казалось, боязно было дышать рядом. Они росли прямо из чёрной, влажной земли, которую я удобрял каждый сезон, и их стебли приходилось подвязывать, чтобы они не сломались под тяжестью цветов.

А в самом центре, где лунный свет падал особенно ярко, росли лилии. Огромные, с тяжёлыми бархатными лепестками цвета заката — оранжевые с тёмными крапинками внутри, они источали такой сладкий, пряный аромат, что кружилась голова.

— Неужели ты всё сам здесь вырастил? — спросила она, оборачиваясь.

— Почти, — ответил я, подходя ближе к кусту с лилиями. — Мама помогала с семенами, а отец помог установить систему полива.

Сьюзи медленно обвела взглядом оранжерею, задержавшись на серебристых эвкалиптах, что тянулись к стеклянному куполу.

— Знаешь, — сказала она тихо, — такую красоту просто преступление прятать здесь. Люди должны это видеть.

Я коснулся лепестка лилии, трепетно и аккуратно проводя

по гладкой поверхности большим пальцем.

— Если я открою оранжерею, — ответил я, глядя на лилии, — люди захотят сорвать цветы. Будут с жадностью обрывать кусты, убивая стебли и бутоны ради того, чтобы цветы украсили их дом на пару дней. А потом, когда те завянут, их просто выбросят.

Сьюзи молчала, но я чувствовал, как её взгляд скользит по моему лицу.

— Здесь они в безопасности, — продолжил я тише, переводя взгляд ниже бутонов.

У самого основания я заметил несколько пожелтевших листьев и сухие стебли, которые нужно было убрать, чтобы куст не тратил на них силы. Я подошёл к небольшому столику в углу оранжереи, где на деревянном подносе лежали инструменты: секатор, небольшие ножницы, пучок шпагата и банка с удобрением.

— Ты не против? — спросил я, оборачиваясь к Сьюзи. — Нужно немного привести их в порядок.

Она покачала головой и, улыбаясь, медленно пошла вдоль стены с эвкалиптами, внимательно их рассматривая.

Я взял секатор и, опустившись у куста с лилиями, принялся срезать сухие листья и отцветшие стебли. Пальцы помнили каждое движение, каждый угол среза — мама учила меня этому много лет назад, и теперь навык стал почти автоматическим. Сьюзи тем временем дошла уже до подвязанных кустовых красных роз, над которыми склонилась, вдыхая аро-

мат.

Закончив с сухими листьями, я достал банку с удобрением и аккуратно рассыпал гранулы вокруг корней, стараясь не задеть молодые побеги. А после, обмыв руки в маленьком кране, выведенном сюда специально, вернулся к девушке.

— Это их ты пересаживал несколько раз? — спросила она, не оборачиваясь, но почувствовав, что я стою за её спиной.

— Да, — посмотрел через её плечо на то, как она осторожно поглаживает алые лепестки.

— И всё же ты смог, — прошептала Сьюзи, и я почувствовал по голосу, что она улыбается. — Им повезло. С тобой они чувствуют себя особенными. Как и каждому человеку хочется чувствовать себя таким.

Её слова что-то тронули внутри меня. Между нами за несколько месяцев возникла тёплая связь, и Сьюзи уже стала для меня особенной. Но как бы ни был прекрасен этот момент, я должен был сказать ей: наши прогулки станут редкими.

— Сьюзи, я принял решение по поводу работы.

Она замерла, не оборачиваясь.

— Я уезжаю в Камберленд до конца года, — продолжил я. — Компания предлагает карьерный рост, и я согласился.

Она медленно повернулась ко мне. Её глаза в лунном свете, пробивающемся через стеклянный купол, блеснули, но она не отвела взгляд. Только чуть прикусила губу, задумавшись на секунду. А потом улыбнулась.

— Я так и думала, — спокойно, без надрыва, сказала она.

— Ты хотел этого, и я уверена, ты поступаешь правильно.

— Да, — прошептал я, тихо и слегка растерянно.

Мы замолчали. Тишина в оранжерее стала другой — не той, уютной, а какой-то отстранённой, будто цветы тоже за-
таили дыхание.

— Тогда, может, сделаем селфи на память? — предложи-
ла она. — Сам ты никогда не пришлёшь, а так хоть будешь
на снимке всегда рядом.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри разрывается
что-то тёплое и горькое одновременно. Она старалась оста-
вить хоть что-то, кроме воспоминаний, которые со временем
тускнеют.

— Давай, — легко согласился я, и мои губы сами собой
сложились в улыбку.

Сьюзи достала телефон и подошла ближе. Она подняла
руку с телефоном, ловя удачный ракурс, и я вдруг подумал:
как же правильно это выглядит — мы рядом, в этом саду,
среди цветов, которые я вырастил для себя, а теперь делю с
ней.

— Улыбайся, Тэйт, — сказала она, игриво ткнув меня в
бок, отчего я рассмеялся и, забыв о камере, посмотрел не
на экран, а на неё. На её глаза, в которых отражался лунный
свет, на её прекрасную улыбку.

В этот момент прозвучал механический щелчок затвора.
Сьюзи опустила телефон и с интересом посмотрела на снi-

мок.

— Хорошо получилось, — сказала она, поворачивая экран ко мне.

На фотографии мы стояли в лунном свете, окружённые цветами. Она улыбалась в камеру — лёгкая, светлая, почти нереальная. А я смотрел не в объектив, а на неё. Как будто в тот самый миг ничего вокруг не существовало, кроме неё.

Сьюзи продолжила рассматривать снимок, водя пальцем по экрану, то приближая наши лица, то отдаляя. А я тем временем отошёл к столику с инструментами, взял небольшую пустую плошку и осторожно отделил от одной из роз небольшой побег — тот, что уже пустил маленькие корешки и был готов к пересадке. Аккуратно уложив его в плошку с землёй, я присыпал корни, слегка утрамбовал и подошёл к Сьюзи, которая как раз загружала наше фото в социальную сеть.

— Это тебе, — сказал я, протягивая плошку и привлекая её внимание.

Она быстро заблокировала телефон, убрала его в карман куртки и обхватила плошку руками. Её глаза расширились, когда она узнала молодой росток.

— Ох, Тэйт, это — начала она, но я перебил.

— Напоминание тебе об этом вечере, — сказал я, чувствуя, как внутри всё сжимается. — И о том

Она внимательно посмотрела на меня, ожидая продолжения. А я от её взгляда — и от того, что сейчас собирался сказать — почувствовал, как внутри что-то переворачивается.

— О том, что ты особенная для меня, — выдохнул я. —
Ведь ты — первая, кого я сюда впустил.

Глава 14

Другие люди. Другой город. Другая атмосфера — и, соответственно, другая жизнь. Работа в Камберленде влияла на меня положительно: давала рост, самореализацию, требовала концентрации и усердия, отвлекая от лишних мыслей и что главное, принося неплохой достаток.

В последнее время я часто ловил себя на мысли, что в целом всё хорошо, всё налаживается. Так оно и было.

Отношения с родителями, особенно с отцом, наладились. С Райли мы тоже нашли общий язык, а по поводу совместных вылазок даже пришли к компромиссу: я согласился ходить с ним в тренажёрный зал на первом этаже нашего отеля. Эмоционально я стал стабильнее, внешне окреп, что мне особенно нравилось. И, что немаловажно, общение со Сюзии каким-то образом сделало меня спокойнее.

Конечно, я не переставал думать об Алексе — но уже не так часто, как раньше, скорее, иногда. Когда всё перестало быть таким уж плохим, я вспоминал её без прежней боли, хотя она ещё оставалась во мне. Наоборот, я даже был благодарен ей. Решил, что всё, что происходит сейчас — возможно, это переход к чему-то лучшему. Более счастливому. Я принял то, что она была частью моей жизни. И я благодарен ей за это.

Алекса научила меня быть холоднее, не раскрывать серд-

це так быстро, не вручать его в чужие руки. Истинная любовь не бесчинствует, она не требует крови и не разрывает душу на части. Она приходит тихо, остаётся надолго и не заставляет терять себя. Сейчас я начинаю это понимать. Моя первая любовь была до сумасшествия сильной и безрассудной, но на то она и первая — чтобы быть поучительной и безответной. Где-то очень глубоко, где боль уже не так остра, я благодарен ей за то, что теперь знаю, чего хочу и что мне на самом деле нужно.

Надеюсь, и я её чему-то научил.

А пока, сидя в офисе за монитором, я смотрел на дату в нижнем правом углу экрана. Пятнадцатое ноября. Пятница. Я не был дома уже полтора месяца. Родители знали, что я откладываю деньги, и не требовали моего скорого приезда. Мама, конечно, каждый раз спрашивала по телефону, когда я загляну, но, услышав обещание приехать на Рождество, становилась спокойнее. Так же, как и девушка, с которой даже на расстоянии связь крепчала.

Не было ни дня, чтобы мы не общались, и я не чувствовал себя одиноким. Сьюзи окружила меня вниманием и женской заботой. Наше общение эволюционировало от простых фотографий и смешных видео до вопросов: «Ты сегодня ел?», «Ты тепло одета?», «Как ты себя чувствуешь?».

Иногда я думаю: каково бы мне было, если бы она не появилась в моей жизни? Конечно, я, как и раньше, проводил бы время один, много читал и копался в себе. Но, узнав, ка-

ково это — быть для кого-то важным, я больше не хочу прятаться и быть одиноким. Заботиться о ком-то, разделять интересы, спорить, делиться мнением — это самое прекрасное, что я ощущал.

А ещё я чувствовал, что мне её не хватает. Я скучал по нашим прогулкам, по разговорам о чём-то высоком и глубинном, а иногда — очень глупом. По тому, как она смеялась, запрокинув голову, и как замолкала, глядя на звёзды. По тому, как в её глазах загорался огонёк, когда она рассказывала о своих мечтах.

Именно эти глаза я видел сейчас перед собой, глядя на экран монитора. На нём отражались таблицы, графики, цифры. Но вместо того, чтобы анализировать данные, я смотрел сквозь них и думал о ней.

В это же время, судя по входящему сообщению в маленьком окошке снизу справа, Сьюзи тоже думала обо мне.

— Эй! Ты всё ещё на работе?

Я открыл диалог и быстро напечатал:

— Да, осталось пятнадцать минут, и свобода!

— Супер! — в конце стоял улыбающийся смайлик.

Окошко с новым сообщением пропало, а через секунду появилось снова.

— Знаешь, на фотографии здание, в котором твой офис, выглядело куда более тёмным.

Я нахмурился, перечитывая сообщение. Уставший мозг к концу дня уже не мог так быстро обрабатывать информацию,

но сердце через пару секунд пропустило два быстрых удара, а мозг подхватил мысль, заставляя кровь бежать быстрее.

— Сьюзи? Это то, о чём я думаю? — быстро напечатал я, чувствуя, как ладони начинают потеть.

— В зависимости от того, о чём ты думаешь, — она кокетливо поставила подмигивающий смайлик.

Я не успел даже спросить: «Неужели ты здесь? Приехала в Камберленд ради меня?», как пришло новое сообщение.

— Пятнадцать минут, Тэйт, — со скобочкой в конце.

Внутри что-то зашевелилось, видимо, те самые бабочки, о которых все говорят. Усталость улетучилась, а на смену ей пришла дикая энергия. В офисе защёлкали крышки ноутбуков, зашуршали куртки — люди стали собираться. Кто-то уже прощался, направляясь к выходу. А я сидел и до сих пор не мог поверить, что она здесь. Она приехала ко мне.

Эта другая жизнь, несмотря на все её плюсы, всё же была мне чужда. Но человек из моего города, приехавший ко мне, ощущался самым родным.

Я на автомате выключил компьютер, схватил пальто и сумку, даже не глядя, всё ли взял, и почти бегом направился к лифту, на ходу накидывая на шею шарф. Каждый этаж растягивался в вечность. Я смотрел на сменяющиеся друг друга цифры и мысленно их отсчитывал. Три два один.

Двери открылись, я шагнул в холл и, не оглядываясь, направился к выходу. И как только вышел на улицу, в этот холодный ноябрьский воздух с первыми срывающимися с неба

снежинками, я увидел её. Через дорогу, у серого внедорожника, стояла Сьюзи, облокотившись на водительскую дверь. За рулём сидела Гвен, погружённая в чтение каких-то бумаг. Сьюзи сразу заметила меня, подняла руку и помахала. Её улыбка, её лёгкая энергия сразу окутали меня, поместили в кокон, в котором было тепло, несмотря на лёгкий мороз. Я поднял воротник пальто и, дождавшись зелёного света, широкими шагами направился к ней.

— Сьюз — только и успел сказать, как она обхватила мою шею руками, крепко прижимаясь ко мне.

— Тэйт — прошептала она на ухо, и голос её дрожал от счастья.

— Ты сумасшедшая, — сказал я чуть хрипло, проводя рукой по её волосам.

Как же я был рад её видеть. Я и сам не ожидал, что так сильно соскучился. Она пахла ванилью, мятой и чем-то таким родным, отчего сердце сжималось и рвалось наружу.

— Это точно, — донёсся насмешливый голос из приоткрытого окна. Гвен сидела за рулём, придерживая папку с документами. — Стоило ей услышать, что я еду в Камберленд, она тут же напросилась со мной. Даже Рокси оставила дома.

— Что? — я отстранился, глядя на Сьюзи. — Ты правда оставила свою любимицу одну ради меня?

— Нет, — она поправила мне воротник пальто, улыбаясь. — Я попросила Джона присмотреть за ней. Завтра мы уже

вернёмся, но я так хотела тебя увидеть.

Я смотрел на неё, на снежинки, тающие в её волосах, и не мог поверить своему счастью. Она промчалась несколько часов в машине с сестрой, чтобы провести со мной всего один вечер.

— Я тоже, — сказал я с нежностью, убирая прядь волос, зацепившуюся за пуговицу моего пальто.

— Всё это, конечно, мило, — приблизившись к окну, позвала Гвен, — но, Тэйт, в ваш отель можно поселиться просто так? Или это что-то вроде частного?

— Можно. Нам отведён только один этаж. Он здесь, в десяти минутах ходьбы.

— Супер! Тогда садитесь, я вас подвезу, оплачу нам номер и поеду дальше.

Через пять минут мы уже были в отеле. Сестёр поселили на несколько этажей ниже. Я помог донести их небольшие сумки, заметив нервозность Гвен и нетерпение Сьюзи.

— Так, сейчас начало седьмого, — Гвен взглянула на часы. — Я вернусь через пару часов. Вы куда-нибудь пойдёте?

Сьюзи посмотрела на меня с надеждой, что у меня есть план. Но кроме банального я ничего не придумал.

— Ты голодна? Я знаю кофейню, где готовят блинчики и делают отличный какао, — спросил я, и она кивнула.

— Отлично! — не отрываясь от телефона, пробубнила Гвен. — Тэйт, позаботься о ней. А ты, — она строго посмотрела на сестру, — будь на связи и надень шапку.

— Хорошо, мамочка, — скривившись, ответила Сьюзи.

Мы вышли на улицу, и ноябрьский холод обдал нас свежестью. Сьюзи натянула вязаную шапку по самые брови, и я невольно улыбнулся — она выглядела такой смешной с торчащими прядями. Я взял её за руку, и мы медленно пошли в сторону кофейни.

В кафе было тепло и тихо — играла негромкая джазовая музыка, за окном кружились снежинки. Мы заказали два какао с зефиром, горячие блинчики и вишнёвый пирог. Сьюзи с наслаждением откусывала от пирога, закрывая глаза, а я смотрел на неё и чувствовал, как внутри разливается спокойствие, которого так долго не хватало.

— Это лучшее какао в моей жизни, — сказала она, облизывая ложку.

— Ты так говоришь, потому что голодная, — усмехнулся я.

— Нет, — она покачала головой. — Правда!

Я заметил на её верхней губе молочную пенку. Не думая, протянул руку и большим пальцем аккуратно стёр её. Кожа под пальцем была мягкой, тёплой, и я почувствовал, как она замерла.

Сьюзи опустила глаза, пряча улыбку, и я увидел, как её щёки залил лёгкий румянец — то ли от смущения, то ли от тепла в кафе.

Она такая милая.

Согревшись и поужинав, я устроил ей небольшую экскур-

сию по городу. На улице снег уже падал большими хлопьями, укрывая тротуары белым пушистым ковром. Мы гуляли без цели — просто бродили по улицам, заглядывали в витрины, разглядывали гирлянды, которые уже начали развешивать к праздникам.

— Здесь так красиво, — сказала она, останавливаясь у витрины антикварного магазина. — У нас такого нет.

— Да, Камберленд — старый город, — ответил я. — Но в этом и вся его прелесть. Он помнит историю.

Она взяла меня под руку, и мы пошли дальше. Миновали старую ратушу, сквер с ещё не украшенной ёлкой и маленький мост через реку. Город жил своей предпраздничной жизнью: витрины сияли огнями, из кафе доносилась музыка, прохожие спешили по делам, кутаясь в шарфы и пальто.

Когда холод становился слишком назойливым, ныряли в тёплые торговые центры, бродили по маленьким магазинчикам, рассматривали безделушки, примеряли смешные шапки и фотографировали друг друга.

Так, болтая о книгах и писателях, мы забрели в старый книжный с высокими стеллажами и запахом типографской краски, где время, казалось, текло иначе. Провели там больше часа. Сюзи увлечённо листала бизнес-литературу, выбирая книги по учёбе, а я бродил между рядами с художественной прозой. В итоге взял несколько для домашнего чтения — томик стихов и старый детектив.

Выйдя из книжного, мы зашли в магазин одежды. Сюзи

принялась перебирать вешалки, прикладывая вещи к себе, вертелась перед зеркалом и советовалась, какой свитер лучше.

— Так какой? — спросила она, поднимая на меня глаза.

— Я в этом не особо разбираюсь, — усмехнулся я.

— А зря. Мужской взгляд иногда полезнее всего, чему учат в бизнес-школе.

— Тебе всё идёт, — не соврал я.

— Врунишка. О, смотри! — она показала на столик с парными свитерами.

Я подошёл и увидел, как она поглаживает тёмно-зелёный свитер — тонкий, мягкий, с аккуратными рядами вязки. Девушка провела пальцами по ткани, и в её глазах загорелся тот самый огонёк.

— Он такой красивый. И мягкий

Мимо проходил продавец. Сюзи спохватилась:

— Простите! Можно купить один свитер из комплекта?

Мужчина с бейджем осмотрел меня, потом перевёл взгляд на неё и с грустью покачал головой:

— Можно, но цена будет значительно выше.

Она тут же отпустила свитер, будто обжёгшись, и виновато посмотрела на меня.

— Спасибо, — сказала она и сделала шаг назад. — Пойдём?

— Подожди, — я положил руку на её плечо. — Давай купим оба.

— Что? Зачем?

— Мне как раз нужен новый свитер, — разглядывая второй, такого же цвета, но большего размера. — А ты, кажется, влюбилась в этот.

Она открыла рот, чтобы возразить, но я уже подзвал продавца.

— Упакуйте, пожалуйста, этот комплект, — сказал я, доставая карту.

— Тэйт, не надо

— Надо, — улыбнулся я. — Тем более представь, как Гвен будет завидовать.

На лице девушки появилась ехидная улыбка.

Довольные и с покупками, мы погуляли ещё пару часов, выпили в другом кафе по чашке чая со сладостями, а после, уставшие, но счастливые, отправились в отель.

У лифта мы замялись. Сюзи теребила ручку крафтового пакета, глядя в пол. Этот вечер был прекрасен, и заканчивать его так я не хотел.

— Хочешь, покажу свой номер? — спросил я, нажав цифру девять, когда мы оказались в лифте. — Заодно и с соседом познакомлю.

— Конечно, — с радостью ответила она и словно выдохнула с облегчением.

Она тоже не хотела расставаться.

Глава 15

Лифт мягко остановился, двери бесшумно разъехались. Я повёл Сьюзи по длинному коридору, где в воздухе витал терпкий аромат мужских древесных духов, который доносился прямо из моего номера. Это могло означать только одно: Райли готовился к свиданию.

Пропуская девушку вперёд, я зашёл следом и увидел, что сосед стоит посреди комнаты в расстёгнутой рубашке, нанося гель для волос. Заметив нас, он замер с рукой, застывшей в воздухе.

— О, Тэйт, ты не один, — перевёл взгляд на Сьюзи и тут же поправил воротник, принимая более презентабельный вид. — Привет, прекрасная незнакомка.

— Это Сьюзи, — представил я, глядя на соседа пристально и ощущая, как внутри задвигалось неприятное чувство. — Сьюзи, это Райли, мой сосед.

Девушка вежливо улыбнулась, оглядывая комнату. Райли, пользуясь тем, что она отвернулась, принялся осматривать её с ног до головы и отчаянно жестиковать за её спиной: сложил руки домиком, показывая на неё, потом на меня, затем приложил ладони к груди, изображая бьющееся сердце. Мне и раньше иногда хотелось его несильно толкнуть или двинуть, но сейчас это желание стало намного ярче.

— Так, — громко сказал он, привлекая внимание Сью-

зи. — Меня тут ждёт Стэйси, — задумался сосед, приставив палец к виску. — То есть Саммер. А нет, Скарлетт, точно Скарлетт. В общем, одна очень важная девушка ждёт меня внизу. Так что я побежал.

Он схватил с кровати куртку, на ходу застёгивая рубашку, и уже у двери обернулся:

— Тэйт, не жди меня сегодня. Я не вернусь. Комната в вашем полном распоряжении, — и, подмигнув мне, Райли исчез за дверью, оставив нас наедине.

На пару секунд воцарилась тишина, а после Сьюзи повернулась ко мне, приподняв бровь:

— Интересный у тебя сосед.

— Да уж, — ответил я, чувствуя неловкость. — Чай?

— Давай, — улыбнулась она, садясь на край моей кровати и ставя пакет с покупками рядом.

Оставив её одну в комнате, я быстро сходил в кафетерий на нашем этаже и купил два чая с листьями смородины. Когда вернулся, Сьюзи уже стояла напротив шкафа, на котором висело небольшое зеркало, и крутилась в новом, только что купленном тёмно-зелёном свитере. Она разглядывала себя, поворачиваясь, то и дело собирая волосы в хвост, то раскидывая их по плечам.

— Как же с ними сложно! — запрокинув голову, смешно прорычала она, зачёсывая пряди пальцами вверх.

— А мне нравится, — сказал я, беря из подстаканника стаканчик с горячим чаем, не отрывая глаз от девушки. Но

когда взгляд затянулся, а пальцы от стаканчика начали гореть, я наконец опустил чай на стол, зашипел, прислонил палец к уху и, глядя на всё ещё сдерживающую смех девушку, добавил: — Я имею в виду, что свитер тебе очень идёт.

Девушка с блеском в глазах протянула мне мой пакет.

— Наденешь? Хочу сделать фото.

— Ты очень любишь фотографировать, — усмехнулся я.

— Пока мы шли, сколько снимков ты сделала на телефон?

Пятьдесят? Сто?

— Около того, — кивнула она, поправляя рукав. — Фотографии — это память. Я, наверное, ужасно сентиментальна, но кроме них о счастливых днях в дальнейшем больше ничего не останется.

— Безусловно, глубокая и философская мысль, — подметил я, за что получил сразу несильный шлепок по плечу. — Хорошо, — засмеялся я. — Сейчас примерим.

Я аккуратно достал свитер и натянул его прямо на тонкую водолазку через голову.

— Ну как?

— Просто отпад, — с восхищением протянула она, подходя ближе. — На его фоне твои волосы такие яркие. Иди сюда.

Она взяла меня за руку и притянула к шкафу.

— Сделаем фото в зеркале.

Сьюзи встала чуть спереди, так что я оказался сзади. Одной рукой, огибая шею, я обнял её, а она прислонилась ко

мне. В одинаковых свитерах мы смотрелись органично. Совместные фотографии множились, и я не мог не заметить, как естественно мы выглядим вместе. Будто всегда были рядом. Словно счастливая пара

— Смотри, — она показала мне снимок, и я кивнул, одобряя. Затем она нащёлкала ещё несколько селфи — со мной и без, а когда закончила, открыла свой профиль в соцсети и принялась публиковать некоторые.

— Схожу в душ, а потом, может, посмотрим фильм? — спросил я, глядя, как девушка, скрестив ноги, усаживается на мою кровать, совершенно не отрываясь от экрана. Сюзи что-то неразборчиво промычала в ответ, а я взял полотенце и уже на выходе из комнаты попросил её найти какой-нибудь фильм, но она так была увлечена фотографиями, что вряд ли меня расслышала.

Когда я вернулся, Сюзи всё так же сидела на кровати, но уже с моим ноутбуком на ногах и своим телефоном у уха.

— Кажется, она меня решила кинуть, — донеслось до меня, когда я вытирал полотенцем мокрые волосы.

— Гвен? — спросил я, садясь рядом.

— Да. Если дело касается работы, она беспощадна, готова ночевать на ней. Что в целом сегодня она и делает

Она сбросила звонок, отложила телефон и повернулась ко мне:

— О, Тэйт, прости меня за моё любопытство, — начала она, и в голосе её послышалось смущение. — Я не смогла

сдержаться и увидела это.

Она повернула ноутбук ко мне, и я замер.

— Кто это?

На весь экран горела та самая фотография, которую я обрезал, убрав Наоми. Девушка, которая была частью моей жизни. Та, чей призрак живёт со мной целый год. Вот кто это.

— Это моя знакомая, — ответил я спокойно, вставая с кровати, хотя внутри всё задрожало, будто меня поймали с поличным.

— Красивая, — задумчиво констатировала Сьюзи, явно разглядывая фотографию. — Вы друзья?

Друзья? Мы? Едва ли. Нас связывали странные отношения, в которых не было ни дружбы, ни любви, ни доверия. Мне вдруг так сильно захотелось рассказать ей всё, вывалить как на духу — всю боль и обиду, которые хоть и притихли, но никуда не делись. Хотелось узнать женское мнение, но я не хотел смешивать эти две разные истории. С Алексой мы никогда не дружили, а со Сьюзи дружба была чистой и крепкой. Но не настолько, чтобы вскрывать едва затянувшуюся рану. Поэтому я сказал то, что, хоть и звучало странно, было отчасти правдой.

— Мы учились в одной школе. Она из тех, с кем судьба была жестока — потеряла родителей. Сначала отца, а совсем недавно и мать. Мы виделись, когда она приезжала на похороны, и с тех пор не общались.

Я поспешил скрыться в ванной, надеясь, что этой информации Сьюзи хватит. Женский мозг невероятно любопытен, но нельзя её за это винить. Я просто хотел больше не возвращаться к этой теме. Никогда.

Я закрыл глаза и прижался лбом к прохладному кафелю. Вдох. Выдох. С каждым разом я пытался вытолкнуть из головы её лицо, но оно возвращалось снова и снова — чёрные волосы, прямой взгляд, полуулыбка, которая всегда означала, что она знает что-то, чего не знаю я. Я открыл кран и плеснул в лицо ледяной водой. Стало легче. Ровно настолько, чтобы вернуться в комнату и притвориться, что всё в порядке.

— Как насчёт комедии? — через минуту крикнула Сьюзи, и я выдохнул, возвращаясь в комнату.

Кино я предпочитал книгам, поэтому редко что-то смотрел и вообще был не в курсе новинок. Комедия «Пальма-Спрингс», которую мы смотрели лёжа на кровати с ноутбуком на моих коленях, судя по смеху девушки, была невероятно смешной. Она заливалась, когда главные герои застревали во временной петле, и хлопала меня по руке в самых забавных моментах.

Я смотрел на экран, но не видел ни лица актёров, ни сюжета. Все мои попытки сосредоточиться тонули в одной-единственной картинке — фотографии Алексы, которая, как назло, всплывала в голове каждую минуту.

Я злился. Очень злился, но не на Сьюзи, которая увиде-

ла фото. Нет. Злость была направлена на самую Алексу. Она, словно специально, возникала в самые неподходящие моменты, не давала мне забыть её, не отпускала, всё равно оставаясь в моей голове. Словно знала, когда я спокоен, когда рад, и напоминала о себе, не позволяя быть счастливым. А ведь сейчас я был по-настоящему счастлив.

Счастлив

Да. Я был счастлив без неё.

Но почему же всё ещё так больно, когда я вспоминаю о ней?

Несмотря на то, что я злился на Алексу, больше и сильнее я злился на себя. Потому что в большинстве случаев сам призывал её образ. Я продолжал жить с призраком, которого сам же и придумал. Я недостаточно старался, чтобы вычеркнуть тот период из своей жизни. И даже сейчас, проводя время с другой девушкой, я был сосредоточен не на ней и не на фильме, а на той, кто жила свою жизнь без мыслей обо мне.

Я решил, что пора заканчивать с этим и возвращаться к реальным людям, к Сьюзи. Но решение принял слишком поздно. Несмотря на то, что прошла только половина фильма, Сьюзи уже сладко спала на моём плече.

Картина на экране вдруг стала просто фоном, и даже сквозь реплики героев мои мысли были намного громче. Я медленно повернул голову, боясь, что даже это движение её разбудит. Её лицо было так близко, что я видел каждую родинку, каждый едва заметный шрам на лбу — она рассказы-

вала, что получила их, когда упала со скейта, и тогда я впервые понял, что даже её шрамы кажутся мне красивыми.

На ней не было ни капли косметики, брови и ресницы такие естественные, что хотелось провести по ним пальцем. Губы — слегка приоткрытые, тёплые, я помнил, как стирал с них пенку от какао. Кожа — с едва заметными веснушками, которые становились ярче летом, а сейчас едва проглядывались в мягком свете ночника.

Такая красивая и такая другая. В ней не было ни капли той мрачной, притягательной дикости, которая так манила меня в Алексе.

Я вдруг засмотрелся и принялся сравнивать их мысленно.

У Алексы были чёрные прямые волосы, безупречно ровные и строгие. У Сьюзи — русые, мягкие, с волнистыми прядями. Алекса была импульсивной, местами даже взбалмошной, и меланхоличной, а Сьюзи — весёлой, спокойной, мудрой. В ней была своя сила — не громкая, не показная, а глубокая, как корни старого дерева.

Алекса смотрела так, будто знала все мои слабости и не боялась их использовать, а Сьюзи — будто видела мои шрамы и не хотела их трогать, только быть рядом. С одной я чувствовал себя вечно на грани, словно ходил по канату над пропастью. С другой — мог дышать. Просто дышать, не боясь, что вдох окажется последним.

Одна меня сжигала своим огнём, другая согревала им.

Словно почувствовав мой взгляд, Сьюзи вздохнула во сне

и чуть придвинулась ближе, уткнувшись носом мне в плечо. В такой позе шевелиться было опасно — я мог разбудить её. Мне ничего не оставалось, кроме как закрыть ноутбук и оставить его лежать на коленях. Я думал, что не смогу уснуть, застыв в неудобной позе, но, к моему удивлению, под тёплое дыхание на шее провалился в сон буквально сразу.

Сон был глубоким, без сновидений, без призраков. Впервые за долгое время я просто отдыхал, чувствуя, как кто-то дышит рядом, и это дыхание убаюкивало меня, словно колыбельная.

Но сон пролетел как один миг. Я не знал, сколько точно времени, но судя по настойчивому стуку в дверь и серому виду из окна, было раннее утро. Глаза слипались, тело затекло. Сьюзи всё ещё спала на моём плече, а стук не прекращался.

Я попытался приподняться, но девушка только что-то пробурчала, сильнее сжимая мою футболку и укладывая меня назад на подушку.

— Сьюзи Брукс! — дверь распахнулась, в проёме стояла раздражённая Гвен.

Сьюзи, услышав голос сестры, тут же резко подскочила, проснувшись, и испуганно на неё посмотрела.

— Что? Что-то с Рокси?

Гвендолин закатила глаза, перекладывая сумочку на кисть.

— Только о собаке своей и думаешь! Вставай! Нам нужно через полчаса выезжать обратно!

Девушка потёрла глаза, затем зевнула.

— Который час?

— Половина восьмого! Вставай! Я ещё должна по работе заехать на небольшое совещание, ты меня задерживаешь!

— Ну так езжай на своё собрание, я-то тебе зачем? — укладываясь обратно на подушку, произнесла Сьюзи.

Гвен не выдержала и почти что закричала:

— Сьюзен! Если я опоздаю, меня потом очень долго и очень жёстко

— Женщина, вы перепутали отель с рынком? — раздался позади Гвен спокойный, чуть хрипловатый голос.

Девушка обернулась. В дверях стоял Райли, прислонившись плечом к косяку. Его вид был красноречивым. На шее красовались несколько фиолетовых пятен — следы страстной ночи, которые он даже не пытался скрыть. Волосы взлохмачены, рубашка расстёгнута на две пуговицы, на губах играла самодовольная улыбка.

Гвен замерла, уставившись на него, и я заметил, как её глаза скользнули по его шее, задержавшись на засосах.

— А вы с больницей? Она в трёх кварталах, — холодно произнесла она, полностью поворачиваясь к нему с вызовом.

Райли усмехнулся, ничуть не смутившись.

— А вы, я смотрю, заботитесь о моём здоровье? Как трогательно. Но я предпочитаю лечиться другими методами. Более, — он растянулся в улыбке, — приятными.

— Уже половина восьмого утра, — отрезала Гвен, пере-

кладывая вес тела на другую ногу и вскидывая подбородок.

— Для кого как, — философски заметил Райли, потягиваясь. — Для меня всё ещё ночь, я не ложился, — он слегка наклонился вперёд. Обычный метод Райли, когда он удерживает зрительный контакт, очаровывая девушек.

Гвен окинула его взглядом с ног до головы, и я заметил, как её губы дрогнули в лёгкой усмешке.

— Мне не интересна ваша личная жизнь, — скучающе произнесла она, рассматривая свой маникюр.

— А мне ваша — очень, — Райли подошёл к Гвен ещё ближе с лёгкой усмешкой. — Вы такая злая, потому что у вас давно не было мужчины? — он намотал на палец прядь её волос, ожидая, что она смутится или растеряется.

Но Гвен не растерялась. Грубо откинув его руку, она посмотрела на него долгим, ледяным взглядом, а потом усмехнулась, поправляя волосы.

— Молодой человек, — начала она медленно, чеканя каждое слово, — во-первых, моя личная жизнь — это не ваше дело. Во-вторых, даже если бы у меня не было мужчины, это не повод бросаться на первого встречного.

Райли открыл рот, чтобы что-то сказать, но она перебила:

— И в-третьих, если вы думаете, что женщина становится злой от отсутствия мужчины, то вы глубоко заблуждаетесь. Злой женщина становится от присутствия таких мужчин, которые думают, что их главное достоинство — это умение оставлять следы на чужих шеях.

Райли расхохотался, запрокинув голову.

— Вау — сквозь смех произнёс сосед. — Ты клёвая. Реально клёвая.

Он протянул ей руку, но Гвен лишь недовольно фыркнула, даже не взглянув на его ладонь.

— Меня зовут Райли, — не сдаваясь, произнёс он. — Я люблю длинные прогулки, ужасы и девушек с острым языком. Приятно познакомиться.

— А меня зовут «Сьюзи, вставай!» — раздражённым голосом произнесла она, повернувшись к нам. — Я жду тебя в нашем номере через две минуты! И не секундой позже!

С этими словами она толкнула Райли плечом, бесцеремонно убрав его с прохода, и вышла из комнаты. Сосед проводил её взглядом, довольно ухмыляясь и нагло изучая её фигуру со спины, а когда она скрылась, вернулся к нам.

— Твоя сестра?

— Моя, — смиренно вздохнула Сьюзи, натягивая свитер. — Она, если что, всегда такая.

— Жаль, — Райли подмигнул мне, падая на свою кровать и заводя руки за голову с мечтательным видом. — Такая бы была бы весёлая жизнь.

Я ничего не ответил, только улыбнулся. Глядя на то, как Гвен его осадил, я подумал, что Райли это было даже полезно.

Через пятнадцать минут, когда я помог сёстрам с сумками, мы стояли у машины со Сьюзи, пока Гвен прогревала

двигатель.

— Спасибо за вечер, Тэйт, — сказала она тихо. — Он был особенным. Жаль, что мы так и не узнали, чем там всё закончилось в фильме.

— Я вернусь на Рождество, — ответил я. — И мы досмотрим. Обещаю.

Мы попрощались, и после началась череда нервных, загруженных работой дней перед Рождеством и Новым годом.

В офисе кипела жизнь — все сдавали отчёты, закрывали проекты, подписывали последние документы перед праздниками. Я засиживался допоздна, проверяя цифры, сверяя графики, готовясь к итоговым презентациям. За окном темнело рано, снег падал хлопьями, укрывая улицы белым пушистым одеялом, но у меня не было времени любоваться видами. Только работа, работа и ещё раз работа.

Райли в последнее время изменился. Он стал реже пропадать по ночам, меньше хвастаться новыми знакомствами и чаще засиживаться в комнате с ноутбуком. Его тумбочка опустела — исчезли визитки баров, забытые женские заколки и прочие атрибуты бурной жизни. Я не придавал этому значения, пока однажды вечером, когда я разбирал почту, он не спросил:

— Слушай, а Сьюзи ещё приедет к тебе? До Рождества?

Я поднял голову от ноутбука. Он сидел на своей кровати, делая вид, что читает какой-то отчёт, но я видел, что взгляд у него отсутствующий.

— Нет, — ответил я. — Я сам поеду домой на Рождество.

— А её сестра? — спросил он, и в голосе послышалась плохо скрытая надежда. — Она тоже не приедет?

Я усмехнулся. Так вот оно что.

— Может, и приедет, но вряд ли она захочет зайти к нам в гости.

— Ну да, точно, — пробубнил Райли и принялся активно клацать мышкой, делая вид, что увлечён работой.

Кажется, Гвен сумела оставить незабываемое впечатление. Нужно будет ей передать, когда вернусь домой.

Дом.

Это слово отозвалось в груди чем-то тёплым и щемящим одновременно. Я так сильно соскучился! По маминым пирогам, по её вечным вопросам, по тому, как она поправляет мне воротник, даже если он в идеальном порядке. По отцу — по его молчаливому присутствию, по редким, но важным разговорам, по тому, как он кладёт руку на плечо, когда хочет поддержать. Безумно по Сьюзи и особенно по Джону.

Тот, кстати, недавно звонил. Спросил, когда я приеду, и предупредил, что на праздники тоже будет дома.

Двадцать третьего декабря, держа в руках телефон, на котором горело сообщение: «Жду тебя, пастор», я выходил из дома, чтобы наконец встретиться с другом. Компанию мне составляла Сьюзи, которая была всегда рядом, а где-то вдалеке носилась Рокси, взбудораженная снегом и запахами приближающегося Рождества.

Всё вернулось на круги своя. Но когда всё стало именно таким? Когда всё переменялось настолько, что привычная жизнь стала жизнью рядом с людьми, которых я не знал раньше, а те, кого я знал годами, отошли на второй план? Я никогда не думал об этом. Уверен, люди вообще об этом не задумываются — просто живут, смотря вперёд.

Но когда я услышал голос той, чьё место всегда было здесь, а теперь она казалась гостьей, — той, кого я так долго надеялся увидеть, я словно вернулся в прошлое. В то время, где всё казалось другим, но для тех дней было таким же нормальным.

И я уже почти бежал к ней навстречу, не веря своим ушам.

— Никаких изменений нет, по крайней мере, глобальных. Ну, разве что пара досок на крыльце отвалилась, да перила шатаются, а в остальном дом в порядке. Этому ублюдку больше нет интереса вредить тебе через него.

— Хорошо, — с облегчением ответила я. — А в целом как там?

— Да всё по-старому, ничего не изменилось. Снега навалило и ой!

В трубке неожиданно раздался громкий, залиvistый собачий лай.

— Эби? Эби! Всё нормально? — встревоженно спросила я, прижимая телефон к уху и вслушиваясь в каждый звук.

Лай не прекращался.

— Да здесь чья-то большая рыжая собака. С ошейником,
— голос Эби звучал напряжённо, но без паники.

— Она агрессивная? Бросается? Стой на месте и не маши руками! — выпалила я, инстинктивно поднимаясь с места.

— Нет, кажется, она сама меня боится, — с удивлением произнесла Эби, и я услышала, как её дыхание постепенно выравнивается.

— Рядом нет никого? — спросила я, пытаюсь представить обстановку.

— Нет, только какая-то парочка идёт за руки.

— Попроси их помочь.

— О, девушка бежит ко мне с поводком в руке, кажется, это хозяйка, — сказала Эби, и я представила, как она облегчённо выдыхает.

— Какая безответственность! — вот так отпускать собаку с поводка, чтобы та кидалась на прохожих и не давала проходу, — проворчала я, усаживаясь на диван.

В трубке стало тихо. Ни лая, ни голоса Эби. Только шорох и какие-то отдалённые звуки.

— Эби? — позвала я, чувствуя, как внутри нарастает тревога. — Эби, ты тут?

Сквозь шуршание я услышала её быстрый, почти испуганный шёпот:

— С ней Тэйт.

Грудную клетку сжало так, что я на секунду забыла, как

дышать. Замерев, вцепилась в телефон так, словно цеплялась за человека, который мог исчезнуть в любую секунду. В трубке слышала только возню, шорох и далёкие голоса, в которых пыталась уловить тот самый. Единственный.

— Не бросай трубку! — прошептала я быстро. Ноги вдруг перестали меня слушаться, и я опустилась на пол, прислоняясь спиной к дивану, чувствуя, как холодный паркет обжигает ладони. Воздуха катастрофически не хватало. Я прижала телефон к уху и замерла, боясь пошевелиться, боясь, что связь оборвётся.

А потом я услышала его.

— Эби! — произнёс знакомый и родной голос.

Тэйт

Сердце бешено застучало.

Потом снова шорох — одежда, шаги, возможно, объятия. Я представила, как он обнимает её. Как прижимает к себе, и сама по себе на лице появилась улыбка.

— Тэйт! Я так рада тебя видеть, боже — голос Эби дрожал от счастья, и я слышала, как она улыбается.

И снова шорох, и звук проезжающей мимо машины. Я слышала голоса, какой-то диалог, но как ни вслушивалась — не могла разобрать слов. Я уже начинала злиться. Искусанная губа горела, на ней выступила кровь. Но через минуту шорох и уличный гам стихли, и я отчётливо услышала:

— Знакомься, это Сьюзи Брукс.

Это... Сьюзи Брукс...

— Привет, — раздался нежный, молодой женский голос.

— Тэйт много о тебе рассказывал.

Тэйт... рассказывал...

Руки задрожали. Внутри словно что-то рухнуло. Я не знаю, как описать это чувство, но оно было совсем не таким, как в тот день, когда я оставила его одного в его комнате. Тогда я, наверное, ещё надеялась на что-то. Или просто не осознавала, что он не будет всю жизнь один. А сейчас

Я ничего не слышала — ни в трубке, ни вокруг. Гудки были такими громкими, что вывели меня из оцепенения. Эби сбросила звонок. То ли связь оборвалась, то ли она не хотела, чтобы я услышала что-то ещё.

Сьюзи Брукс... Сьюзи... Брукс...

Я крутила это имя в голове, пытаюсь понять, кто она. Если бы она была из нашего городка, Эби знала бы её, но нет. Она чья-то родственница? Приезжая?

Шанс был мал, но сердцу было плевать. Я оставила телефон на полу, вскочила, схватила ноутбук мёртвой хваткой и села обратно.

Сьюзи Брукс Надеюсь, в её профиле указан наш городок. Мне бы не хотелось просматривать страницы всех девушек с таким именем в США. Хотя, если честно, сойдя с ума, я бы, наверное, и это сделала. А пока я вбивала название нашего городка трясущимися пальцами, надеясь на одно: не увидеть там

Тэйт

— О, боже — пронеслось в голове.

В её ленте, кроме собаки, были фотографии с Тэйтом. Вот они стоят на фоне сада. Вот они гуляют по городу. Вот они в одинаковых свитерах, обнявшись, смотрят в зеркало. Я всматривалась в каждую деталь, увеличивала, отдаляла, ли- стала все её снимки. И отмечала, как рядом с ней улыбается он.

Прошло меньше года, а он уже забыл меня?

Сердце разрывалось от обиды. И вместе с тем внутри за- кипала злость. Необузданная, дикая, растущая с каждой се- кундой.

Дышать становилось труднее. В школе у меня пару раз случались панические атаки — я знаю это чувство, когда хватаешь воздух, как рыба, выброшенная на берег. Но сей- час я не дышала, потому что внутри всё кипело. Меня рвало на части.

Я хотела поговорить с ним. Спросить. Выяснить, кто она. И почему человек, который говорил мне о чувствах, которые были сильнее смерти, так легко меня забыл?

Я захлопнула с силой крышку ноутбука и вскочила на но- ги. словно в тумане набрала номер Эби. Послышались гуд- ки.

Первый

Тэйт Колфилд! Какой же ты обманщик!

Второй

Ты мстишь мне за всю ту боль, что я тебе причинила?

Третий

Я ненавижу тебя! Ненавижу!

Четвёртый гудок телефон уже не произнёс. Отлетев от стены, он с глухим стуком ударился об пол, разлетевшись сеткой трещин по дисплею. А следом за ним камнем на пол упала и я.

Мир не рухнул. Не сгорел. Не исчез с лица земли. За окном продолжала кипеть жизнь большого города — равнодушная, шумная, чужая. Где-то в коридоре смеялись люди. За окном сигналила машина. Кто-то включил музыку на полную громкость. А я лежала на холодном полу и ненавидела их всех. За то, что они продолжают жить, будто ничего не случилось. Будто у меня внутри только что что-то умерло.

За всю свою жизнь я никогда не чувствовала такой душевраздирающей злости. Даже когда мать третировала меня, унижала, делала больно — я продолжала тихо ненавидеть её, но эта ненависть была холодной, вязкой, почти привычной. А сейчас сейчас эта злость жжёт изнутри, требует выхода, хочет крушить, ломать, рвать на части всё, что попадётся под руку. И себя в том числе.

Самые близкие люди причиняют самую ужасную и сильную боль.

Но разве ангелы могут быть жестоки?

Глава 16

Я сидел на кухне в доме, который с приходом Эби сразу же ожил. Здесь снова царили порядок и уют: игрушки Лизы аккуратно сложены в корзину, а громкий звук мультиков разносится по всему пространству.

Эби расспрашивала Сьюзи о её семье, подливая чай, а я сидел как на иголках, думая лишь об одном: горит ли свет в доме на другой улице? Здесь ли она? И почему мне так хочется верить в то, что так оно и есть?

— Так что, да, осваиваемся потихоньку. Тэйт мне очень помогает, — Сьюзи положила ладонь на мою руку, и я, не расслышав, что она говорила до этого, просто машинально улыбнулся в ответ. — Думаю, мне уже пора, — сказала она, поднимаясь из-за стола. — Гвен скоро вернётся, а я обещала помочь ей с ужином.

Я встал следом.

— Я провожу.

— Не нужно, — она мягко остановила меня, положив руку на плечо. Её пальцы на секунду задержались на ткани моей рубашки. — Оставайся. Я знаю, как ты скучал по Эби. Побудьте немного вместе.

Я хотел возразить, но она уже повернулась к Эби и с искренней улыбкой произнесла:

— Было очень приятно познакомиться.

— Мне тоже, — ответила Эби. — Пойдём, я провожу тебя, помогу оттащить Джона и Лизу от Рокси.

Они вышли из кухни, и я снова опустился на стул, чувствуя, как в груди разрастается тревога. Из коридора доносились радостные вскрики Лизы — она прощалась с Рокси, потом голос Джона, который что-то сказал и засмеялся, а следом — смех Эби.

Я сидел, сцепив пальцы в замок на коленях, и нервно дёргал ногой. Один вопрос. Всего один. Ответ на него мог уничтожить меня, но неизвестность была ещё хуже — она превращала каждую минуту в пытку.

Когда хлопнула входная дверь, а голоса стихли, Эби вернулась на кухню и села на стул рядом.

— Я так рада тебя видеть, — она положила руку на мои сцепленные в замок пальцы и слегка сжала, тем самым успокаивая меня.

— До сих пор не верится, что ты здесь, — признался я, не сводя с неё глаз. За год она почти не изменилась — те же мягкие черты лица, тот же тёплый взгляд, в котором читалось столько заботы, сколько я не видел ни у кого.

— Да мне, если честно, тоже, — она улыбнулась и обвела взглядом кухню, словно видела её впервые. — Такое ощущение, будто прошло много-много лет. Не один год, а целая вечность.

— Значит у вас с Джоном всё наконец наладилось?

Эби, сидя на стуле, чуть выгнулась назад, вглядываясь

в гостиную. Удостоверившись, что Лиза и Джон увлечены мультиками, она приблизилась ко мне и заговорила тихо, почти шёпотом:

— Не совсем. С Джоном очень сложно обсуждать это и договариваться. Он срывается, психует, начинает кричать, — выдохнула она. — Но мы работаем над этим. Когда Джон привез Лизу, я предложила ему пойти к психологу, который помог бы справляться с его гневом.

— Он согласился? — удивился я.

Эби покачала головой, и я заметил, как её губы сжались в тонкую линию.

— Он сказал, что не поедет к мозгоправу, что он не больной и в силах сам справиться. К счастью, Джон понимает: постоянно возить Лизу из штата в штат — это неправильно. Он хочет, чтобы у дочери была стабильность.

— Так вы не помирились? — переспросил я, хотя уже гадавался об ответе.

— У нас сейчас что-то вроде перемирия. Мы не можем оставаться здесь, но и без друг друга мы не можем, — улыбнувшись, она отодвинулась и отпила глоток чая.

Я был рад за них, я все это время переживал за их семью, но простит меня Эби сейчас их взаимоотношения волновали меня меньше всего.

— Когда Джон приехал за Лизой во второй раз, чтобы провести с ней Рождество, он попросил меня взять несколько выходных и поехать с ним. Чтобы вместе подумать, что

делать дальше, — сказала она, и в её голосе послышалась надежда, которую она пыталась скрыть.

— Ты работаешь? — улыбнулся я, беря её руку в свою. — Кем? Где? Я звонил тебе, Эби. Я так переживал за тебя

— Я знаю, Тэйт, прости, — она сжала мою руку, и её глаза заблестели. — Мне было очень тяжело вот так приехать в чужой город, в другой штат, и выстраивать свою жизнь с нуля без образования. Я не помню, как прошёл первый месяц, постоянно была в бегах: то собирала документы для детского сада, то искала работу.

Она перевела дыхание и продолжила:

— Я устроилась помощницей бухгалтера в небольшую местную пекарню. Мир не без добрых людей. Владелица пекарни, пожилая женщина, дала мне шанс. Сначала я только сверяла накладные и считала расход муки, — рассказывала Эби, и в её голосе слышалась гордость. — А потом она показала мне, как работать с программой, как вести отчёты. Даже посоветовала курсы, которые я могу пройти онлайн. Это, конечно, не диплом экономиста, но хоть что-то.

— Тебе нравится?

— Да. Я очень сильно стараюсь. Но всё это только благодаря поддержке Ал — она осеклась, и её лицо изменилось.

Мне даже не нужно было слышать её полное имя, чтобы по телу словно разряд тока прошёл.

— Алекса, — договорил я, избегая её взгляда, чтобы она не заметила моего волнения. — Она тоже приехала?

Руки вцепились в колени, и этот жест не остался незамеченным Эби. Она покачала головой и с сожалением посмотрела на меня.

— Нет. Она осталась там.

Я выдохнул, но так и не понял, облегчение это было или разочарование. Конечно, она не приехала. Её здесь ничего не держало. Кроме воспоминаний, которые она, наверное, давно выбросила из головы, как ненужный хлам.

— Как она? — вдруг выпалил я, но стоило Эби открыть рот, как я резко отмахнулся и встал с места. — Нет, не говори. Я не хочу знать. Я

Глаза забегали по кухне. Я не знал, куда деть трясущиеся руки, в то время как внутри появлялась странная смесь чувств — сожаления и злости.

— Тэйт, — остановила мою панику Эби, подходя ближе и аккуратно обнимая меня. — Пора её отпустить.

Я отрицательно замотал головой, глядя в одну точку выше её плеча, чувствуя, как глаза начинают гореть, а горло сжимает спазм.

— Прошёл почти год, — тихо сказала Эби, поглаживая меня по спине. — Ты не должен так страдать.

— Я и не страдаю, — выдохнул я, но голос прозвучал сломленно, чуждо, как будто говорил кто-то другой.

— Ты никогда не врал, Тэйт, — мягко возразила она, не отпуская меня.

Она была права. Я всегда старался быть честным — с ро-

дителями, с Джоном, с ней, с Алексой. Особенно с Алексой. Но сейчас я врал не только Эби, но и самому себе.

— Я устал, — вырвалось у меня, и голос сорвался на хрип.

— Я так устал, Эби.

Девушка без слов прижала меня к себе крепче, и всё, что я копил внутри целый год, вырвалось наружу.

— Она ушла, а я всё равно жду её. Она всегда со мной, Эби. Её призрак, её образ — он везде, где бы я ни был. И я не могу его отпустить. Как бы ни старался жить дальше, как бы ни чувствовал себя хорошо с кем-то, стоит мне остаться одному — и она возвращается. Я — я остановился, чувствуя, как слёзы душат меня. — Мне так тебя не хватало, Эби.

Дав волю эмоциям, я уткнулся в её хрупкое плечо и задрожал, пряча стыдливые мужские слёзы. Эби молча приняла меня в объятия, успокаивая точно так же, как в те далёкие школьные времена, когда я еле плелся домой со сломанным ребром. В тот день, когда Шон со своей компанией искусно вымещали на мне всю свою ненависть к моей вере.

Тогда мы знали друг друга только как соседи. Она была старше, вращалась в другой компании, и мы никогда не общались. Но именно она, увидев меня, согнувшегося пополам от боли, бредущего по обочине дороги, помогла мне дойти до дома. Именно она, придерживая меня за руку, пыталась отвлечь от боли дурацкими шутками, которые превращали слёзы страдания в слёзы от смеха. Она стала первым человеком, кто протянул мне руку, даже не зная меня. И с тех пор

между нами образовалась та странная, тихая связь, которую невозможно объяснить словами. Мы не были лучшими друзьями, не созванивались каждый день, но знали: если что-то случится — мы можем положиться друг на друга.

— Оставайся сегодня на ужин, — поглаживая меня по голове, прошептала она. — Хорошо?

Я кивнул, всё ещё утыкаясь ей в плечо.

Если ангелы присматривают за нами с небес, то Эби была моим земным ангелом.

— Ты снова раскис, пастор? — послышался сзади задорный голос Джона.

Эби строго цокнула, а я, отлепившись от её плеча, быстро вытер лицо рукавом.

— Снова муки любви? — Джон подошёл ближе, ухмыляясь. — Ты мой друг, ужасно сентиментальный.

— Может, мне рассказать, как ты тут один жил? — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал бодрее. — Какой хаос царил в доме? Или, может, как ты просил остаться с тобой вечерами?

Джон замер, и его ухмылка стала натянутой.

— Чувак, не надо, — предостерегающе поднял он палец.

— Или, как ты колотил друг к другу кривые доски, надеясь построить лодку мечты? — добавил я, чувствуя лёгкость и облегчение после откровений.

— Что? — тут же заинтересовалась Эби, поворачиваясь к мужу.

— Ничего, — быстро сказал Джон. — Не было такого.

В этот момент на кухню влетела Лиза с огромным новым зайцем в руках.

— Пап, пойдём, там показывают таких огромных динозавров! — потянула она за руку Джона, но тот продолжал с наигранной строгостью смотреть на меня, а потом, подхватив дочку на руки, ушёл.

— Ладно, помой руки, поможешь мне с ужином, а заодно и расскажешь, что там за история с лодкой, — подмигнула мне Эби, доставая два фартука из шкафчика.

Идеальный вечер — это не красиво расставленная посуда, не дорогая скатерть, не изысканная кухня. Идеальный вечер — это время, проведённое с друзьями, когда вы занимаетесь приятным делом, разговаривая обо всём. И нам с Эби безусловно было что обсудить.

Темы плавно перетекали из одной в другую. Я рассказал о том, как прошёл мой последний учебный год, как сдал экзамены, показал даже несколько фотографий в мантии и шапочке, которые сделала моя мама. Про Шона рассказывать не стал. Не хотел портить ни себе, ни ей настроение. Пусть этот вечер останется светлым, без напоминаний о прошлом, которое мы оба старались не трогать.

Эби рассказала про успехи Лизы — как она начала читать по слогам и теперь гордо таскает за собой книжки, тыча пальцем в знакомые буквы. Как они каждый вечер разучивают новые слова и как Лиза ужасно гордится, когда полу-

чается прочесть целое предложение. А когда разговор зашёл о работе, Эби поведала мне немало смешных историй про клиентов из пекарни, и я не остался в долгу.

Рассказал про свою работу в Камберленде и, конечно же, Райли. Эби смеялась, говоря о том, что мой сосед очень похож на её одноклассника Брэндона, который так же считал себя завсегдаем ловеласом и подкатывал абсолютно к любой девушке, которая только попадалась ему на пути в школьном коридоре.

Я его знал заочно, но слава его бежала впереди него самого. Так мы плавно перешли к любовной теме, и я уже догадывался, какой вопрос последует дальше.

— А что касается Сьюзи? — спросила, как бы невзначай, Эби, забирая со стола доску с нарезанными овощами. — Вы дружите или встречаетесь? Вы так мило шли за ручку.

— Мы друзья, — ответил я, вытирая руки полотенцем. — Она хорошая девушка. И она — я остановился, подбирая слова так, чтобы Эби правильно меня поняла. — Она появилась в тот момент, когда мне было очень плохо. Ты уехала, Джон был раздавлен, Алекса — я провёл рукой по волосам и тяжело вздохнул. — В общем, я невероятно благодарен ей за то, что она принесла и приносит до сих пор в мою жизнь радость и спокойствие.

Эби улыбнулась и облокотилась на столешницу.

— Кем бы она тебе ни была, я рада, что она рядом. На Рождество мы едем с Лизой к моим родителям, но на Новый

год приходи к нам со Съюзи.

— Ты останешься здесь ещё ненадолго? — спросил я с надеждой. Мне не хотелось так быстро расставаться с человеком, который так много для меня значил.

— Джон отвезёт нас с Лизой обратно второго января, — ответила она, садясь рядом. — Пока что мы ещё будем там.

Она замолчала на секунду, и я заметил, как в её взгляде появилась твёрдость — та самая, с которой она всегда принимала важные решения.

— Весной я хочу разузнать, что нужно для поступления в университет. Через столько лет это будет непросто, — она задумчиво провела пальцем по краю чашки. — Я поищу подходящие варианты, может быть, схожу на подготовительные курсы. Если мы хотим дать Лизе хорошее образование, то и у нас оно должно быть. А Джон подумает, как ему быть с работой — может, перевод, может, что-то ещё. Пока он хочет накопить денег.

Она улыбнулась, взяла прихватку и собралась подняться, чтобы открыть духовку, но я остановил её, положив руку на её запястье. Пока она была рядом, пока могла слышать то, что я хотел сказать тихо, почти шёпотом.

— Он был очень зол и сломлен, когда ты уехала, — произнёс я, и Эби замерла, глядя мне в глаза. — Но он даже не допускал мысли о том, чтобы отпустить тебя. Он очень сильно тебя любит.

На её лице засияла улыбка. Она сразу подняла голову

вверх, не давая появившимся от моего откровения слезам выйти наружу.

— Знаю, — прошептала она. — Я тоже его люблю. Поэтому и поступаю так — ради нас и ради нашей семьи.

Она повернулась и принялась доставать из духовки ужин, который пролетел так мимолётно и счастливо, как каждый ужин в этом доме с близкими мне людьми.

А уже через пару дней случилось неприятное.

На Рождество, по традиции, мы всей семьёй были в церкви на службе. Отцу даже не пришлось меня упрашивать пойти с ним — ранним утром я уже стоял на кухне в облачении, допивая свой чай и глядя в окно на падающий снег.

Я думал, что самые сложные отношения — это те, что мы ведём с самими собой. Но в тот момент я понял: куда тяжелее разговаривать с Тем, кого ты год избегал. Я разучился молиться. Я забыл, с чего начинают, когда возвращаются. Стоя в церкви, среди знакомых с детства песнопений и мерцания свечей, я чувствовал себя чужим. Я так долго винил Его — в её уходе, в своей пустоте, в том, что молитвы остались без ответа. Я требовал объяснений, а Он молчал. И теперь я не знал, с чего начать. С обвинений? С извинений? С тихого «почему»?

Но в какой-то момент я поймал себя на мысли: а что, если у Него была причина? Что, если это испытание было нужно не для того, чтобы сломать меня, а чтобы сделать сильнее? Говорят: забирая, Бог дарует. Я слышал это с детства, но ни-

когда не понимал до конца. А теперь, стоя здесь, в этом знакомом до боли месте, я чувствовал себя предателем. И чтобы хоть как-то успокоиться, я стоял позади алтаря и искал глазами Сьюзи среди прихожан.

Но её не было. И Гвен тоже.

Сьюзи, по словам отца, посещала церковь не только по праздникам, но и иногда в обычные дни. Но не только отсутствие её на рождественской службе показалось мне странным.

Вчера моё последнее сообщение, отправленное где-то в пять вечера, так и осталось без ответа. Для Сьюзи это было несвойственно — мы переписывались всегда допоздна, до тех пор, пока у кого-то из нас не начинали слипаться глаза. Утром я перечитал всю нашу переписку, в надежде найти ответ или хотя бы намёк на то, что могло её обидеть, — но ничего не находил.

Последнее, что мы обсуждали, — это её сон. Она рассказывала, как ей приснилось старое тюльпанное дерево во дворе их дома в Балтиморе, где они с Гвен любили лазать в детстве, а родители их за это ругали. Как они сидели на ветках, болтая о всякой ерунде, и смотрели на закат.

«Иногда мне кажется, что время не лечит, а просто прячет боль под слоем новых воспоминаний», — написала она тогда. Я ответил: «Но новые воспоминания тоже важны. Они напоминают, что жизнь продолжается». И после этого сообщений больше не было.

Я знал, что тема родителей её ранит, но она всегда давала мне понять, если не хочет о чём-то говорить. А здесь она просто исчезла. И меня это с каждой минутой беспокоило всё больше.

Ожидание конца службы прошло в нервном напряжении. Я то и дело поглядывал на входные двери, надеясь, что она и Гвен войдут в церковь и тихо сядут на скамью в последнем ряду, но служба подходила к концу, а они так и не появились.

Когда прихожане выстроились в очередь к отцу, я вышел через боковой вход и сразу же набрал её номер.

— Сьюзи, — выдохнул я, как только гудки смолкли.

— Тэйт, ой — в трубке послышался шум, будто она что-то уронила или задела рукой край стола.

— Сьюз, у тебя всё хорошо? Тебя не было в церкви, ты так резко пропала вчера.

Раздался тяжёлый, усталый вздох.

— Гвен слегла с простудой, — голос Сьюзи звучал хрипло, с надрывом. — Вчера ночью сильно поднялась температура. Прости, что не ответила. Я всеми силами пытаюсь её вылечить: лекарства, компрессы, чай с малиной

— Нужна помощь? Таблетки? Я могу принести.

— Нет! — воскликнула она, а затем закашлялась — глухо, надрывно, так, что у меня внутри всё сжалось. — Не приходи. Кажется, эта зараза прицепилась и ко мне. У меня слабость, и я не хочу тебя заразить. Тем более перед Новым годом.

Её голос был таким подавленным, таким слабым, что внутри меня что-то сжалось.

— У тебя как дела? — спросила она, переводя дыхание.
— Как служба прошла?

— Хорошо, — ответил я, прислонившись к холодной стене. — Искал тебя глазами, — признался я, чувствуя, как уголки губ сами собой поднимаются в улыбке.

В трубке повисла пауза — длинная, тягучая. Я слышал только её дыхание, неровное, с присвистом.

— Сьюз — сказал я нервно, поправляя чёлку. — Я хочу помочь тебе поправиться до Нового года. Эби и Джон нас ждут.

Снова кашель — долгий, выматывающий, от которого у меня самого начинало першить в горле.

— Я очень постараюсь, — ответила она. — Мы с Гвен обязательно выздоровеем.

Но вот на календаре красным фломастером была обведена дата — тридцать первое декабря, — а я сидел с Лизой на руках у Эби и Джона один. Сьюзи так и не выздоровела.

— Тэйт! Тэйт! — кричала мне почти в ухо звонким голосом Лиза. — Ты принёс салюты?

— Салюты? — переспросил я, глядя на девочку.

— Да! В тот раз мы с тётей Лекси запускали в небо салюты! Было так громко и красиво!

— Лиза! — одёрнула её Эби, бросая на меня извиняющийся взгляд.

Я тяжело вздохнул. Внутри было неприятно от того, что каждый раз при упоминании об Алексе кто-то извинялся или смотрел на меня так, словно я вот-вот развалюсь на части. Мои друзья словно ходили по тонкому льду, когда дело касалось девушки, которая разбила мне сердце.

Прошёл почти год, а я устал не только от призрака в голове, но и от того, что из-за меня друзьям приходится аккуратно подбирать слова, чтобы случайно не сделать мне больно.

Мне не больно. По крайней мере, уже не так. И, если честно, всё, что сейчас меня расстраивало, — это то, что Сьюзи болеет дома, и я не могу быть рядом с ней в этот вечер.

— Нет, стрекоза, — обратился я к Лизе, улыбнувшись. — Салютов я не принёс. Но для тебя есть кое-что особенное.

Глаза девочки загорелись любопытством.

— Посмотри внимательно под ёлкой, — шепнул я ей на ухо.

Лиза спрыгнула с колен и пулей помчалась в гостиную, а Эби, сделав глоток шампанского, улыбнулась.

— Только не говори, что ты снова купил ей огромный пакет конфет.

— КОНФЕТЫ! — закричала Лиза из гостиной так громко, что, наверное, её было слышно на соседней улице.

Эби тут же повернула голову набок, сложив руки на груди в притворном осуждении.

— Не смотри на меня так, — засмеялся я. — Твой подарок тоже под ёлкой.

— А мой? — возмутился Джон, отставляя бокал.

— Там же, — ответил я и, достав телефон, напечатал ответное сообщение Сьюзи, которая прислала фото Рокси с огромным красным бантом на шее: «Выглядит потрясающе. Тебя здесь очень не хватает».

Ответ пришёл почти сразу: «Передавай всем привет».

Я убрал телефон в карман и вернулся к компании.

После церемонии вручения подарков, когда Лиза уже распаковала половину новых игрушек, а конфеты были съедены на треть, мы все собрались за столом в ожидании полуночи. Без ссор, без прошлых обид, без тяжёлых воспоминаний — просто счастливые и умиротворённые.

Это был мой первый Новый год в кругу друзей. Мог ли я подумать ровно год назад, стоя в пустой церкви и глядя на тлеющие свечи, что за один год произойдёт столько всего? Тогда я мечтал оказаться в шумной компании, среди близких людей, быть частью чего-то тёплого и настоящего. И сейчас это стало реальностью.

В гостиной, где стояла огромная пушистая ель, переливающаяся разноцветными гирляндами, сквозь смех и звон бокалов тихо играл трек Lord Huron — The Night We Met. В комнате витало почти абсолютное счастье почти.

— С наступившим! — закричал Джон, чокаясь со всеми.

— С Новым годом! — подхватила Эби, прижатая одной рукой к груди Джона и смотрящая на меня сияющими от счастья глазами.

— С праздником, — ответил я, легко ударяя бокалом о бокал.

Все принялись загадывать желания. Лиза увлечённо перечисляла вслух игрушки, которых у неё ещё не было, и я улыбался, слушая её беззаботный лепет. Когда звон часов стих, мы начали рассаживаться за столом.

— Ой, салфетки! — спохватилась Эби.

— Я принесу, — остановил я её и вышел в коридор.

Салфетки нашлись быстро, на полке в шкафчике. Но когда я уже возвращался и был на полпути к гостиной, я замер. Сквозь приоткрытую дверь я увидел, как Эби и Джон стоят в обнимку и медленно, нежно целуются. Лиза сидела под ёлкой и с упоением разворачивала ещё один подарок, не обращая на родителей ни малейшего внимания. Идеальная картина любящей семьи.

Я тихо отступил назад, прислонился к стене и улыбнулся. Внутри приятно потеплело — то ли от шампанского, то ли от радости за них. Я смотрел на их счастливые лица, на то, как они держатся за руки, как переглядываются, будто между ними не было года разлуки, и думал о том, что любовь, пусть иногда болезненная, разбивающаяся на куски, заставляющая плакать по ночам и ненавидеть весь мир, — всё равно прекрасна. Потому что, когда она настоящая, она стоит каждой слезы, каждой бессонной ночи, каждой минуты отчаяния.

Я думаю, я знаю, что загадала Эбигейл. И кажется, её желание начинает исполняться. А что касается моего, то моё

прошлогоднее желание тоже исполнилось, хоть я и не ждал этого и даже не надеялся. Сбудется ли другое в этом году?

Я улыбнулся своим мыслям и, не желая нарушать их идиллию, тихо положил салфетки на тумбочку в коридоре. Надел пальто, проверил, что друзья всё ещё заняты друг другом, и бесшумно вышел на улицу.

Сегодня, несмотря на праздник, было тихо — впрочем, как и все последние годы. Падал мелкий мокрый снег, небо было чёрным и мирным, и никто не сотрясал его фейерверками.

Я свернул на соседнюю улицу, параллельно набирая уже выученный наизусть номер.

— Сюз, — сказал я, как только она ответила. — Я не мог не увидеть тебя сегодня. Я иду к тебе.

— Уже одеваюсь! — воскликнула она радостно, как ребёнок, которому обещали долгожданный подарок.

Я нажал отбой и пошёл быстрее, так что уже несколько минут стоял у её ворот, водя пальцами по маленькой коробочке в левом кармане пальто. Конечно, я не мог оставить Сюзю без подарка, и, судя по блестящему прямоугольнику, которым девушка размахивала, сбегая по крыльцу на встречу ко мне, видимо, тоже.

— Привет! С наступившим! — она бросилась в мои объятия, и я обнял её так крепко, как только мог, чувствуя, как её тело дрожит от холода или от волнения.

— С Новым годом, — произнёс я, не в силах оторвать от

неё взгляд. — Вижу, тебе уже лучше.

— Да, намного. Хоть остаточный кашель ещё есть и насморк, так что имей в виду, — она игриво толкнула меня плечом.

— Я не боюсь заболеть, — улыбнулся я и снова притянул её в объятия. — Я скучал, — признался я, уткнувшись носом в её макушку.

— Я тоже, Тэйт, — проговорила она мне в плечо, а затем отстранилась и протянула подарок. — Это тебе.

Я принял коробочку — увесистую, но не тяжёлую, а другой рукой достал её подарок в розовом продолговатом футляре и протянул ей.

— А это тебе.

Сьюзи с неподдельным восторгом приняла его и открыла футляр. На бархатной подушечке лежала тонкая серебряная цепочка с маленьким кулоном в виде звездочки. Она замерла, глядя на него.

— Тэйт — прошептала она, не в силах отвести взгляд.

— Я подумал, — начал я, чувствуя, как внутри всё трепещет, — что будет лучше, если ты будешь помнить ту нашу вылазку не как день, когда ты подвернула ногу, а как день, когда мы наблюдали за звёздами. Ты тогда так и не загадала желание, но теперь у тебя есть такая возможность.

Я убрал её подарок во внутренний карман пальто, а сам взял цепочку из футляра, расстегнул тонкий замочек и шагнул ближе. Сьюзи замерла, не шевелясь, лишь продолжала

смотреть на меня удивлёнными, большими глазами, следя за каждым моим движением.

Я аккуратно убрал волосы с её шеи. Мои пальцы, прохладные от морозного воздуха, коснулись её тёплой кожи, и я заметил, как по её шее пробежали мурашки. Она вздрогнула, прикрыла глаза на секунду, и я почувствовал, как её дыхание сбилось.

Застегнув цепочку и поправив кулон, чтобы он лежал ровно, я отступил на шаг. Сюзи коснулась пальцами звездочки, провела по ней, словно пробуя на ощупь, и подняла на меня глаза.

— В тот день я загадала желание, — сказала она встревоженным голосом.

— Да? Когда? — удивился я.

— Когда ты был у ручья, — ответила она. — Упала ещё одна звезда.

Я повернул голову набок, улыбнувшись.

— И что же ты загадала?

Она посмотрела на меня так пристально и долго, словно заново изучала мои черты лица. А потом шагнула ближе. Я думал, она собирается прошептать свой секрет мне на ухо, и уже наклонился, чтобы услышать, но вместо этого Сюзи, положив руку мне на шею, притянула к себе.

Тёплые, мягкие губы неожиданно, но так ласково скользнули по моим, оставляя влагу и обезоруживая меня.

Мой первый поцелуй

Я не ожидал этого, потому замер, не веря, что сейчас происходит. Её губы двигались по моим медленно, словно она пробовала меня на вкус, запоминая каждое мгновение. Я не мог дышать, не мог шевелиться, не мог думать ни о чём, кроме этого касания. Поэтому стоял как истукан, не двигаясь, ощущая приятную пульсацию на губах и то, как рука на моей шее плавно движется.

Секунда. Всего одна секунда — и всё изменилось.

Сьюзи перешла ту грань, на которую я всегда опирался, защищая наши дружеские отношения. Но эта грань оказалась настолько тонкой, что разрушилась за одно движение, за одно прикосновение девичьих губ к моим.

Мои руки, сначала безвольно висевшие вдоль тела, наконец оттаяли. Я уже поднял одну, чтобы обнять её в ответ, но Сьюзи вдруг резко отстранилась, прикрыла губы ладонью и, глядя на меня ошарашенного, суетливо попятилась к воротам.

— Прости, прости, — забормотала она, не поднимая глаз. — Это была плохая идея. Я не должна была Наверное, я всё не так поняла

Она говорила и говорила, но я её не слышал. Сердце гнало кровь так быстро, что заложило уши. Воздух вокруг застыл, словно земля перестала вращаться и мир остановился. А я стоял и смотрел на неё — растерянную, испуганную, извиняющуюся за этот прекрасный миг и такую красивую, что дух захватывало.

— Сьюзи, — позвал я, когда она уже стояла у калитки, повернувшись ко мне спиной.

— Прости, — повторила она шёпотом, и я услышал, как в её голосе дрожат слёзы. — Я всё испортила

— Сьюзи, — позвал я снова.

Она медленно повернулась, не поднимая глаз, и я видел, как её плечи подрагивают.

Я сделал шаг к ней. Потом ещё один. И когда оказался вплотную, так что между нами оставалось лишь несколько сантиметров, она наконец подняла голову и посмотрела на меня.

— Поцелуй меня ещё раз, — попросил я.

— Что? — переспросила она ошарашенно и едва слышно.

Но не дождавшись ответа, я сам взял её лицо в ладони, провёл большими пальцами по щекам, чувствуя, как они горят, и, наклонившись к девушке поцеловал её.

А дальше...

Глава 17

наступила весна.

Нет, не сразу, конечно. Была и зима, и она подарила немало приятных и счастливых моментов, которые мы со Сьюзи проживали теперь как пара.

Пара Так вот что люди чувствуют, находясь в отношениях. Безграничное счастье и радость, когда вы рядом, и тоскливую, удручающую грусть, когда между вами расстояние. Мы со Сьюзи познали оба этих чувства сполна.

Второго января я уже был в Камберленде на работе и оставался там целый месяц. Несмотря на то, что общение продолжалось ежедневно, этот период был самым нервным и тяжёлым для нас обоих. Когда мы оставили статус друзей позади и вступили в отношения — всё кардинально изменилось.

Расстояние и раньше ощущалось, но не так остро, как сейчас. Мы переписывались, созванивались, делились новостями, и этого было достаточно. Но теперь, когда между нами случился тот новогодний поцелуй, когда мы наконец признали, что у нас есть чувства друг к другу, расстояние стало пыткой.

Я ловил себя на том, что проверяю телефон каждые пять минут, жду её сообщения, её «Доброе утро», её «Спокойной ночи». И когда телефон молчал дольше обычного, внутри поселялась тревога. А когда Сьюзи стала заботиться обо

мне, уже не скрывая своих чувств — то невинно флиртуя, то напористо намекая, — я стал тем, кем всегда хотел себя ощущать: влюблённым мужчиной, которого любит прекрасная девушка.

В феврале я приезжал два раза домой — в начале месяца и в конце. В это время как раз стоял ужасный мороз, но мы со Сьюзи совсем его не замечали. Зима, проведённая в любви, оказывается, может быть очень тёплой и греть не только тело, но и душу.

Мы всё так же гуляли, держась за руки, по заснеженным улицам — без цели, без направления, просто наслаждаясь друг другом. Сьюзи куталась в мой шарф, я прятал её ладони в карманах своего пальто или дышал на них, согревая своим дыханием. Тепло касалось холодной кожи, а потом всё это плавно переходило в согревающий, нежный поцелуй, который кружил голову нам обоим.

А ещё мы стали часто бывать друг у друга дома. Времени на выходных было так мало, но я нашёл компромисс, за что меня, надеюсь, простит Джон. Его я попросил помочь мне с ремонтом в доме Брукс. Сьюзи поначалу отнекивалась, ссылаясь на неловкость, но мне хотелось не только заботиться о ней, но и о доме, в котором она живёт. Услуги Джонагодились. Он со своими ребятами заменил ей окна и все двери, я же помог покрасить стены, разгрузить новую мебель, расставить вещи. Работы было ещё много, но дом потихоньку преобразался. А с наступлением весны я облаго-

родил небольшой дворик и дорожку от крыльца до ворот, посадив по бокам цветы.

Сьюзи сияла, я был счастлив, но особенно от наших отношений радовался мой отец. Став моей девушкой, Сьюзи стала очень желанной гостьей в моём доме. На ужинах они с отцом, увлечённые разговором, обсуждали книги, которые она прочитала, её мысли о вере, о людях, о том, как устроен мир. Он слушал её с таким интересом, какого я не видел у него даже в разговорах с самыми уважаемыми прихожанами.

Отец относился к ней очень уважительно и ласково — так, как относился бы к дочери, которой у него никогда не было. Мама тоже приняла её, вот только иногда она смотрела на меня такими грустными, такими проникновенными глазами, что казалось, она видит все шрамы на моём сердце, которые Сьюзи так тщательно затягивала, сама того не подозревая.

Став частью жизни другого человека, я стал не только более внимательным, но и более обеспокоенным. И тому была причина. Каждый раз, когда я приезжал и мы оставались наедине со Сьюзи, я задавал один и тот же вопрос. Так было и сегодня, когда мы лежали в её спальне.

— Ты больше его не видела? — спросил я, поглаживая её по волосам.

— Нет, Тэйт, — заверила она, беря меня за руку.

Я выдыхал, но тревога оставалась. Где-то в груди, в самом глубоком уголке, она пряталась и ждала. Неизвестно, где Шон и, что он думает и что замышляет. Но я был уверен

— просто так он не отстанет и, если со Сьюзи что-нибудь случится, я никогда себе этого не прощу.

— Я думаю, если бы он хотел мне что-то сказать или передать тебе через меня, он бы без проблем это сделал, — рассудительно заметила Сьюзи. — Все соседи знают, что мы живём в этом доме.

Я сжал свободную руку в кулак, представив, как он стоит у её ворот и нагло осматривает её.

— Если увидишь его поблизости — сразу звони. Мне, Джону, отцу — кому угодно

— Тэйт, — она мягко остановила меня, коснувшись пальцами моего лица и повернув его к себе. — Всё хорошо. Не переживай.

Девушка неторопливо приблизилась, а после коснулась их в невесомом поцелуе. Она всегда так делала. Её поцелуи всегда срабатывали. Пусть ненадолго, но я верил ей. Верил в то, что Шон оставит нас в покое. Я старался не думать о том, что их связывало с Алексой. Это была их история, и я больше не имел к ней никакого отношения.

— Я только слышала, что он занимается переустройством какого-то подвала, — продолжила Сьюзи, положив руку мне на грудь и обнимая. — В заброшенном здании. Соседи говорят, он хочет открыть там бар.

— Что? — я резко отстранился. — Он хочет, чтобы люди проводили там свои вечера? А город и так пустеет.

Я подскочил и схватил ветровку.

Только идиот мог додуматься до этого. Но если дело касается Шона, то всё в порядке. С одной стороны, это будет очень прибыльный бизнес — половина жителей городка уже спилась и продолжает это делать. Отец призывал всех прийти к церкви, служить в ней, заниматься добрыми делами. Он был светом для заблудших душ. А теперь эта проклятая тьма просто поглотит их, утянув за собой и тех, кто ещё держится.

— Я должен поговорить с отцом, — сказал я, нервно застёгивая куртку. — Если это действительно так, то ничего хорошего не будет.

Сьюзи поднялась с кровати и подошла ко мне, останавливая.

— Тэйт, может, это просто слухи. Не делай поспешных выводов, не расстраивай отца.

— Я всё узнаю, — я поцеловал её в лоб, проводя рукой по волосам.

— Я пойду с тобой.

— Нет, — я наклонился к Сьюзи и очертил её скулу большим пальцем. — Оставайся дома. Возможно, мне придётся поговорить с ним напрямую. Это может быть опасно.

Девушка хотела что-то возразить, но я коснулся губами её губ и прошептал:

— Пожалуйста, доверься мне.

И она доверилась. Медленно, с покорностью кивнула и отпустила меня, оставив след от своих губ на моей шее.

До заброшенного дома, в котором раньше находилось

несколько старых ретро-магазинчиков, я буквально бежал. Хотел лично удостовериться, что там действительно происходят ремонтные работы. Здание стояло на окраине нашего городка, там, где от улиц ничего не осталось, а от домов — лишь обветшалые каркасы. Это было место, где люди, решившие, что им нет места в этом мире, доживали свои дни. Кругом валялись битые бутылки, обрывки газет, которые ветер гонял по потрескавшемуся асфальту, и даже несколько пьяных тел.

У здания, наполовину сломанной деревянной скамейке без спинки, сидела женщина. На вид ей было лет шестьдесят. Она тряслась, но смотрела вполне осознанным и трезвым взглядом, наблюдая, как я осматриваю закрытую железную дверь подвала.

— Чего ищешь, рыжик? — проскрипела она старым голосом, в котором, к моему удивлению, слышалась забота.

Я обернулся. Женщина оглядела меня с ног до головы, а затем вздохнула, всматриваясь в глаза так, будто узнала, и продолжила:

— «Я свет миру пришёл»

После этого она усмехнулась, а я застыл — она только что процитировала строчку из Евангелия от Иоанна, и это застало меня врасплох. Я медленно подошёл к ней, не отрывая взгляда от её морщинистого лица, всматриваясь в черты, которые кого-то мне напоминали, но я не мог понять, кого.

— Подходи, садись, — она услужливо отодвинулась на

край и без того небольшой скамьи, с улыбкой наблюдая, как я осторожно приближаюсь. — Да не бойся ты так, рыжик. Мы же соседи. Не укушу я тебя.

Она рассмеялась хрипловатым старческим голосом, а потом так тяжело закашлялась, что я подумал — у неё какой-то приступ. Я уже потянулся к ней, не зная зачем, но желая помочь, а она выставила руку вперёд, вытерла сухие губы и указала на место рядом.

— С вами всё хорошо? — спросил я с опозданием, понимая, что мой вопрос звучит настолько неуместно здесь, в этом месте, что мне стало стыдно.

— Вашими молитвами, — с улыбкой произнесла она, поворачиваясь боком ко мне и опираясь на руку. — Ну что, скажешь, зачем пришёл, или так и продолжим строить друг другу глазки?

Сбросив наваждение от моей резкой попытки помочь, я посмотрел снова на дверь подвала, а затем медленно спросил:

— Я слышал, здесь делают ремонт

— Делают, — согласилась она, поправляя длинную, заношенную юбку, сшитую из разноцветных лоскутов. — Три дня назад приходил отпрыск нашего глубокоуважаемого Фостера с какими-то людьми. Осматривал здесь всё, выносил старую мебель. Мы все так и застыли с открытыми ртами от любопытства.

— Он что-нибудь сказал?

— Сказал, конечно сказал, — она пододвинулась ещё ближе, словно доверяя мне какую-то страшную тайну, и я почувствовал запах старости. — Сказал, чтоб мы не стояли над душой! — а после шлёпнула меня по плечу и заливисто рассмеялась.

Я понял, что большего она и не знает, но самое важное мне уже было понятно. Слухи оказались правдивы: Шон действительно решил обосноваться здесь, в этом забытом месте, и сплавать сюда всех, кто потерял надежду на жизнь. Я должен был поговорить с отцом, рассказать ему об этом и спросить, что нам теперь делать. Но и уйти отсюда просто так я не мог.

Старушка всё ещё смеялась, наслаждаясь собственной шуткой, а когда я поднялся с места, резко замолчала.

— Вы голодны? — спросил я, показывая свои намерения.

Та вдруг с недоверием скривилась и отвернулась.

— Чтобы накормить всех здесь, денег не хватит ни у тебя, ни у пастора, — отмахнулась она.

А затем, потеряв ко мне интерес, встала с места и медленно поковыляла прочь по дороге, которая раньше шла между домами и служила улицей.

— Пойдите! — крикнул я.

На мой крик одно из лежащих неподалёку тел зашевелилось, а старушка медленно, вполоборота, повернулась.

— Я уверен, вы верующий человек, раз знакомы с Библией, — сказал я. — Так почему не приходите в церковь?

Она криво усмехнулась, но смех застрял у неё в горле. Только с горечью и холодным разочарованием произнесла:

— Если церковь принимает жестоких людей со страшными грехами, а пастор это поощряет тогда что это за церковь?

Она небрежно махнула мне рукой:

— Уходи.

И, не оборачиваясь, подошла к одному из заброшенных домов и скрылась в нём.

Домой я шёл озадаченный. О ком она говорила? И что значит «пастор поощряет»? Мой отец никогда не поощрял жестокость. Он учил прощать. Для всех людей ворота церкви всегда были открыты, так что же она имела в виду? И кто она?

Вечером после ужина, когда мама осталась на кухне, а отец сидел в гостиной, я рассказал ему о том, что сегодня услышал. Оказалось, отец был в курсе.

— И ты так спокойно об этом говоришь? — я не верил своим ушам.

— А что я могу сделать? — он развёл руками. — Его отец выкупил это здание целиком, мэрия выдала ему документы. Всё законно.

— Законно? — я почти закричал. — Он собирается открыть притон, куда потянутся все, кого ты пытаешься вытащить из этого болота!

Отец отложил книгу и снял очки, медленно, как делал всегда, когда разговор становился слишком тяжёлым.

— Знаю, — тихо сказал он. — И мне это тоже не нравится. Но что я могу сделать? Требовать от людей, чтобы они не ходили туда? Закрывать их в церкви?

Я упал в кресло, тяжело выдохнув. Все усилия отца, все его попытки вернуть людей к вере могли пойти прахом. Им проще предаться сладкому греху, чтобы отгородиться от проблем, чем проживать своё горе с Богом. И так раз за разом. Даже парни, выпускавшиеся из школы, через год превращались в угрюмых мужиков, искавших лёгких денег и забвения.

Отец смотрел в одну точку, я — в другую. Каждый из нас молчал, но я думал, он понимал, к чему приведёт бизнес Шо-на.

— Если он построит бар — а он это сделает, — сказал я, — то в скором времени тебе некого будет наставлять. Извини, отец, но даже пожилые люди, которые исправно ходят к тебе, в скором времени умрут. И что дальше?

Отец помассировал висок, а затем наклонился, опираясь руками о колени.

— Ты прав, — сказал он тихо. — Церковь слабеет. Те, кто ещё могут, переезжают отсюда в другие города за лучшей жизнью. А кто остаётся — доживают свой срок, и не все из них перед смертью думают о Боге.

Он потёр переносицу.

— Город опустевает. Надо признать это. И в скором времени, возможно, от него ничего уже не останется.

— Я не понимаю, — прошептал я, сведя пальцы в замок.
— Неужели это всё? А как же мэрия? Должно же быть финансирование

— Его катастрофически мало, — произнёс отец, и я почувствовал, как внутри поднимается горечь. — Аптека почти развалилась, а школ и больниц нет совсем. Церковь — это последнее, что мэрия будет финансировать.

Я встал с места и подошёл к окну. За стеклом медленно опускались сумерки, и этот город, который я когда-то считал своим домом, казался теперь чужим, умирающим, никому не нужным.

Отец встал следом и положил руку мне на плечо.

— Всё нормально, сынок, — сказал он тихо. — Твоё будущее не здесь. Ты должен думать о себе, и создавать свою семью и не беспокоиться о нас, и уж тем более о городе.

Его пальцы слегка сжали моё плечо. В дверях показалась мама — она, видимо, слышала наш разговор, потому что в её глазах стояли слёзы.

— Как же ты будешь без церкви? — спросил я, продолжая смотреть в окно.

— С церковью или без неё, моя вера никуда не исчезнет, — ответил отец спокойно. — Она всегда со мной. И останется со мной, пока я жив.

— Отец — прошептал я и, повернувшись к нему, крепко обнял его.

Мне стало жаль и его, и все его труды, и этот умирающий

город. И хотя он говорил так уверенно и не показывал слабости, я знал — ему тоже непросто. Церковь для него была не работой, не местом, куда он ходил по долгу службы. Она была частью его, частью его жизни, его сути, его диалога с Богом, который он вёл на протяжении десятилетий. И всё это могло исчезнуть не только из-за идеи Шона, но и из-за того, что здесь не было жизни. Никто не хотел оставаться в месте, где умирают надежды, где каждый день похож на предыдущий, где даже церковь — последний оплот — медленно, но верно пустела.

Мог ли я это исправить? Пока я ещё не знал, но был уверен, что должен. Я не оставляю всё как есть. Я попробую сделать всё, что в моих силах, чтобы оживить этот город.

— Где ты была? — надо мной нависла Эби, и голос её звучал строго.

Скинув шпильки, я старалась взглянуть в темноту, но перед глазами всё кружилось и плыло. Я попыталась пройти мимо, но внезапно зажегшийся жёлтый свет ослепил меня, и мне пришлось остановиться.

— И что это на тебе? — она схватила меня за подбородок, но я вырвалась.

Держась за стену, я медленно зашагала на кухню. Эби пошла следом, закрывая за нами дверь.

— Алекса, — голос её был напряжённым, почти злым. —

Я спросила: где ты была?

Я промолчала, опираясь о стол. В голове шумело, подступал приступ тошноты, но я всё равно попыталась улыбнуться.

— Гуляла, — выдавила я. — Нельзя?

— В таком виде? — Эби подошла ближе.

Я с недоумением осмотрела свою короткую кожаную мини-юбку и чёрные капроновые колготки, которые были порваны на коленях и ещё в нескольких местах. Нормальный вид, подумала я и хмыкнула.

— Ты пьяна, Алекса. Опять, — продолжала наступать Эби, подходя ближе и касаясь моего локтя.

— Не лезь, — отмахнулась я, но получилось слабо и неубедительно.

— В таком состоянии ты бываешь чаще, чем в трезвом, — не унималась она. — Сколько это ещё будет продолжаться?

Я ничего не ответила. Облокотилась о столешницу, вцепившись в неё руками, и закрыла глаза — голова кружилась так, что к горлу подступала тошнота. Но подруга не унималась.

— Мне надоело по несколько раз за неделю не спать, дожидаясь тебя, и гадать, где ты и с кем ты. Ты даже телефон новый не купила, с тобой невозможно связаться! Что за беспечность?!

— Закончила? — равнодушным голосом произнесла я, отчего Эби лишь сильнее разозлилась.

— Нет, не закончила!

— Ладно, — я оттолкнулась от столешницы и пошла в сторону двери, покачиваясь, но Эби перегородила мне путь.

— Нет! Ты будешь меня слушать и разговаривать со мной! Скажи мне, как низко ты ещё готова пасть? Ну же, говори, не стесняйся!

— Эби — прошептала я, пытаюсь взять её за руку, чтобы отодвинуть от двери, но она грубо и резко скинула её вниз, и я пошатнулась, неуклюже упав на пол.

Эби даже не пошевелилась. Я попыталась подняться, но ноги не слушались, и я снова плюхнулась на пол. И тогда меня накрыло — истерическим, неконтролируемым смехом.

— Замолчи, разбудишь Лизу! — процедила сквозь зубы подруга, хватая меня за руку. — Лекси, прекрати!

Но остановиться я уже не могла. Необъяснимая истерика взяла надо мной верх. Качаясь взад-вперёд, я смеялась, хватаясь за больной живот. Эби сверлила меня взглядом. Я видела её злость, видела, как в глазах разгорается ненависть.

За последние несколько месяцев наши отношения заметно испортились. Теперь мы стали не больше чем соседки: я редко появлялась в квартире, а когда была здесь, то в основном спала. Меня всё раздражало: её попытки заговорить, эта душная квартира, даже Лиза с её вечными вопросами.

В новой компании никто не трогал меня, никто не спрашивал, что случилось и почему я здесь. Все просто пили до закрытия. Всем было плевать на меня. Как и раньше. Как и

должно быть. Но почему-то только Эби продолжала лезть ко мне со своими нравоучениями.

— Прекрати! — снова прошипела она, но я, глядя ей в глаза, продолжала смеяться, не стесняясь и не переживая о том, что разбужу её дочку.

— Мне противно смотреть на тебя, — с холодным презрением она опустила на корточки передо мной.

Истерика немного схлынула, и я начала успокаиваться. Я стала стирать слёзы от смеха, размазывая их по лицу впере­мешку с чёрной подводкой и тушью. Эби не уходила. Она всё так же сидела, наблюдая за мной. И мой пьяный мозг вос­принял это как сигнал — и я взорвалась.

— Ну так не смотри на меня! — голос сорвался на крик. — Я до сих пор не понимаю, что ты здесь делаешь. У вас, по твоим словам, с Джоном всё налаживается. Так почему ты всё ещё не уехала? Или вы не настолько ему нужны, раз он так долго тянет с переездом?

Эби отшатнулась.

— Или, может, он уже с кем-то живёт в вашем доме? — я подогнула колени к груди и вцепилась в них пальцами. — Ответь же мне! Почему ты не уезжаешь к своему идеальному мужу? У тебя ведь всё в жизни должно быть идеально! Ты ведь принцесса среди нас! Любимая дочка лучших родителей, первая красавица школы, девушка самого популярного парня, а на деле — дерьмовая жена! Ах

Резкая, звонкая пощёчина прервала мою тираду. Кожа на

щекe моментально загорелась, а внутри всё оборвалось. Я медленно повернула голову и увидела в её глазах такую ненависть, такое отвращение, что мне стало страшно. Она сама содрогнулась от того, что сделала. Дыхание сбилось, вырываясь наружу спазмами, а мозг вдруг резко протрезвел.

Что же я наделала

— Эбс — прошептала я, но она уже встала и, резко развернувшись, направилась к двери.

— Эби, прости! — я схватила её за руку, пытаюсь удержать, но она отдёргнула ладонь и развернулась. Я увидела её глаза — полные непролитых слёз.

— Ты всю жизнь презирала свою мать, а сама ничуть не лучше. Ты — её жалкая копия, которая топит себя в алкоголе вместо того, чтобы бороться.

С этими словами она закрыла дверь перед моим носом и ушла, оставив меня одну посреди тёмной кухни — с клубящейся внутри ненавистью к себе и осознанием того, что я, кажется, потеряла последнего человека, которому была безразлична.

Глава 18

— Так что вот такие дела, — сказал я, облокотившись на тумбу и скрестив руки на груди, давая понять, что речь закончена.

На меня смотрели три пары глаз, и в каждой читалось одинаковое замешательство. В воскресенье днём я решил собрать всех у себя дома, пока родители были в церкви на службе. Я надеялся, что мои друзья помогут мне.

— И как ты хочешь это сделать? — спросил Джон, постукивая пальцем по столу.

— Нам нужно организовать благотворительный вечер, чтобы с помощью людей собрать деньги.

— На что? — уточнила Гвен, помешивая чай ложкой.

— Неважно на что, — встрял Джон. — Главное — с кого ты собрался собирать деньги? С пьяного Джеффа, который валяется сейчас у универмага? Или с Маркуса, который еле сводит концы с концами? Или

— Подожди, — остановил я тираду вспыльчивого друга. — Я не договорил. Естественно, людей здесь не хватит. Поэтому я подумал, что нам нужно как-то позвать тех, кто уехал отсюда.

— О, всего лишь — Джон почесал затылок, а затем, посерьезнев, откинулся на спинку кресла и показал на меня пальцем. — Чувак, ты прекрасно сам знаешь, что те, кто отсюда

свалил, никогда и ни под каким предлогом не вернутся. Как ты это сделаешь? Не забывай, что и я отсюда уеду в скором времени, да и ты, считай, уже жених.

Он посмотрел на Сьюзи, и та моментально покраснела, взглянув на меня.

— Никому этот город не нужен, — продолжил Джон. — Он загнивает. С этим можно только смириться.

— Но не все же уезжают, — возразил я, устремив взгляд на сестёр. — Кое-кто и приезжает.

— Да, но такое случается раз в десять лет. Я уверен, Гвен найдёт кого-то в другом городе и, выйдя замуж, переедет. Но она не останется здесь.

— И всё же, — Гвендолин подняла руку, утихомиривая Джона, и обратилась ко мне, — что именно ты хочешь финансировать? Это важно.

— Я думал о церкви, — ответил я, — но не думаю, что большинство людей это заинтересует. Так что — я замолчал, подбирая слова. — Может, стоит начать с того, что нужно всем? Детская площадка, парк, кафе. Место, куда люди захотят прийти. Где можно будет отдохнуть, встретиться с друзьями, вспомнить прошлое.

— Можно сделать куда проще, — сказала Гвен, отпив чай и поставив кружку на стол. Мы все трое уставились на неё в ожидании. — Нужно финансировать вашу школу.

Джон в этот момент прыснул и ладонью шлёпнул по столу, отчего Сьюзи, не ожидавшая такого, дёрнулась. Я подошёл к

ней и взял за руку, успокаивая.

— Бинго! Она как раз закрыта уже три года! — выпалил друг.

— Вот именно, — спокойно произнесла Гвен, поглядывая на наручные часы. — Вы хотите позвать сюда как можно больше людей, но нужен действенный предлог. — Она посмотрела на Сьюзи, и та, улыбнувшись, взглянула на меня.

— В Балтиморе наша школа каждый год устраивает встречу выпускников, — подхватила Сьюзи. — Почему бы вам не собрать всех, кто учился в вашей школе, например, за последние пятнадцать лет?

Мы с Джоном переглянулись, и я почувствовал, как внутри всё сильнее растёт надежда.

— Допустим, — Джон почесал затылок. — Но как нам это проверить?

Он обратился к Гвендолин, которая уже наносила красную помаду. От его напора она устало вздохнула.

— Нужно разослать приглашения, — терпеливо объяснила она. — Найти контакты через соцсети и знакомых. Устроить вечер с музыкой, едой, с какой-нибудь культурной программой, чтобы люди захотели приехать не ради благотворительности, а ради воспоминаний. А уже там, когда соберутся, можно будет рассказать о проблемах города, о церкви и о ваших планах.

Джон задумался и перестал стучать пальцем по столу.

— Это неплохая идея, — сказал он наконец. — Но ты

представляешь, сколько работы? Найти всех, разослать приглашения, организовать место, время, программу

— Поэтому я и позвал вас, — улыбнулся я, оглядывая друзей. — Одному мне не справиться.

Сёстры поддержали меня сразу же, точнее, это сделала Сьюзи, так что у Гвен не было вариантов. Джон, немного поломавшись для вида, тоже согласился, и мы начали обсуждать план: кто за что отвечает, какие нужны ресурсы, где взять контакты выпускников. Через полчаса бурных обсуждений мы распределили роли.

Гвен вызвалась заняться соцсетями и рассылкой, Джон — поиском места и техникой, Сьюзи — оформлением и едой. На меня легла общая координация и связь с теми, кто мог бы помочь финансово. Сюда я решил внести ещё пункт о разговоре с нашей местной мэрией, хоть я и не надеялся на это, но, возможно, они тоже смогли бы нам помочь.

К вечеру за ужином я рассказал родителям о наших планах. Моя воодушевлённая речь понравилась отцу, он то и дело кивал и задавал уточняющие вопросы.

— Это замечательная идея. Мэрию я возьму на себя, так что не волнуйся. Вот только как ты всё успеешь, ведь ты работаешь и приезжаешь редко?

— Всё получится. Мы решили, что лучшим временем для вечера будет середина июля. Многие будут в отпусках, да и до июля есть несколько месяцев, — заверил я его, горя этой идеей, и он утвердительно кивнул.

Мама, которая всё это время молча слушала, вдруг рас­смеялась, глядя на мужа.

— Что такое? — спросил я, недоумеваю.

— Да так, — она махнула рукой, но смех не унимался. — Вспомнила, как в студенчестве у нас был аукцион цветов. Мы тогда стояли в маленьких палатках, продавали букеты, а парни покупали их девушкам, которые нравились. Деньги шли на пожертвования. Это было так романтично и весело.

Я задумался. Идея показалась мне не просто хорошей, а идеальной.

— А почему бы нам не сделать такой же аукцион? — пред­ложил я. — Цветы можно собрать из нашего сада. Там их столько, что хватит на всех.

Отец и мама переглянулись.

— Это будет прекрасным дополнением к вечеру, — сказал отец. — Люди любят такие вещи. Ностальгия, романтика это может растопить даже самые чёрствы́е сердца.

— Тогда решено, — вызвалась мама. — Цветы — моя за­бота.

Итак, не торопясь, мы начали превращать наш план в жизнь. Я старался приезжать каждые две недели по выход­ным. Подготовка к вечеру отнимала много времени и сил, но общее дело нас отлично сплотило, и к июню даже Гвендолин уже с азартом включилась в работу.

В один из июньских вечеров мы делились своими резуль­татами в доме у сестёр Брукс. Сидели в комнате Сьюзи, пи-

ли чай, и каждый рассказывал, чего удалось добиться за последние две недели.

— Я нашла контакты чуть меньше половины выпускников за последние пятнадцать лет, — начала Гвен, откладывая блокнот. — Это было непросто, особенно с теми, кто уехал давно, потерял связь или умер — она сделала паузу, а затем продолжила: — Но соцсети творят чудеса. Я создала закрытую группу, куда уже вступили около семидесяти человек. И ещё около полусотни обещали приехать, если смогут.

— Семьдесят? — присвистнул Джон. — Неплохо, но, учитывая, что раньше здесь жило гораздо больше людей, всё равно как-то маловато.

— Радуйся, что хоть эти приедут. Кроме того, я договори-лась с местной газетой о небольшой заметке и с радиостанцией — они обещали упомянуть наше мероприятие в эфире. Так что о нас узнают и те, кто не в соцсетях, — с торжествующим видом под аплодисменты Гвен отложила блокнот в сторону.

— Джон? — обратился я, и тот сразу же сел ровнее, словно представлял свой доклад на научной конференции.

— Я подготовил список мест, где можно провести вечер. Школа, конечно, хороший вариант, но она в ужасном состоянии. Зато есть городской парк — он большой. Вот только там нужно убраться, развесить гирлянды, поставить столы с угощениями.

— Кстати! — сказала Сьюзи, отставляя кружку. — Я до-

говорила с пекарней в соседнем городке о скидке на выпечку. Также я нашла нескольких человек, которые согласились выступить с музыкой — гитарист и скрипачка, тоже оттуда. Они готовы играть бесплатно, ради благотворительности, но это пока не точно — они выпускники, так что вдруим будет не до этого.

— Запишем музыку на флешку, если что. С оборудованием решилось? — спросила Гвен, поворачиваясь ко мне.

— Да, отец договорился в мэрии — нам предоставят технику, столы и украшения, в общем всё, что давно не использовалось.

— Супер! Ретро! — усмехнулся Джон.

— А цветы? — поинтересовалась Гвендолин.

— Мама всё лето ухаживала за садом. Роз будет много, только нужно очистить их от шипов, плюс полевые цветы, которые мы соберём на лугу. Я уже подготовил небольшие корзины и крафтовую бумагу для упаковки. Осталось только нарвать их и красиво оформить.

— Супер! Я думаю, за месяц мы успеем всё доделать, — хлопнул в ладоши друг. — Мне пора, народ, я должен позвонить Лизе до того, как она уснёт. — Кстати, Тэйт! — он обернулся на полпути. — Мне нужно будет с тобой поговорить кое о чём важном. Как будет время — загляни ко мне.

После моего кивка он удалился.

— Я тоже пойду, мне нужно отчёт доделать, — взяв блокнот, встала с кровати Гвен и ушла вслед за Джоном.

В комнате остались только мы со Сьюзи.

— Прости меня, — я тут же притянул девушку к себе в объятия.

— За что? — прошептала она, уткнувшись носом мне в грудь.

— За то, что у нас с этим вечером совсем нет возможности побыть подольше вдвоём. Я всё время в разъездах, в заботах, в делах. А хочется просто быть с тобой. Сидеть вот так, обнявшись, и никуда не спешить.

Она подняла голову и посмотрела на меня. В её глазах отражался мягкий свет настольной лампы, и я снова, в который раз, поразился, как она красива.

— Ты ни в чём не виноват. Мы же делаем благое дело.

— Знаю, — я взял её руку и поцеловал кончики пальцев. — Но я скучаю по тем вечерам, когда мы просто гуляли и смотрели на звёзды без этой вечной спешки.

Я провёл рукой по её волосам, чувствуя, как они струятся сквозь пальцы. Она закрыла глаза и прижалась ко мне ближе, касаясь губами шеи.

— И я, — прошептала она, водя губами по моей коже. — Скучаю по тебе.

Её дыхание было тёплым, прерывистым, и от этого прикосновения по моей спине побежали мурашки. Я провёл пальцами по её затылку, слегка надавил, заставляя поднять голову, а затем наклонился и глубоко, медленно, чувствуя, как она цепляется в мою рубашку и увлекает за собой, поце-

ловал её. Я накрыл её своим телом, но успел выставить руки, удерживая вес, чтобы не раздавить. Наши губы не разомкнулись ни на секунду.

— Тэйт — прошептала она между поцелуями, и в этом шёпоте было столько нежности и желания, что у меня закружилась голова.

Она потянула за пуговицы моей рубашки, расстёгивая одну за другой и касаясь пальцами моей груди. Кожа горела под её прикосновениями. Я провёл рукой по её талии, чувствуя изгиб, который хотел изучить. Она выгнулась навстречу, и я вжался в неё сильнее, чувствуя, как наши тела находят ритм, о котором мы оба мечтали.

В голове шумело, мысли путались. С того момента, как мы стали парой, мы не были ещё так близки. Иногда за поцелуями мы так сильно увлекались, что у нас обоих затуманивался разум, но мы всегда останавливались. Не хотели торопиться. Решили, что всё должно произойти в подходящем месте и в подходящее время — естественно, без давления, без ожиданий.

К тому же, в такие моменты, когда желание преобладало и мы горели этой страстью, внутри меня что-то тормозило — я был девственником. Я, конечно, был уверен в Сьюзи, знал, что она не засмеётся, не оскорбит моих чувств, но почему-то это признание застревало у меня в горле. Мне было трудно и стыдно об этом говорить, но я понимал, что в нужный момент мне придётся ей признаться во избежание неловкостей.

А пока, отгоняя подальше это чувство, я целовал её шею, а она тяжело дышала, вплетая пальцы в мои волосы и прижимаясь ко мне так сильно, что сердце разрывалось от нежности и счастья.

— Тэйт, я хотела сказать, что, возможно, у меня не получится присутствовать на — Гвен замерла на пороге, и на её лице отразилось всё — от удивления до лёгкого замешательства.

Мы замерли. Сюзи схватила подушку и кинула в сестру, а я откатился на край кровати, пытаюсь восстановить дыхание и застегнуть верхние пуговицы.

— Простите, — Гвен прикрыла глаза рукой, но я заметил, как уголки её губ дрогнули в улыбке. — Я зайду позже.

Она вышла, тихо прикрыв дверь. В комнате повисла тишина, нарушаемая только нашим прерывистым дыханием.

— Ну вот, — прошептала Сюзи, пряча лицо в подушку. — Даже в собственной комнате не получается побыть вдвоём.

Я улыбнулся и, убрав подушку, притянул её к себе.

— Дай мне ещё немного времени. Как только пройдёт вечер, я возьму на работе отпуск и ни на день не оставлю тебя одну.

Сюзи тяжело вздохнула, но всё же кивнула.

— Я должен идти, — сказал я, заглядывая в её грустные глаза. — Пора ехать.

— Напиши, как будешь в отеле.

— Обязательно.

И перед тем как расстаться, мы ещё несколько минут целовались, не в силах оторваться друг от друга.

В отель я вернулся поздно ночью. Когда зашёл в комнату, увидел лежащего в темноте Райли, который смотрел фильм на ноутбуке, уткнувшись в подушку.

— Ооо, — протянул он. — Привет. Ты сегодня припозднился.

— Да, с этой подготовкой к вечеру голова кругом, иногда кажется, что я вообще ничего не успеваю, — я подошёл к нему ближе. — А ты почему один в темноте лежишь и

Я заглянул в монитор. На экране пожилой мужчина сидел на перроне, рядом с ним — собака породы акита-ину. Хатико.

— И смотришь «Хатико»? — удивился я.

— Ну да, — безразлично ответил он. — Не ходить же мне каждый день куда-то.

Я смотрел на своего соседа и не узнавал его. Он был непривычно тихим, задумчивым, даже меланхоличным. Райли — король вечеринок, душа любой компании, тот, кто никогда не сидел на месте, — лежал в темноте и смотрел грустный фильм о собаке, которая ждала хозяина.

— Что-то случилось? — спросил я, садясь на свою кровать.

— Свадьба случилась, — сказал он словно между делом, отчего я завис.

— Свадьба? Твоя? Подожди, когда ты успел

— Да не моя, — он захлопнул крышку ноутбука и встал. — Брат женится.

— Ты не говорил, что у тебя есть брат, — заметил я, наблюдая за Райли. Он был явно озадачен или недоволен — мне пока было сложно разобрать, что именно его огорчило.

— Есть. Старший. Но мы общаемся только по праздникам. За всю свою жизнь я только и делал, что слушал от родителей, какой он хороший и правильный, как мне нужно равняться на него. Он со своей девушкой встречается уже пять лет, — Райли закатил глаза и, облокотившись о стену, снял очки. — Свадьба — ещё один повод, чтобы меня унижить перед всей семьёй: что я бабник, что ни одна девушка не захочет со мной серьёзно встречаться.

Слава Райли бежала впереди него самого. Я был уверен, что он в курсе своей репутации среди девушек и что это ему даже льстит. Но оказалось, что это его очень тревожит, особенно когда дело касается семьи.

— Не хочешь идти?

— Не хочу, — признался он. — Да и если меня там не будет, никто не станет горевать. Жаль только, что свадьба в июне — совпадает с моим отпуском, когда я буду во Фредерике.

— Они твоя семья, — рассудительно начал я. — Самые близкие люди во всём мире. Знаешь, не все даже этим могут похвастаться.

Я вспомнил Сьюзи и её ситуацию, и от этого внутри стало грустно и волнительно.

— Может, они этого и не покажут, но, думаю, расстроятся, если ты не приедешь.

Райли тяжело вздохнул, но ничего не сказал.

— Но слушай, — я достал из сумки зарядку для телефона, — если всё же не передумаешь, можешь приехать ко мне на наш благотворительный вечер. Покажу тебе городок, познакомлю с друзьями.

Райли задумался. Мне кажется, я сумел аккуратно достучаться до него. Ведь каждый должен помнить, что семья — это самое ценное, что есть в жизни. Какая бы она ни была.

— Я подумаю, — наконец сказал он, уставившись в экран монитора.

Этот вопрос действительно волновал его до начала июля. Райли практически перестал выходить из номера отеля, а я видел его с девушками всего пару раз. Месяц, который пролетел как один миг, был волнительным не только для него.

Каждый день я прокручивал в голове списки дел, перепроверял контакты, созванивался с Джоном и Гвен, уточнял детали. Я старался приезжать домой теперь не раз в две недели, а дважды в неделю, но времени катастрофически не хватало. Мы встречались с Джоном в парке, устанавливали сцену, развешивали гирлянды. Гвен взяла на себя всю организационную работу — рассылку, связь с волонтерами, координацию. Сьюзи вместе со мной занималась цветами, соби-

рая их на лугу и в саду, упаковывая в крафтовую бумагу. Родители тоже помогали. Мама готовила маленькие десерты для стола, отец обзванивал прихожан, приглашая их на вечер. Даже те, кто давно не был в церкви, обещали прийти.

К волнениям прибавилось и решение купить машину. К июлю я накопил сумму, достаточную для приобретения, пусть и подержанного, но неплохого автомобиля. Благодаря Райли, у которого уже была машина, мы смогли выбрать мне то, что нужно.

Он, как истинный знаток техники, подошёл к этому делу со всей серьёзностью. Мы провели не один вечер за просмотром объявлений, сравнивая характеристики, читая отзывы и споря о том, что важнее — экономичность или надёжность. Райли настаивал на чём-то классическом, «неубиваемом» и, главное, бюджетном.

В итоге мы нашли то, что нужно: темно-синюю Chevrolet Caprice 1996 года. С большими мягкими сиденьями, на которых можно было утонуть, и огромным багажником, куда помещалось всё, что только можно было представить.

Первая самостоятельная поездка домой на «Капризе» за день до благотворительного вечера запомнилась мне навсегда. В сравнении с отцовским старым фургоном машина казалась мне просто вихрем — она несла меня по залитой закатом дороге в пятницу вечером, после работы. Я был счастлив как никогда. Ощущение скорости и контроля над ситуацией — самое прекрасное чувство, которое давала мне поездка.

Сьюзи я ничего не сказал о приезде — она ждала меня только рано утром в субботу, чтобы у нас было время всё подготовить. Гости должны были собраться к шести вечера. Но я решил сделать ей сюрприз. Нам не хватало времени друг на друга, и мне действительно хотелось оказаться с ней наедине, поэтому я хватался за любую возможность.

Сьюзи, конечно, знала о моей мечте купить машину, но, когда я подъехал к её дому, нажал на клаксон, а затем облокотился на дверцу, она медленно спустилась с крыльца, глядя на меня так, словно не верила своим глазам.

— Тэйт это же — выдохнула она, подходя ближе и касаясь рукой капота. — Когда ты успел купить её?

— Вчера вечером, — ответил я, не в силах сдержать улыбку.

Она обошла машину, провела пальцами по дверце, заглянула в окна и только потом подняла на меня глаза.

— Она такая красивая, и тебе очень подходит. Теперь следующая мечта — домик в горах? — спросила она, подходя ко мне ближе.

— Нет, — протянул я, открывая дверь со стороны водителя. — Теперь — твоя мечта.

Девушка уставилась на меня с непониманием и недоверием, но всё же с блеском в глазах села за руль. Я закрыл за ней дверь и сел рядом.

— Ты ты серьёзно? — спросила она, сжимая и разжимая пальцы на руле.

— Абсолютно, — кивнул я. — Ты же хотела научиться водить, время пришло.

Она посмотрела на меня, потом на рычаг переключения передач, потом снова на меня.

— Я даже не знаю, с чего начать — растерянно произнесла она.

— Для начала — пристегнись, — улыбнулся я. — И выдохни.

Она послушно пристегнулась, глубоко вздохнула и выдохнула.

— Хорошо. А теперь?

— А теперь — нога на педаль тормоза.

— Левую? — она растерянно посмотрела на педали.

— Нет, Сьюз, правую. Левая только для сцепления, но у нас автомат, так что левая просто отдыхает.

Она переставила ногу, и я услышал, как она нервно сглотнула.

— Не бойся, — успокоил я, накрывая её руку своей. — Давай. Правая рука на рычаг, переводим в драйв. Да, вот так. Теперь плавно убирай ногу с тормоза.

Машина медленно покатилась вперёд, а Сьюзи изо всех сил вцепилась в руль.

— Тэйт, она едет!

— Так и задумано, — рассмеялся я. — Теперь нажимай на газ. Только плавно, не резко.

Она нажала, и «Каприз» послушно ускорился. Мы выеха-

ли с улицы на пустую вечернюю трассу.

— Поворачивай направо, — скомандовал я. — Не бойся, руль крути плавно.

Она повернула, и машина послушно вписалась в поворот.

— Получается! — воскликнула она.

— Ты прирождённый водитель, — засмеялся я, наблюдая за восторженной девушкой.

Мы провели так почти два часа. Сюзи училась трогаться, тормозить, поворачивать и парковаться. «Каприз» слушался её, иногда по-доброму поскрипывая, когда она слишком резко нажимала на тормоз. Я сидел рядом, подбадривал, подсказывал, иногда держал её руки в своих, когда она волновалась. Уставшая, но такая счастливая, она пыталась отдышаться после неожиданного заезда по трассе на скорости сто двадцать километров в час.

— Это просто потрясающе, Тэйт! — повернувшись ко мне с восторгом, она крепко обняла меня. — Хочу ещё!

— Можем делать это когда захочешь, — улыбнулся я.

— Сразу после благотворительного вечера Гвен снова уезжает в Балтимор по работе на несколько дней, так что — приблизившись, Сюзи медленно провела языком по моей нижней губе. — Наконец сможем побыть одни — обвив мою шею, она придвинулась ко мне, оказавшись почти что на пассажирском сиденье.

Это было не лучшее место для всего, что мы хотели бы сделать, чтобы наконец по-настоящему сблизиться, но зато

это было единственным местом, где мы были одни и никто нас не трогал. Ну почти.

Как всегда, очень вовремя, послышалась вибрация.

— Это Гвен, — отстранившись и достав из серебристой кожаной куртки телефон, сказала Сьюзи, тяжело вздыхая. — Я не сказала, куда иду, и меня нет уже пару часов, так что

— Я тебя отвезу, а завтра уже вся эта суматоха закончится, — сказал я, держа её за руку.

— Я — глядя вниз на свои колени, девушка замешкалась. — слишком настойчива?

— Что? — удивился я, заглядывая в её глаза, которые она опустила.

— Мне кажется — ладонь Сьюзи тут же вспотела, и я это почувствовал. — Что только я об этом говорю. Не знаю ты постоянно в делах, а ещё я тут

— Эй, — я коснулся её щеки и посмотрел в глаза, в которых отражались замешательство и нерешительность. — Я хочу этого не меньше, чем ты, поверь. Это серьёзный шаг, и я хочу, чтобы всё было идеально.

Девушка слабо улыбнулась, но снова опустила глаза.

— Прости, что дал повод думать, что это не так, что мне не хочется. Позволь мне устроить всё как положено, ладно?

Сьюзи медленно подняла голову и посмотрела на меня. В её глазах больше не было неуверенности — только тепло и тихая благодарность.

— Ладно, — прошептала она, а я, притягивая её к себе,

поцеловал в макушку, и мы вернулись в наш тихий городок.

Никогда не знаешь, чего ждать. Жизнь настолько непредсказуема, что ты постоянно в стрессе, пытаешься всё контролировать. Но это невозможно. Некоторые вещи просто случаются вопреки всему, как, например, сегодня утром, когда Джон позвонил мне и сообщил о поломке генератора, благодаря которому горели гирлянды, развешанные по всему парку.

— Я не знаю, что случилось, — голос Джона звучал устало. — Вчера при проверке всё работало, а сейчас он то включается, то выключается. Боюсь, мы можем остаться без света и музыки.

Маленькая пуговица, которую я крутил в этот момент, пытаясь застегнуть белую рубашку, вдруг отвалилась и покати-лась под стол. Я не выдержал и выругался сквозь зубы прямо в трубку, чем рассмешил Джона.

— Полегче, пастор, полегче. У нас есть несколько свечей на столах для декора, к вечеру мы можем их зажечь, но лучше бы подкупить ещё. Предлагаю не ждать и ехать в универ-маг прямо сейчас. Девчонок не будем волновать, пусть собираются.

— Ладно, — выдохнул я, снимая рубашку. — Ладно.

— Не нервничай, я сейчас подъеду.

Легко сказать «не нервничай». С ночи я плохо спал, с утра был весь на нервах. Помимо благотворительного вечера, я всё время думал о нашем разговоре со Сьюзи, но было кое-

что ещё, от чего меня трясло.

— Ты уверен? — спросил я, когда мы загружали пакет, набитый различными свечами, которые скупили в универмаге.

— Эби так сказала, когда мы разговаривали позавчера. Она не придет, успокойся уже, — глядя на меня как на сумасшедшего, заключил Джон.

Но успокоиться не получалось.

— Слушай, ещё на всякий случай позвоню своим ребятам, узнаю, есть ли у кого генератор. Свет-то у нас будет, а вот без музыки люди просто постоят и разойдутся, — сказал он, захлопывая багажник.

— Ладно, хорошо, — согласился я, садясь на пассажирское сиденье и глубоко выдыхая, надеясь, что это мне поможет.

— Отвезу тебя домой. Успокойся, выпей чай с мамиными травками, одевайся и приходи, об остальном я позабочусь, — застёгивая ремень безопасности, сказал Джон, и я слабо кивнул.

Ближе к вечеру

Когда начали съезжаться первые гости — те, кого я не видел много лет, и те, кого не знал вовсе, — парк горел огнями. Спасибо одному из работников Джона, который одолжил нам генератор. Столы, красиво украшенные, стояли со свечами и сладостями, а по всему парку разливалась музыка. Я вместе с отцом приветствовал гостей, разговаривал с ними, не давая скучать, но, если честно, всё это больше было похо-

же на то, что я носился по парку, отслеживая, ничего ли не сломалось и всё ли в порядке.

В беготне я ничего не замечал вокруг, пока меня не остановила Сьюзи. Она стояла совсем одна среди незнакомых ей людей. На ней было тонкое, почти прозрачное платье нежно-го бежевого оттенка, струящееся при каждом движении, как второй слой кожи. По всей ткани искусно вышитый бисером узор — мелкие цветы и листья — мерцал и переливался в огнях гирлянд, создавая иллюзию живого, дышащего полотна. Оно открывало плечи и ключицы, спускаясь к зоне декольте, но не вульгарно, а изящно, как в старых голливудских фильмах. Её волосы красиво струились по спине и плечам, а бежевый макияж подчёркивал молодое, милое лицо.

— Ты — выдохнул я, забыв, что хотел сказать. — Ты прекрасно выглядишь.

Она смущённо улыбнулась и поправила вышитую бисером бретельку.

— Спасибо, ты тоже. Кажется, всё идёт хорошо?

— Кажется, да. Надеюсь, тебе не слишком некомфортно, ты здесь никого не знаешь.

— Главное, что я знаю тебя, — улыбнулась она, касаясь моей руки.

— Скоро я объявлю тот танец, которому тебя учил.

— Пулл, — кивнула она. — Мне очень понравился этот танец. Особенно танцевать его с тобой.

Я коснулся её цепочки и поправил лежащую на шее ма-

ленькую звёздочку.

— Схожу проверю, всё ли в порядке, и вернусь, — сказал я, легко целуя девушку в щёку.

— Хорошо, поболтаю как раз с Эби, — сказала она, выглядывая из-за моей спины. — Интересно, кто это с ней

Я машинально повернулся, проследив за её взглядом, и умер.

Рядом с Эби шла незнакомая мне девушка в серебристом шёлковом платье, струящемся при каждом шаге, на невысоких каблуках, делающих её походку женственной и изящной. У неё было короткое каре — такое короткое, что передние прямые чёрные пряди едва касались её оголённых ключиц.

— Мне кажется, я её где-то видела — произнесла Сюзи, стоящая рядом.

В этот момент я молился. Впервые за полтора года. Я просил, чтобы сердце перестало стучать так громко, ведь я не слышал ничего вокруг. Мир стал пустым, тихим и никчёмным, в то время как её большие серые глаза держали меня так крепко, словно самый искусный гипноз.

Секунды превратились в вечность. Я чувствовал, как по телу разливается ледяной холод, как руки начинают дрожать. Горло пересохло так, что я не мог сглотнуть. В груди всё сжалось в тугую, болезненный комок.

Я хотел убедить себя, что она незнакомка. Что я никогда не видел этого лица. Что эти серые глаза не выжигали мне душу полтора года назад. Я повторял это себе раз за разом,

пока она медленно приближалась ко мне, не разрывая зрительного контакта.

В её глазах я видел, что и я стал для неё незнакомцем. Она смотрела пусто, устало и даже с тенью презрения. Стараясь не подавать виду, я второй раз про себя читал молитву. Неосознанно и машинально. Словно увидел перед собой что-то греховное, порочное и даже дьявольское. И у этого были серые глаза, которые вмиг парализовали меня.

— Тэйт! — подошла и обняла меня Эби, обхватывая руками так крепко, что я оказался в кольце её рук. — Прости меня, — прошептала она быстро мне на ухо, так, чтобы услышал только я, а затем отстранилась и подошла к Сьюзи. — Здравствуй, Сьюзи, — она тоже обняла её, но всего лишь мимолётно.

Всё это время гипноз продолжался. Незнакомка смотрела на меня, не шевеля телом, но при этом шевеля глазами, словно читала что-то на моём лице. И мой растерянный вид позволял ей понять: её гипноз всё ещё действует.

— Знакомься, это Сьюзи, — представила Эби незнакомке, и та наконец отвернулась от меня и протянула руку моей девушке.

— Приятно познакомиться, — сказала она, но не назвала своего имени. Лишь наигранно — я знал, что это не настоящая её улыбка — улыбнулась. И снова посмотрела на меня взглядом, который длился пару секунд, но показался вечно-стью.

«Только не сейчас, — подумал я про себя, чувствуя, как по спине стекает капелька пота. — Не тогда, когда я счастлив» — просил я мысленно, глядя, как она медленно протягивает мне руку.

— Здравствуй, Тэйт, — произнесла она, глядя на меня, как на святой лик, ангельским голосом.

Я знал: если не протяну ей руку, дам повод не только Сюзи подозревать меня в чём-то, но и себе — сомневаться в своих чувствах. Знал, что она делает это специально, чтобы испытать меня, чтобы посмотреть, как я сломаюсь. Знал, что уже ничего хорошего не будет, что меня отбросит на полтора года назад и что я проиграю при любом раскладе — коснусь её руки или нет. И всё же протянул руку, обхватил её холодную, несмотря на июльскую жару, тонкую бледную кожу и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.